Сяргей ДАВІДОВІЧ

ЗБОР ТВОРАЎ

Сяргей
ДАВІДОВІЧ

Вершы
Паэмы

Том 14

Мінск
Выдавец Зміцер Колас
2021

УДК 821.161.3-821
ББК 84(4Беи)
Д13

Рэдагаванне і малюнкі аўтара

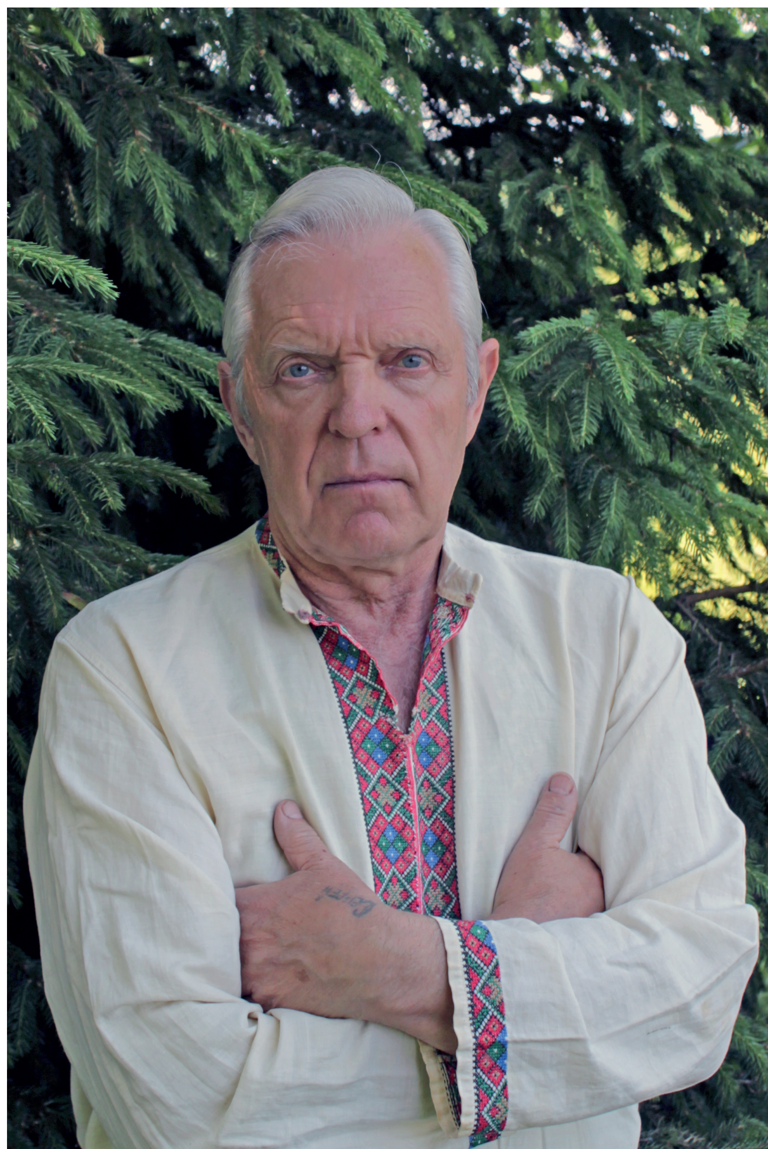
Давідовіч, С. Ф.
Д13 Збор твораў. Т. 14. Вершы. Паэмы. / Сяргей Давідовіч. — Мінск : Зміцер Колас, 2021.— 376 с., іл.

ISBN 978-985-23-0139-8.

У чатырнаццаты том збору твораў Сяргея Давідовіча, увайшлі новыя вершы і паэмы, напісаныя ў 2020–2021 гг.
Ацэнку іх паэтычнай вартасці могуць даць толькі чытачы і час.

УДК 821.161.3-821
ББК 84(4Беи)

ISBN 978-985-23-0139-8

Вершы 2020–2021

Таямніца, навізна

Ад усіх па нітцы — і кашуля будзе,
І табе за гэта дзякуй, шчодры свет.
А калі па слову гаваркія людзі
Ад душы падораць — вось вам і паэт.

Словы — не забава, прымаўкі — не жарты,
Да учынку ўчынак — вось ланцуг падзей.
Што бы мог зрабіць я і чаго б быўварты,
Каб я жыў асобна, не сярод людзей.

Дзякуючы людзям, назіранню, мове,
У душы натхненню лёгка прарасці.
Так вось ажывае ў паэтычным слове
Бачанае калісь, чутае ў жыцці.

Лепшага сабе не пажадаю лёсу,
Колькі таямніцы ў ім і навізны!
Я перад людзьмі не задзіраю носу —
Мне падаравалі талент свой яны.

На вяршыню Галгофы

Думкі, мары нязбыўныя, рыфмы і строфы,
Пераажытага гмах, недажытага міг,
Я праз сілу нясу на вяршыню Галгофы,
Да няўсыпных і праведных суддзяў маіх.

Гэта толькі яны з паднябёснай вяршыні
Назіралі штоміг ад народзін за мной.
Кожны крок па жыцці адзначалі няспынна
І грахі, і памылкі, адна за адной.

Ну а спраў маіх добрых маглі не заўважыць,
Як не бачылі іх пры жыцці на зямлі.
Будуць там, на Галгофе, грахі мае важыць,
А не добрыя справы, якія былі.

Я зрабіў гэтых спраў у жыцці дастаткова,
Хоць без гучных адзнакаў анкета мая.
І калі мне дадуць там апошняе слова,
Заяўлю, што ні ў чым не пакаюся я.

Біятокі часу

Паказваюць падзеі нораў свой,
Душу сціскае стынь жыцця сляпая.
У надыйшоўшай старасці маёй
Мне старасці спакойнай не хапае.

Не толькі мне спакою не стае,
Але й прысеўшай побач вернай Музе.
Каб толькі дні, дык нават сны мае
Няспынна адпачынак мой валтузяць.

І ўсё ж я не магу жыццю свайму
За рытм шалёны прад'явіць папрокі.
Ўсё гэта адбываецца таму,
Што сэрца ловіць часу біятокі.

Плач наўздагон

Мір табе наўздагон,
Век аджыўшы свой, вёска,
Ты — не родная,
Нашага часу дачка.
Ён нявечыў цябе
І бяздушна, і жорстка —
Так падточвае бераг
Няспынна рака.

Вось і блізкі фінал…
Колькі вас засталося,
Састарэлых жанчын,
Вашых хатак між дач?
І не вернеш сюды
Ні дзяцей шматгалоссе,
І ні хросьбінаў,
І ні вяселляў — хоць плач.

Дажываюць свой век
У нястачы вяскоўцы,
Паміж пенсій скупых —
Зноў, хоць плач, хоць крычы.
У ватоўцы бабуля
Ледзь нясе ў хату дроўцы,
Каб астылую печ
Напаліць да начы.

Падтрымае іх хто, адзінотаў?
Пытанне.
І каму яны трэба, такія?
Бяда.

Як ім збалансаваць,
Аднавіць харчаванне,
Калі іх рацыён —
Ледзь не хлеб і вада?

Сумна, цесна ў наш час
На вясковых магілах,
Над вяскоўцамі суд
Тут спраўляе свой баль.
Колькі дач і катэджаў
Ля хатак пахілых,
Але ж дачнікі — гэта
Не вёска, на жаль.

Век для гора — бясконцы,
Для шчасця — кароткі.
І адзін, і другі,
Праляцелі, як сон.
Мір табе наўздагон,
Светлы час нашых продкаў —
З развітальнай слязой,
Сэрца плач наўздагон.

Іголка ў стозе

Я зразумеў, што чалавек — іголка,
А свет вакол — з прытухлым пахам стог.
Шукаць іголку ў стозе, мала толку,
Яе не знойдзе ў ім, напэўна, й Бог.

А я ж сцвярджаў, што чалавек — пустэльнік
Між тысячаў людзей, дзе ні душы,
Дзе не царкоўны звон, а звон бутэлек,
Дзе праваручны ён, а ўсе ляўшы.

Так, з вамі мы — пустэльнікі, іголкі,
Губляемся на старасці гадоў.
Мы — самаратавальнікі й анёлкі,
А «стогу» не да нас — і ўся любоў.

Руплівасць

Працуй хаця б увесь свой век
У полі, на сядзібе, ў хатцы.
І ўсё ж ніколі чалавек
Усёй не пераробіць працы.

Спрадвек гучыць адзін матыў
У чалавечае прыродзе:
Адно, дзясятае зрабіў,
А сто яшчэ на падыходзе.

Што чалавек гультай — мана,
На полі, на сядзібе, у хатцы,
Ён ад цямна і да цямна
Усё у працы, ў працы, ў працы.

Руплівасць — не благая рэч:
Жыць сёння лепей, чым учора.
Каб чалавек жыў з плеч у печ,
Мы б заставаліся ў пячоры.

Ген памяці

Мы жывём на узроўні пачуццяў,
Больш высокі узровень ці ёсць?
Мы жывём, каб, пайшоўшы, вярнуцца,
Каб застацца, хоць кожны з нас госць.

Застанемся, не знікнем мы, будзем,
Хто — надоўга, а хто — назаўжды,
Калі ў іншых пачуцці разбудзім
Праз адноўлены час, праз гады.

Мы ацэньваем самакрытычна,
Што ў вечнасці вечны ёсць сон,
Што з зямлі гэтай знікнем фізічна,
Але й памяці ген — вечны ён.

Пачатак дня

Віднее. Ціха. Дня пачатак.
У раніцы ружовасць шчок.
Над лесам аблачынак статак,
Над імі — месяц-пастушок.

Святло псуе яго браваду,
Знікае ён з вачэй зямлі.
І аблачынкі без дагляду,
Адчулі вольнасць, паплылі.

Пачатак дня, ён параўнальны
З жыццём, нацэленым у свет.
Ён і бадзёры, і запальны,
І поўны сіл, і поўны мэт.

Пачатак дня, як спраў дыспетчар,
Плануе, рупіцца, гудзе,
Бо ведае — надыдзе вечар
Й пачатак ночы прывядзе.

Дзве сястры

Абклала хмарамі абапал,
Маланкі — там, то тут.
Па кім жа ты дажджом
заплакаў,
Мой мілы кут?

Прымаю сэрцам блізка-блізка
Твой сум, тваю тугу.
Мой родны край, мая калыска,
Твой боль прыму.

Мой лёс з тваім і я з табою —
Ў адным жыцці-віры.
Мая сляза з тваёй слязою,
Як дзве сястры.

Не вечныя ж над намі хмары,
Адхлыне час слаты.
Я веру — аб адным мы марым,
І верыш ты.

Бяссілле

Гняце бяссілле, Божа,
Жыць невыносна з ім —
Мая бездапаможнасць
Дапамагчы другім.

Канае свет вялікі,
Я бачу ў ім найперш
Гаротнікаў без ліку.
Пакутнікаў не менш.

Ды што з таго, што бачу,
Што боль чужы прыму?
Я свет не перайначу,
Аддам хоць без астачы
Сваё жыццё яму.

І гэтае бяссілле
Гняце, нявечыць, гне.
Мне падсякае крылле
І раніць сэрца мне.

11.XII.2020

Другое жыццё

Из книг, превозмогая тлен,
Встает другая жизнь
поэта.

Пьер Ронсар

Памёр паэт — і кніжкі на паліцу,
Як не было яго, але праз іх,
Даў Бог паэту двойчы нарадзіцца,
Праз творы зноў вярнуцца да жывых.

Няўжо гады жыцця — перыяд горшы
Для вынаходца паэтычных слоў?
І ўжо праз час, паэт, з жыцця пайшоўшы,
Бывае больш жывы для чытачоў.

Мінула свята — мы яго святкуем,
Хаця заўжды мінулае, як сон.
Мы пры жыцці, што маем, не шануем,
А ўжо згубіўшы, плачам наўздагон.

Адкрыю сакрэт

Адкрыю вам сакрэт — я старасць не люблю
І мару, каб яна мяне не палюбіла.
Таму — у меру ем і па-спартанску сплю,
І нават на дзяўчат я пазіраю міла.

І лёгкаю хадой іду, хоць цяжка мне,
Калені я не гну, спіну трымаю прама.
Магу гульнуць ва ўсю, з другімі нараўне
І чарку, нават тры магу кульнуць таксама.

Праз гэта я хачу даць старасці пад дых,
Маўляў, у коле год не лішняя я спіца.
Вядома ўсім, што старасць не любіць маладых,
Таму і да мяне баіцца падступіцца.

Каму гэта трэба?

Раскрый, Купала, вочы,
У наша сёння глянь.
Няма больш чорнай ночы,
Чым той, што сёння змрочыць —
Хутчэй, Купала, ўстань!

*

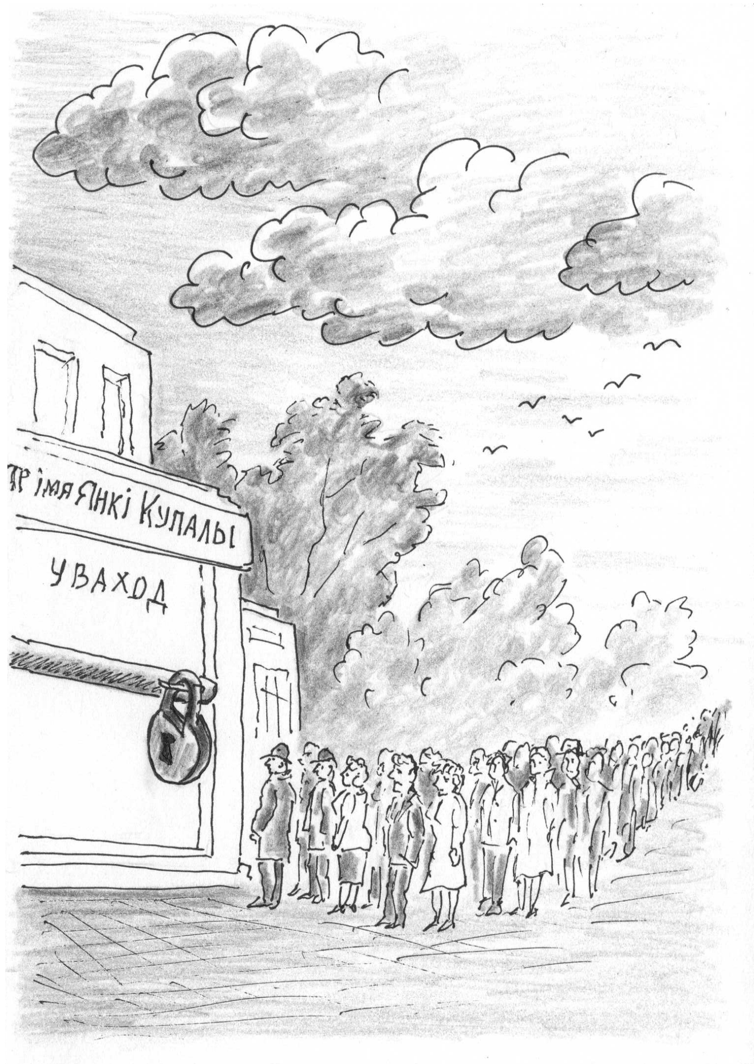
Тэатр імя Янкі Купалы
Нагадвае пустку-турму.
Яго нечакана не стала,
Закрыўся ён раптам. Чаму?

Пік глупства ці нечых амбіцый
Нязменна ў тупік завядзе.
Спектакляў няма, рэпетыцый
Ў раскіданым гэтым гняздзе.

Ну й нумар — трымайся за неба!
Трагізмам за сэрца кране.
Купалаўцы! Вам гэта трэба?
Няўжо беларускасці? Не!

Культуру паклалі на шалі —
Яна ў заняпад ці наўздым?
Акцёры каму падыгралі?
Хто не з беларускасцю — тым.

Крыж ставіць на роднае мове,
Хто мае на гэта правы?
Не, гэта не глупства, панове,
Больш страшнае творыце вы.

імя Янкі Купалы
УВАХОД

100 год вам, а вы, нібы дзеці,
На сцэну пара, як раней.
Шукаю я лішні білецік
Папасці на ваш юбілей.

*

Раскрый, Купала, вочы,
У наша сёння глянь.
Няма больш чорнай ночы,
Чым той, што сёння змрочыць,
Хутчэй, Купала, устань!

Верасень 2020 г.

Каўчэгі творчасці

Усім не дагадзіць ні вершам, ні паэмай,
Ні гумарной, ні трагедыйнай тэмай,
Хоць памірай.
Зласліўцы будуць — хоцьма ці не хоцьма,
І крытыкаў, і «падкалодных» процьма,
Ажно праз край.

Чамусьці з даўніны у творчым асяродку
Калегу прагнуць прадзіравіць лодку,
Пусціць на дно.
І хоць пад лодкай акіян-бяздонне,
Акрылены ўзляціць, а не патоне,
Усё адно.

Заўжды чытаю вас і цешуся, калегі,
Не лодкі вашы творы, а каўчэгі
У цемры год
Яны ратуюць творчасць і духоўнасць,
У іх заўсёды ўратаваных поўна
З жыццёвых вод.

Святыя храмы

Хоць я паэт, ды што з таго?
Пытанне гэта без адказу.
Мой верш маўчыць, калі яго
Ніхто не прачытаў ні разу.

О колькі вершаў ёсць «нямых»,
Маўчаць душ нашых абярэгі.
Уклалі талент, сэрца ў іх
Таленавітыя калегі.

У кожнага паэта ёсць
Свой творчы свет, не свет агульны.
Цікавы верш — жаданы госць,
Яму ў душы жывой утульна.

Духоўны, каб агонь не згас,
Як прад аслеплымі кратамі,
Вунь — крамы кніжныя для вас,
Бібліятэк святыя храмы.

Скарга

Снежань, а снегу няма,
Не сабярэцца ніяк.
«Дзе ты ўжо, зімка-зіма? —
Скардзіцца заяц-беляк.—

Шэрую крыўду я п'ю,
Шэрыя дні ўсё адны,
Шэрую шубку сваю
Я распрануў да вясны.

Белая футра цяпер
Аж да вясны у мяне.
Ці паляўнічы, ці звер,
Лёгка убачыць мяня.

Снег для мяне абярэг
Ад небяспечных вачэй
Снежань, дык дзе ўжо твой снег?
Разварушыся хутчэй».

Благі саюзнік

Мінулае заўжды ў належным стане
І ад яго штораз больш доўгі цень.
Яно расце й расці не перастане,
Бо да яго імкнецца кожны дзень.

А будучыня? Што яе чакае?
Як ёй расці? З якіх такіх ідэй?
Яна ж праз кожны дзень перацякае
У час мінулы — ну а што далей?

А чалавецтва — усё ж саюзнік ночы,
Ад ісціны не дзецца анідзе —
Пасля жыцця не ў будучыню крочыць,
А дружна у мінулы час ідзе.

Што ж, гэта жарт… але у жарце кожным
Ёсць і сур’ёзны сэнс, зусім другі:
Застацца мы без будучыні можам,
Бо мы саюзнік для яе благі.

Сон

Ранняга захаду сківаца
Чырванню пазяхае.
Вечар да ночы хіліцца
Ветрык-блазнюк сціхае.

Цемра спалохам заячым
Кра́дзецца асцярожна.
Месячык немігаючы —
Кожнаму спадарожны.

Неба фарсіста зорыцца —
У захапленні абшары.
Ноч-апоўнач бадзёрыцца,
Рупіцца, гаспадарыць.

Ноч… Цішыня цыкадзіцца…
Ў саснілае веру й не веру.
Цікава, мой сон ці спраўдзіцца —
Выйду на двор, праверу.

Не знаходжу слоў

Я вершамі сваімі перадаць не змог
Ўсю прыгажосць тваю, мой родны краю.
Навошта ж я тады ў паэзіі, мой Бог,
Пакутую, згараю, ўваскрасаю?

Хто вінаваты ў тым?
Ці малаўзнёслы я?
Ці беднасць слоў, якія я ўжываю?
Ці часу недахоп? Ці прыгажосць твая,
Недасягальная для вершаў, родны краю?

Я, тым не менш, пішу,
З паэзіяй я зноў,
З ёй сустракаю дні і засынаю.
І ўсё шукаю іх, і не знаходжу слоў,
Уславіць каб цябе, мой родны краю.

Маяк

Калі мінулае, маёй душы — маяк,
Высвечвае свячой аджыўшых дат,
А для мяне даўно ўсё гэта так —
Плыву я не наперад, а наўспят.

Мінулае, нібыта ў пастцы сыр,
Які я сэрцам бачу, а не з’ем.
Плыву я не на той арыенцір,
Трымаю курс да тых, хто «глух и нем».

Ды лодка лёсу ў кожнага свая
І сустракае свой дзявяты вал.
А што, калі не збіўся з курсу я,
І, дзе святло свячы, там мой прычал?

Клінам свет

Адкуль патрыятызму быць у маладых,
Патрыятызм якіх нікольki не цікавіць?
Культура, мудрасць кніг мала цікавіць іх,
Яны свой час у інтэрнэце бавяць.

Што за патрыятызм?
Для многіх клінам свет,
Праспала душы моладзі дзяржава.
Затое не праспаў дасужы інтэрнэт,
Сваёй маной ён труціць душы жвава.

Не спіць і ён —
Інфармацыйны час,
За душы барацьба ідзе сурова.
Наведайце у школе нашай
першы клас —
Там пра патрыятызм — аніпаўслова.

Як важна раскрываць
З сям'і, з малечых год,
Патрыятызм на словах і на справе,
Інакш не патрыёт расце, а антыпод
Свайму грамадству і сваёй дзяржаве.

Мяняе час людзей,
Час не стаіць, ідзе —
Як грымнуў гром, мы моладзі папрокі:
Дзе ваш патрыятызм?
Радзіма ваша дзе?
І дзе нацыянальнасці вытокі?

Патрыятызм не можа ўзяцца ніадкуль,
Як і сплючы ніхто не створыць дзею.
У інтэрнэтных «вундэркіндаў» —
Разумення нуль
І пра нацыянальную ідэю.

Не станеш патрыётам,
Хоць сто гадоў жыві,
Калі жывеш штодня з манаю разам.
Патрыятызму ў сэрцы месца,
У крыві,
Патрыятызм не адрадзіць Указам.

Як мала трэба...

Я зімкай буду бачыць сны
Пра кут, дзе Бог даў нарадзіцца.
Эх сны… Дажыць бы да вясны,
Ступіць на родную зямліцу.

Нямогласць адхінуць у бок,
Душой амаладзіцца зноўку,
Абняць пасля зімы садок,
Вітаць сякеру і рыдлёўку.

Як мала трэба для таго,
Каб творцам быць шчаслівай долі:
Ніколі ад гнязда свайго
Не адлятаць ужо ніколі.

А колькі ж іх, у зімкі дзён?
У сэрцы блытаюцца лічбы —
Іх дзевяноста… як мільён…
Я буду крэсліць іх —
Дажыць бы…

Карпілаўка
26 лістапада 2020 г.
ад’езд у Мінск

Учора-заўтра

Каб мне сёння ўдалося
Здзейсніць тое, што ўчора,
Майго поля б калоссе
Выспявала без гора.

Я б дажынкі на троне
Ухваляў гэтым святам.
Ганарыўся б я сёння
Умалотам багатым.

Сёння хутка адыдзе,
Час ніхто ўжо не верне.
А для заўтра, што прыйдзе,
Захаваць трэба зерне.

Вось і заўтра настала,
Голад з ім неўспадзевам.
Пэўна, ўчора я мала
Працаваў над пасевам.

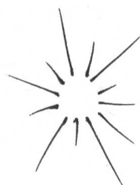
Водар успамінаў

О лецейка пара,
Часоў малечых дні,
Я помню да драбніц
Ваш водар, сколь жыву.
Мы шумнай табалой,
Між гуляў, бегатні,
Аддыхацца, гуртом
Валіліся ў траву.

Мы ўсе, да носу нос,
Нібыта сонца круг,
Нагамі круг шырэй,
Нібыта сонца промні.
Насупраць — кожны сябар,
І збоку кожны друг,
А там, дзе «нос да носу» —
Наш дыспут непрытомны.

І кожны ў гамане —
Мудрэй за мудрацоў,
Ўжо праз хвіліну мы
Не адчувалі стомы.
Травінка у зубах
У кожнага з мальцоў,
Сцяблінкі кожнай смак
Быў кожнаму знаёмы.

І тых травінак пах,
І тых сцяблінак смак,
У памяці душы
Знаёмы назаўсёды.

Адкінуўшы гады,
Эх, сёння б легчы так
З травінкай у зубах,
Пасля жыццёвай стомы.

І ўсё ж я рызыкнуць
Рашыў на схіле год,
Кульнуўся на траву,
Нібы малец, з размаху.
Мне муліла зямля,
Мне замінаў жывот,
Сцяблінка у зубах —
Ні смаку і ні паху.

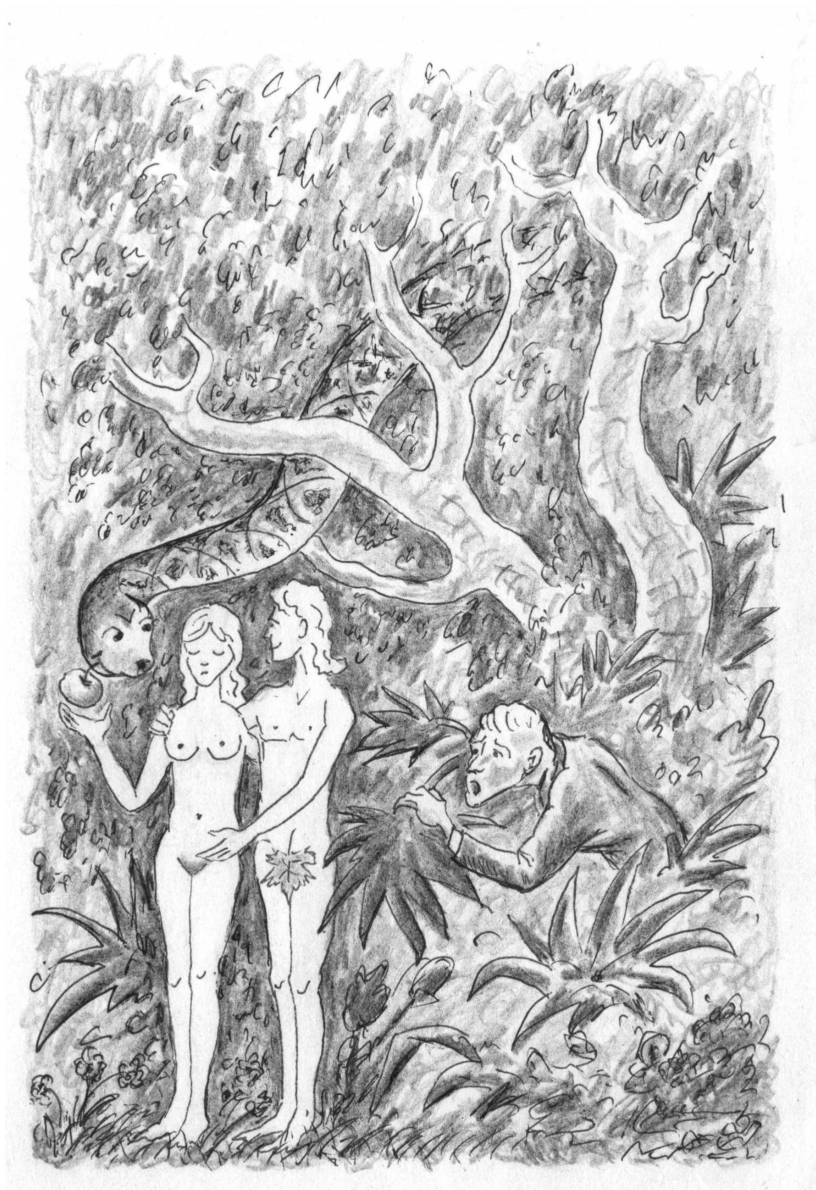
Прыемна ўсё ў пару,
Ўсё добра да пары —
І гулі басанож,
І тонкі смак сцяблінаў.
Я памятую вас,
Мальцы, мае сябры,
Я ў сэрцы вас нашу
І водар успамінаў.

Хто я без цябе?

Ой ты, краю родны мой,
Над табой вякі гулі.
Ты мой лёс і больш святой
Для мяне няма зямлі.

У святочнасці, ў журбе,
На чужбіне й дома тут,
Хто я, што я без цябе,
Без цябе, мой мілы кут?

Ні хвіліначкі адной
Без цябе не марыў я.
Вось і сёння ты са мной
І з табой душа мая.

Апраўданне

О, грэшны свет людзей адроду,
Хоць грэх — брыда ўсяму святому.
Мне грэх прыносіць асалоду,
Калі не чыніць зла нікому.

Свет выхаваў мяне — я грэшны,
Жывеш з ваўкамі, вый па-воўчы.
І бачыць мне «бязгрэшных» смешна —
Крутых, прыўладных, грэшных тройчы.

Я грэшны й не хаваю гэта,
Грэх — спадарожнік мой нязменны
Пачаўся грэх спачатку века,
Грашаць ўва мне Адама гены.

Даражэй усяго

За мару такую, жыццё, мне прабач,
Я буду шчаслівым паэтам у свеце,
Калі хоць адзіны мой верш,
Хоць адзіны чытач
Аднойчы сваім прачытае ён дзецям.

А дзеці пазней прачытаюць сваім,
Знакомячы з моваю, дзецям уласным.
І верш будзе жыць, і сустрэнуцца ў ім
З душою душа і былое з сучасным.

А аўтар? Калі й не згадаюць яго,
Такое бывае, такое не нова,
Паэтам усім даражэй усяго,
Каб слова жыло — паэтычнае слова.

Зайздрасць

У векавым жыцці было бяды зашмат,
У векавым жыцці і жахі векавыя
Жывых сваіх ахвяр заўжды палохаў кат,
Што мёртвым пазайздросцяць пакутнікі жывыя.

Як гэта? — думаў я,— Што лепей за святло?
Не давядзі нам, Бог, з жыцця у цемру збочыць.
Каб смерць вышэй жыцця, такога не было,
Ніколі не было, каб дзень зайздросціў ночы.

Буяе ў сэрцы сум, разбэрс у галаве,
Падзеямі, жыццём пацёрты-перацёрты,
Адзін з радні сваёй пакуль яшчэ жыву,
Я, жыць пакуль жыву, але зайздрошчу мёртвым.

Што з таго?

Вунь, вогнішча гарыць яскрава,
Шугае жар, ды што з таго,
Калі налева і направа
Ані душы каля яго.

І хоць агонь гарэў без спешкі,
Фарсіста, ад жыцця ў баку,
Ён дагарэў — і галавешкі
Астылі, нават ні дымку.

Гару і я самаадданa,
Ды час мне ў твар сказаў і ўслых:
«Гарэць самому не складана,
Ты запалі сабой другіх».

Ратацыя

Мазгі ламаю я дарма,
Незразумелага нямала.
Міністр быў, цяпер няма,
Яго ратацыя злізала.

Нікуды без яе, на жаль,
Ратацыя — жах памінальны.
І перад ёю «вертыкаль»
Кладзецца ўся гарызантальна.

Мой лёс, ты данасіўся ўшчэнт,
Цяпер праблема вось якая:
Паколькі я не прэзідэнт,
Мяне «ратацыя» чакае.

Жывая елка

Улады горада запэўнілі ўсіх нас:
Каб Новы год стаў больш запамінальным,
Жывая елка будзе гэты раз
Стаяць на плошчы гарадской цэнтральнай.

І гараджане ўголас — ох ды ах!
Які зялёны цуд — не надзівіцца!
Гэта ж не нейкі там жалезны гмах,
А прыгажуня з лесу — водар, пах,
З якой сцякае, як сляза, жывіца.

Вакол яе — жывы, святочны люд,
Здароў’я і жыцця сабе жадае.
Жывая елка — навагодні цуд,
Але, на жаль, яна ўжо не жывая.

Замкнецца кола

Не лёгкая для сэрца праца
Ў сваё мінулае вяртацца,
Дзе нашы выстылі сляды.
Хоць блізкіх, родных там нікога,
Хоць там сляпой тугі аблога,
Ўсё ж цягне й цягне нас туды.

Ў сваё мінулае вяртанне —
Не свята, самакатаванне,
Там рэха святаў, росы слёз,
Там вечнай святасці аблічча,—
Туды ўсё гэта вабіць, кліча,
Туды, дзе нарадзіўся й рос.

Жыццё гуло, гудзе наўкола,
І ўсё ж замкне калісьці кола
Наш след на грэшнае зямлі.
Жывём ад ночы і да ночы,
Не, мы не ў будучыню крочым,
Вяртаемся, адкуль прыйшлі.

Прама – крыва

Я — чалавек,
Я жыў між вас, людзей,
Я бачыў, чуў, я адчуваў, што й кожны.
Маё жыццё круціў малох падзей.
Мой розум труціў чад чужых ідэй —
Час злыдзень, час анёл — мой спадарожны.

Я ў гэтым часе жыў і ад яго
Шмат браў чаго, свядома й падсвядома.
Нясу святло і цень жыцця майго —
Ад светлага — уздым, ад змроку — стома.

Я мог бы стаць у позу святара,
Маўляў, я белы, чысты, служка Бога,
Ды слоў такіх падманная ігра,
Апроч фальшывых нот не дасць нічога.

Усё ўва мне, што на зямлі ў жыцці,
На жаль, усё — хоць пакрысе й не дзіва.
Як ні стараўся прама я ісці,
Так і ішоў, але, бывала, крыва.

Адзіноцтва

Адзіноцтва — не востраў бязлюдны,
У нейкай бамбукавай будцы,
Дзе нікога — гады, дзе да скону не будзе
Душы чалавечай ніводнай.
Адзіноцтва — ў натоўпе, хоць у ім
Ні дыхнуць, ні крануцца,
Адзіноцтва — дзе локаць да локця,
А локаць суседні халодны.

Калі вочы у вочы,
А ад поглядаў толькі вачніцы,
А ад вуснаў — не словы, не ўсмешкі,
А колкасць калючага дроту.
Вось чаму будзе востраў бязлюдны,
А не шчыльнасць натоўпная сніцца.
І маё адзіноцтва абрала б
Той востраў бязлюдны ў ахвоту.

Няўдалы лёс

Раслі бярозы разам уахвотку,
Ўсе — ад адной адна ўсяго за крок.
Адна з іх, маладзенькая блазнотка,
Адбеглася цішком на поле — ў бок.

«Куды ты так адбеглася, сястрыца? —
Бярозавы захваляваўся гай,—
Ой, цяжка будзе там табе прыжыцца,
Да нас хутчэй вяртайся, уцякай!

Адна адну мы падтрымаць гатовы,
Тут весела ў нас заўжды — зірні!»
Але ўцякачка — нуль на тыя словы,
Пусціла ў чыстым полі карані.

Яна расла — тут сонца больш, прасторы,
А там дзе сёстры, цень і ў ясны дзень.
Ці ж малады хто думае аб горы,
Калі палае ў душы агмень?

Яна глядзела ў будучыню смела,
Шануючы зялёны сарафан.
Але раптоўна бура наляцела,
Зламаўшы у бярозкі белы стан.

І жоўкла абязсочанае лісце,
І ўся яна ляжала сумна — ніц,
І плакала яна, ды без карысці,
І ўспамінала ветлівых сястрыц.

А гай жалобна нахіліў галовы,
Не дапамогуць ёй расінкі слёз.
Бярозцы абвясціў прысуд суровы
Яе уласны і няўдалы лёс.

Яна ляжала сумна ў чыстым полі,
Як непатрэбны, кінуты шкілет…
Ніхто яшчэ ні разу і ніколі
Вясёлым не пайшоў у іншы свет.

Рэпертуар

Якія песні чуў у маладосці я,
Іх мілагучнасць сэрцу нагадаю —
Матыў срэбрагалосы ручая,
Вясенні гімн бярозавага гаю.

І красак лугавых гучаў напеў без слоў,
Якім з малечых год душа сагрэта.
І зграбны хор жытнёвых каласоў
У гонар адыходзячага лета.

А сёння чую што, узяты ў абцугі
Жалеза, шуму, чаду і бетону?
У гарадоў усіх рэпертуар другі,
Іх песні рэжуць слых, не горш праклёну.

Я не магу забыць далёкіх песень тых,
Душы падараваўшых асалоду.
Я чую, як музычны сэрца слых
Мяне ўсё кліча й кліча на прыроду.

І дзе тыя лекі?

Астынь, чалавецтва, ад злосці глабальнай,
Спыніся, цунамі людской слепаты,
Адхлынь, міждзяржаўны шторм дзевяцібальны,
Разважлівым стань, час сучасны, круты.

Дзяржавы-глушцы, на сваім такавішчы,
Не чуюць другіх, сваёй «песні» апроч.
Вось так вось малох гістарычны і нішчыць
Дзяржавы, эпохі, ствараючы ноч.

Эх мы, «хомасапіенсы», чалавекі,
Ад розуму гора — было так не раз.
І дзе тыя граблі, і дзе тыя лекі,
Якія б вярнулі да розуму нас?

Бясконцасць

Бясконцасць сусвету не дзівіць тады,
Калі адчуваеш жыцця даўгавечнасць,
Калі лёсу ўласнага зоркі-гады
Запальвацца будуць сваім Шляхам Млечным.

І ў сіле жыцця «даўгавечнага» плод,
Няхутка, здаецца, паспее пад сонцам,
О колькі запаліцца зорачак-год!
Падумаеш мера — сусвету бясконцасць!

Ах, як жа ён высах, маленства выток,
А плынь «даўгалецця» кіруецца ў Лету.
Адчуўшы, што наша жыццё — толькі крок,
Вастрэй адчуваеш бясконцасць сусвету.

У роце мазалі

Жыццё або забава?
У кожнага сваё.
А нам якая справа?
Нам даражэй сваё.

«Сваё» — ўвесь свет агульны,
Мы зрошчаныя з ім —
Культурны і разгульны,
Разумны й не зусім.

Сваё? Ў жыцці глабальным,
Складана жыць «свайму»,
Нас шторм жыцця знішчальна
Змяце па аднаму.

Свае рашаюць справы
(Чужое ўсё — не ў лік)
І людзі, і дзяржавы,
А гэта ўсё ж — тупік.

І хоць ад гэтай тэмы
У роце мазалі,
Мы «мудрыя», але мы
Мазгоў не набылі.

Ці ж можна жыць дваяка,
Дзень мудрым, дзень дурным?
Мы слоўмі сцелем мякка,
Ды жорстка спіцца ўсім.

Было у восені...

Плач адлятаючы у небе чуецца
І восень стылая да сонца туліцца.

Яна ўсіх цешыла, яна ўсіх вабіла,
Было у восені і лета бабіна,

Ураджаі важкія, палі прыбраныя
І спеўна-шумныя вяселлі знаныя.

Ды сколь ні радуйся, нішто не вечнае,
Бо недзе коціцца зіма сустрэчная.

І восень журыцца, ёй саступаючы —
У небе чуецца плач адлятаючы.

Размова

Усё, што не сказаў я сваім родным,
Не дасказаў, адкладваў — потым, потым,
Пячэ душу маю агнём халодным
І сэрца труціць час той незваротным.

Я шмат сказаў ім і кажу не мала
Цяпер, калі мяне ніхто не чуе,
Запозненa кажу, як іх не стала —
І гэтым я сваю душу лінчую.

Не пацячэ мінулы час нанова,
Адзін без іх даўно я — шматгадова.
Ніхто мне не адкажа аніслова,
А я вяду ўсё з роднымі размову.

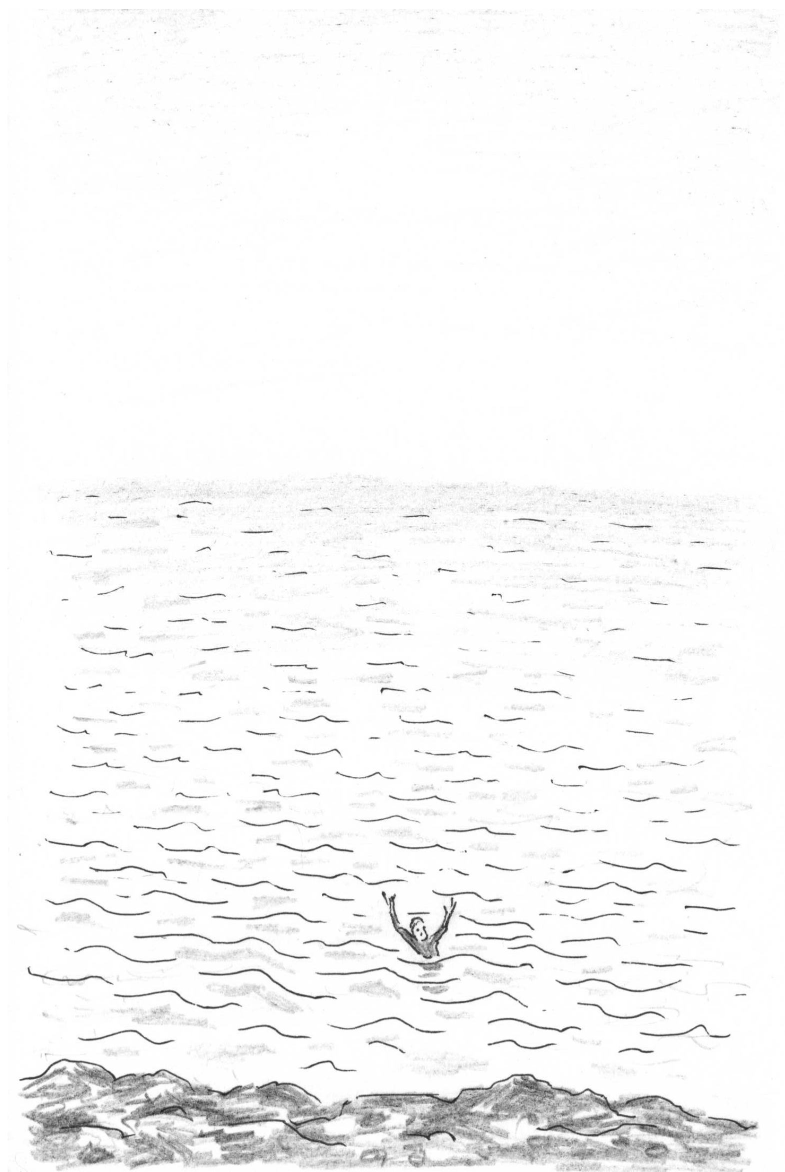
Тры чашы

Жыццё падносіць нам з напоямі тры чашы,
І кожнай з гэтых чаш мы ведаем цану.
І мы, пакуль жывём, яны ўсе, быццам, нашы,
О не, не ўсе, бо з іх мы п’ём толькі адну.

Адна, з вядомых чаш, напоўнена мінулым,
У ёй — часоў і спраў даволі сумны цень.
Ёсць з будучыняй чаша, мы пра яе ўсе чулі,
У трэцяй — наша сёння, адзін кароткі дзень.

З адной мы чашы п’ём, як калісь нашы продкі,
Перыяды жыцця — мы маем цэлых тры.
Па сутнасці — адзін, і той самы кароткі,
Дзень, у якім жывём, штодзённа да пары.

Што будзе — не жыццё, а што было — тым болей,
Адно — надзея, мара, другое — успамін.
Я паднімаю чашу, якую Бог дазволіў,
І «сёння» п’ю да дна, рэальны дзень адзін.

Сумны адліў

Прыліў быў шумны, яркі, гаманлівы,
І сэрца унісоніла з прылівам.
Я ў шумны час прыліва быў шчаслівы,
Адораны быў шчодра гэтым дзівам.

О як ўсё канчаецца імгненна
І сёння гэта мне, на жаль вядома —
На скронях засталася хваляў пена,
Ад хваляў часу засталася стома.

Прыліў адвіраваў вясёлы, тлумны,
Быццам прыход вясны, як вецер вольны.
І вось ужо адліў пачаўся сумны
І цягне за сабой мяне няўмольна.

Неабдымнае абняць

Паколькі, ўсіх адорваючы, Бог
Не шкадаваў мне творчага здароўя,
Пісаў усёй душой, наколькі мог,
Пра ўсё у свеце не пісаць не мог я.

І ўсё ж баюся штó-небудзь праспаць,
Штодзённы пошук сэнсу — маё крэда.
І прагну неабдымнае абняць,
І так хачу нязведанае зведаць.

А свет, ён — таямніца таямніц,
А свет адкрыты для бязмежных мараў.
Святла — на жаль, і ценяў не злічыць
І ў душах, і на нашым зямным шары.

І асвятляю радасцю душу,
І адчуваю на шчацэ слязу я.
На колькі здольны, шмат аб чым пішу,
На колькі Бог дае, аналізую.

За лепшы год

Апошні дзень сыходзячага года…
Што выказаць — падзяку ці праклён?
Усё ў яго актыве — плён і шкода,
І ўсё ж нашкодзіў значна болей ён.

Для нас, жывых, ён год жыцця — і гэта,
Дарунак важкі — дзякуй табе, Бог.
Хто мэты меў, таго крыліла мэта,
Хто — з плеч у печ, што ж, кожны жыў, як мог.

Але ж ёсць рай і пекла, Бог і чэрці,
Ён, лёсу шлях, складаны, не прамы.
Для многіх гэты год стаў годам смерці,
Заўчаснай смерці — памятаем мы.

Наперадзе — начныя пасядзелкі,
Ўсіх з Новым годам! — тост, як нейкі код.
Я вып’ю не шампанскага, гарэлкі,
За мёртвых, за жывых, за лепшы год.

31.XII.2020
21^{10}

Супраць ветру

Ісці супраць ветру за гонар мы лічам,
Галовы нам круціць падзеяў віраж.
Што нас там чакае? І што там нас кліча?
Амбіцыі? Мэты? Адкрыцці? Кураж?

А вецер нярэдка мяняе напрамак
І дзьме ўжо не ў грудзі, а ў бок ці спіну.
І што? Нам крутнуцца да ветру таксама,
Каб толькі падняць самалюбству цану?

Так круціцца флюгер, ад ветру залежны
Ці лісце асенняе ў нас каля ног.
А свет вакол нас, таямнічы, бязмежны,
Штодня прапануе нам безліч дарог.

Ісці «супраць ветру» — тут вобраз у словах,
І ўсё ж, вельмі важна, не проста ісці,
А не адступаць на шляхах незнаёмых,
Свой «вецер» знайсці, свае мэты ў жыцці.

Два жыцці

Сон — сябар ночы, ён, на жаль, не сябар мне,
Сон для усіх прыносіць адпачынак.
Усіх прысліць, абдыме, толькі не мяне,
Як дзецюка нялюбага дзяўчына.

Сон у жыцці, як хлеб, ўсяму ён галава,
Я з гэтай «галавой» сябрую мала.
Я днём, як і усе, а ноччу я — сава,
Бяссонніца між мной і сном паўстала.

О колькі творчых ніў пакінуў за спіной,
І сёння дзень і ноч на творчай ніве.
Каб скласці час начны, гады не спаны мной,
Былі б, напэўна, два жыцці ў актыве.

Няўтульна стала на зямлі

Светлай памяці
Дзмітрыя Пятровіча

Як хутка паміраюць мары,
Змяніў іх рэквіем сабой.
Не загучыць твая гітара,
Не прачытаеш верш ты свой.

Жывуць так светла толькі дзеці,
Як жыў ты светла увесь час.
Ёсць шчырасці не шмат у свеце,
Якою ты адорваў нас.

Ты жыў, але не чорна-бела,
Ты ззяў вясёлкава штодня.
Твая усмешка сэрца грэла
І атуляла дабрыня.

Да крыўднага, пражыў ты мала,
Твае гады ўсе адгулі.
І без цябе, мой дружа, стала
Зусім няўтульна на зямлі.

2020 г.

Вясна-сястрыца

Дзіўлюся — і не надзівіцца
Мне на цябе, вясна-сястрыца,
Ты маладзееш праз гады.
У квецені тваёй чароўнай,
З душой. надзей і мараў поўнай,
Раблюся й сам я малады.

Я — ад сакавіка да маю
Пяшчоты ад цябе чакаю,
Натхнення і духоўных сіл.
І ты, жыцця-імгнення свята,
Яго адорваеш багата
І нават не шкадуеш крыл.

Наперадзе зіма-пустэча,
І кожная з табой сустрэча
Прэч адганяе чорны год.
З надзеяй, без канца, без краю,
Вясна-сястрыца, я чакаю
Твой непаўторны надыход.

Дзве мовы

«У нас — два родных языка!» —
Прагучала з высокай трыбуны…
У нас — дзве дзяржаўныя мовы,
А родная мова адна.
Прайшоў шосты сход
Усебеларускі ўрачысты і думны,
Ды «родная» мова на сходзе,
Зусім не гучала яна.

Чамусьці ніхто з выступоўцаў
На сходзе высокім — ніводны,
Не ўзняў беларускую мову да рускай —
У нас жа іх дзве.
О, Бог барані,
Каб быў нехта камусьці няродны —
Адна мова ледзь выжывае,
Другая над першай жыве.

11-12.02.2021 г.

Не здрада

Усё дарую, толькі не хлусню,
Што можа быць больш дарагім, чым праўда?
А гэта што — адступніцтва ці здрада,
Калі цішком я сам сабе маню?

Маню, што час не уцячэ,
Што ўсё наперадзе яшчэ —
І лепшы твор, і лепшы год
І ваш, і мой духоўны ўзлёт.
Маню, што будзем без маны
Мы з вамі жыць — о я, дурны!
Маню, што ўсіх, яго, цябе
Я узлюблю нібы сябе,
І што ўзаемна, у свой час
Мяне узлюбіць кожны з вас…

Вось так я выкрыў сваіх думак ход
І гэта не адступніцтва, не здрада,
А крык душы, якая будзе рада
Сустрэць і лепшы твор, і лепшы год.

Мой першы «А»

Я з вучнямі, вучыўся ў школе з кім,
Знаходжуся і сёння, як на ўроку.
І неастылым сэрцам я сваім
Гляджу на іх з далёкага далёку.

І вельмі жыва бачу ўсё праз час,
Кранальна ўсё ўспрымаецца і міла.
А клас жа, клас быў — ажно сорак нас
І шмат нас, шмат «на галаве хадзіла».

Прайшло аж цэлых семдзесят гадоў,
Як селі мы за парты першы раз.
О як бы я заскочыў шумна зноў —
Варакса, Шніп, Шадэўскі, Арцюхоў.
Штурхаючыся з вамі ў першы клас.

І сябравалася не менш мацней
З дзяўчынкамі, мы, як адна сям'я —
Шылкевіч, Васіленка, Галавей,
Серабракова — ўсіх вас помню я.

Даўно ўжо пасівела галава,
Плынь лёсу ўперад кожнага нясе.
Я не забыўся на свой першы «а» —
Як вы? Дзе вы? І ці жывыя ўсе?..

Вечны кліч

Як цягне ў вёску, дзе мяне чакае
Пустая хата, поўная тугі,
З усіх бакоў мінулае гукае —
Куток бацькоўскі, сэрцу дарагі.

І тут мае ўспаміны-аднагодкі,
І родных галасы я чую тут,
Зямля, ў якой і продкі, і пра-продкі —
Не адпускае, кліча родны кут.

І гэты вечны кліч не ўчуюць вушы,
Хоць ён гучыць гады, вякі — заўжды.
Толькі душой пачуеш продкаў душы —
І я іх чую, чую праз гады.

Пакуль не ведаю

Я Богу скардзіўся: — Душа пакутуе,
У сэрцы боль тугі, жыццё не мёд.
О, неба сіняе, ці буду ўчуты я?
І адказаў мне Бог на схіле год:

— Нагода скардзіцца ў цябе істотная,
Ты слову важкаму павер майму —
Мой сын, узрадуйся, з жыцця гаркотнага
Ва ўлонне райскае цябе прыму.

Не будзеш ведаць ты ні нечай зайздрасці,
Ні працы цяжкае й тугі без меж,
Ні вершаў-неслухаў, ні беднай старасці,
Адно спазнаеш ты — спі, пі і еш.

Пакуль не ведаю, ці Бог пачуў, ці не,
Як на ўвесь свет зароў я ў неба сінь:
— Прашу, пакінь, Гасподзь, усе пакуты мне
І на зямлі мяне між іх пакінь!

Зноў белы танец

Вакол сонца неба сіні глянец,
Вакол нас бадзёрыцца сам час.
Зноў вясна спраўляе белы танец,
Запрашае нас усіх на вальс.

Я кружуся ў вальсе з белым садам
І чаромха кружыцца са мной.
Танчу з маладым пялёсткападам,
У абдымках з дзеўчынай-вясной.

Сціплы бэз вясне глядзіць у вочы —
Весялей — мы ўсе адна сям’я!
Пазяхае, бо не спаў ён ноччу,
Ў захапленні слухаў салаўя.

Баль, шматкалярова, легкакрыла,
Як у фантастычным кружыць сне.
Зноў вясна узнесла, падхапіла,
І панесла над зямлёй мяне.

Ты не галоўны

Звініць зіма. Мяцеліцы багата
Пад кожны ганак гурбаў намялі
Які мароз! Усе сядзяць па хатах,
Падрыгваць зоркі ў небе пачалі.

Да цішы прыслухоўваецца чутка
Сама, ў нямым здзіўленні, цішыня.
Сабак, заўсёды брэшачых, не чутна,
Яны па будках заляглі да дня.

Іскрыцца снег, як казачная тога,
З-пад стрэх блішчаць настыла ледзяшы.
Прыціхла вёска, не відаць нікога,
Здаецца — і ў сусвеце ні душы.

Ласкавы голас чуецца раптоўна:
— Каханне! Ты для мяне адна! —
О не, мароз, ты сёння не галоўны,
Святкуе ў сэрцах маладых вясна.

Вясна кахання не баіцца зімку
І для кахання перашкод няма.
Стаяць вунь двое — ён, яна — ўабдымку,
Не заўважаюць, што вакол зіма.

Нішы

Ў жыцці занятыя ўсе нішы,
Шукае кожны каб сваю.
А я не ў нішы, я на ўзвышшы,
Уласна створаным стаю.

Перада мной — жыцця прасторы
І далягляд, за ім — другі.
А ніша… Ніша — гэта шоры
І кут, няхай і не благі.

Няхай аздоблены прыгожа —
Камфорт, багатыя сталы.
Жыць чалавек і ў нішы можа,
А слову — і ўвесь свет малы.

Святы прамень

Паціху поўз старэння лёд
Да сэрца, нішчыў мары.
Лёс вострым плугам кожны год
Маршчыны клаў на твары.

Час-сейбіт у душы маёй
Высейваў смутку зерне.
І над прыцішанай зямлёй
Спусціўся сум вячэрні.

Ды тое ўсё — ўсё, што было,
Гады не зруйнавалі.
Падзей тых, дзён, гарыць святло
Не ў менш жывым напале.

І мой світанак, ясны дзень,
Мой вечар «ля парога»,
Не згаснуць, як святы прамень,
Падараваны Богам.

Стихотворения 2020–2021

Икона

О жизнь моя! Шторма, прибой,
Событий вал, души икона.
Сегодня я перед тобой
Стою коленопреклонённо.

Шторма, событья бурных лет,
Перебесившись, пролетели.
Был мною каждый день воспет
В стихах ли, в мыслях ли, в душе ли.

Да, ты — икона, жизнь моя,
С суровым, с гордым, с добрым ликом.
Мечтал, с тобою в сердце я,
О вечном, главном, о великом.

И не твоя — моя вина
В том, что, порою, жил беспечно.
Теперь лишь осознал сполна,
Как ты права в движеньи вечном.

Я продолжаю крест свой несть
Ответственно, отнюдь не ленно.
И, благодарный, чту за честь
Перед тобой стоять согбенно.

Прощальный полет

Вон, лист осенний, в тихую погоду,
Приобретя пурпурно-желтый вид,
Противясь притяженью, осени в угоду,
Замысловато над землей кружит.

Он знает, что пока еще в полёте,
Мгновения его не сочтены.
И этим он продлить паденье хочет,
Храня воспоминаний дивных сны,

Не забывая теплых дней весенних,
Вдохнувших в крону древ волшебный сок.
Теперь же он, кружа из сил последних,
Беспомощен и очень одинок.

Он — в солнечных лучах, он — в позолоте,
Круженье это — как прощальный приз.
Он отмер, но не умер — он в полете,
Полёт, пусть даже вниз — движенье, жизнь.

И вот земля… Он не плашмя, а краем
Её коснулся, задрожал и лёг…
Вот так и мы, противясь, умираем,
Стараясь отодвинуть свой итог.

В веках живи!

Пришла весна любви — какая эта сила!
Не покидай сердца,— всегда, в веках живи!
И мне весны одной-единственной хватило,
Чтоб жить, любя, в весне, храня весну в любви.

О как ты высоко, небесное светило,
Но я в мечте познал иную высоту.
И мне мечты одной-единственной хватило,
Чтоб жить, любя, в мечте, храня в любви мечту.

Не мало жизнь моя с рожденья повидала —
Чувств светлых высоту, печали глубину.
Но жизни мне одной всё ж оказалось мало,
Чтобы воспеть сполна любовь, мечту, весну.

Запретный плод

Когда любовь к любви не шлёт гонца
На крыльях мыслей, а сама стремится,
Когда в полёте встретятся сердца,
Когда на первый луч садится птица,

Чтобы скорей воспеть любви рассвет,
Тогда стремлюсь любовь в стихах воспеть я,
Преображая этот белый свет
В сторадужное дивное соцветье.

Моё благодаренье небесам,
Открывшим мне таинственные своды.
Я в нежных чувствах растворился сам,
Вкусив запретный плод, как дар природы.

И если этот мир любви воспет,
Моя заслуга в этом лишь вторична —
Воспет не потому, что я поэт,
А потому, что всё так поэтично.

Мы – на костре

Поэты! Все́ наши амбиции,
Словно в удавке, в буднях масс.
Мы — на костре, а инквизиция —
Вселенская ненужность нас.

Костёр, сжигающий нас, холоден
От мёртвых душ со всех сторон.
Мир, не поэзией он голоден,
Пресыщен бездуховным он.

Ненужность нас — страшней попрания,
Начало страшного конца.
На пике душ похолодания,
Что нас спасёт от вымирания?
Лишь наши пылкие сердца!

Не будут лишними для ясности
Слова, реальные, как быль:
Поэты! Нынче жизнь в опасности!
Стряхнём же с рукописей пыль!

Важна ведь не любовь народная,
Другая здесь всему цена —
То, что среда безкислородная,
Увы, для жизни не годна.

Поисков гортань

В сомненьях истину открыв
в какое-то мгновенье,
В ней восторжествовав, отдав упорству дань,
Мы вновь погружены в бессметные сомненья,
Нам осушающие поисков гортань.

Вновь жажда мучает открытий и познанья —
Открыв, познав, переживаем звёздный час.
Как вдруг сомнения — и дар, и наказанье,
Не отпускают нас и будоражат нас.

Вот так и движемся вперёд — за вехой веха,
Весьма уверенно, но и не без помех,
Но не сомнения гарантия успеха,
Сомненья могут лишь приблизить наш успех.

Воссоединение

Истратив на путях земных не мало сил,
Я возвращался в край родной устало.
Я под крыло своих родителей спешил,
Как никуда и ни к кому, бывало.

Пик многих авантюр порой был крут и лих,
А их хватало в жизни повседневной.
Родители мои… ведь только возле них
Сполна я обретал покой душевный.

Смерть разлучила нас… Не отвратить беду…
Судьба в конце пути ко всем сурова.
И вновь в конце пути, устав, я к вам приду,
Смерть, разлучив, соединит нас снова.

Познание

Поскольку жить никто не может дважды,
И жизнь одна, к тому же, коротка,
Познать себя стремиться должен каждый,
Хоть миссия познанья не легка.

Лишь солнце, отразившееся в луже,
Легко потрогать — вот оно, бери.
А чтоб себя познать, копаем глубже,
Попробуй разбери, что там внутри.

И я в себя вторгался, суетился,
Скорей детально разобраться чтоб.
Разворошил себя, но спохватился,
Остановился и воскликнул: — Стоп!

Я бросил этот труд, сомнений полон,
Не мало скрытых «я» растеребя.
Вдруг буду я собой разочарован
И невзлюблю себя, познав себя.

Бурлит во мне страстей моих стихия,
Известная и мне не до конца.
Меня пусть лучше познают другие —
И то, найдя лишь ключик от ларца.

Поэт

Я с ранних лет носил в себе поэта,
Как мать дитя в себе, продляя род.
Я отпугнуть боялся чудо это,
Сорвать боялся недозрелый плод.

Я настороженно, не просто осторожно,
Из сердца извлекал побеги строк.
Вот почему, пусть позже, но не поздно
Возник моей поэзии исток.

Он превратился в ре́ку величаво,
Приняв притоки плодотворных лет.
Тогда я понял, что имею право
В душе открыто начертать: «Поэт!»

Совмещение

Влюблён в себя бывает лишь глупец,
Самовлюблённость — как мираж в пустыне,
Где мир реалий извращён вконец
И правит бал самообман отныне.

Тот, кто себя не любит, тоже слаб
Самокритичным чересчур умишком.
Он — жалкий самобичеванья раб,
Порою, зря усердствующий слишком.

Жить разве можно нелюбя-любя?
Конечно, жить так было б очень туго.
Вы недругом взгляните на себя
И посмотрите вслед глазами друга.

И эти взгляды выровняют крен,
Отодвигая истину от края.
И больше вы не попадёте в плен
Обмана, эти взгляды совмещая.

Реквием

В заблудшем современном мире,
Как никогда, мы вре́менны.
Все смещены ориентиры,
А многие утеряны.

Мир в некой страшной круговерти,
Жизнь неживым пронизана.
Распад бывает после смерти,
Но начался прижизненно.

Как лунные бывают фазы,
Так время злом помечено,
Так и безумья метастазы
Сжирают человечество.

Спаси нас, Боже всепрощальный,
Святая Богородица.
Жизнь катится к черте фатальной
И вряд ли остановится.

Передышка

Жизнь — война, за веком век, за сечей сеча,
Кровь — вода для тех, кто сей «водой» умыты.
И не может жить жестокость человечья,
Если нету под ногами тел убитых.

Век за веком — обожженный, неспокойный,
Век за веком — жизнелюбия попранье.
И над миром, словно падальщики, войны,
И над войнами, предсмертные стенанья.

Не гремит пока, а если глянуть шире,
Вон видны конфликтов всполохи и вспышки.
Если кой кому живётся нынче в мире,
Это — между войн всего лишь передышка.

Когда бы не было любви

Когда бы не было любви, мир был бы пуст,
Был бы подобен без команды кораблю.
И не услышала б луна из многих уст
Великолепное, волшебное «Люблю!»

Мир бы утратил свойства лучшие свои,
Не понимая в опустенье ничего.
И без любви весной не пели б соловьи,
Хоть рождены они, чтоб петь — но для кого?

Когда бы не было любви, кто были б мы?
Возможно, жалкое подобие слепца.
Любовь выводит человечество из тьмы
И зажигает вечным пламенем сердца.

Творец ошибок

Идя дорогой чьих-то судеб,
И чьих-то болей зная гнёт,
Нисколько легче жить не будет,
Скорее, что наоборот.

История — хоть наш попутчик,
Мы друг от друга далеки.
Она нас на ошибках учит,
А мы? А нам признаться лучше —
Плохие мы ученики.

Приобретенья и потери,
Равны друг другу — раз на раз,
Когда мы лбами бьёмся в двери,
Открытые давно до нас.

Мы бьёмся в них, хоть нет задвижки —
Смешно? Но неуместен смех.
Затем на лбах считаем шишки,
Их принимая за успех.

Что ж, род людской не слишком гибок
В познаньи самого себя.
Он столько натворил ошибок,
Себя болезненно любя.

Воображенье

Жизнь живя, доживая ли, мы, вместо тленья,
Можем ярко гореть, данным сердцу огнем.
Что за чудо имеем мы — воображенье!
Сколько были и небыли кроется в нём!

Мир огромен, но воображенью — объятен,
Бесконечность вселенной — имеет предел.
Можно вообразить даже солнце без пятен,
А вот пятна на совести я разглядел.

Жизнь — как лестница шаткая, очень крутая,
До чего ж ненадёжны ступеньки-года.
Все мы в воображении нашем витаем,
Вознося слишком рьяно себя иногда.

И тогда очень больно приходится падать,
На вершину стремясь не своей высоты.
Как же воображать осмотрительно надо —
Есть предел наших сил, хоть запросы круты.

Представлять себя выше возможного — лестно,
Но ведь это — фальшивый хрусталик для глаз.
Соразмерить не просто, но очень полезно,
Наше воображенье с реальностью нас.

Поэты не нужны

Чего греха таить — поэты не нужны.
И это — боль, больнее нет которой.
Мы, нынешние, поздно рождены —
Свидетели своей кончины скорой,
Нас не стихом помянут, а просфорой.

Так воздадим же почестями той,
Которая звала людей из мрака —
Возвышенной поэзии святой,
Чтоб чёрствый мир, услышав нас, заплакал.

Чтоб вышел, наконец, из тупика,
Увидя то, что только сердцем зримо:
Поэзия, как воздух — на века,
Поэзия, как жизнь — необходима.

Но все эти мечты обречены,
Мечтателей, романтиков — век до́жит.
Увы, поэты нынче не нужны,
И всё же не писать поэт не может.

Вы слышали?

Вы слышали? Ничто
Не вечно под луной,
И от того глаза
Скупая влага щиплет.
Садитесь-ка за стол,
Налейте-ка со мной,
Невечности назло
Не по единой выпьем.

Живём и будем жить!
Что может знать луна?
Дряхлеет этот мир,
А нам какое дело?
Налейте по второй
И, как всегда, до дна,
Да так, чтоб и луна
Подсесть к нам захотела.

О том, что всё пройдёт,
Не стоит хмурить бровь,
И если кто-то нас
Решил пугать, так тщетно.
Налейте пополней,
А третья — за любовь,
Она и при луне,
И без неё — бессмертна.

Исключение

Жизнь — черно-белая, увы,
Альтернативы нет.
Избрать согласны я и вы
Конечно ж белый цвет.

Вон мрак глядит со всех щелей,
Взирает темнота.
А с белым — на душе светлей,
Соцветна с ним мечта.

Мы белый выбираем — да,
Без колебаний, но
Есть исключения всегда
И здесь со мной оно.

Покаяться не премину
И в светлом мире грёз:
Я поменял бы седину
На чёрный цвет волос.

Упущенное время

То время ускользнуло от меня,
Писать когда бы о любви, о страсти,
Возникшей из взаимного огня,
И о её неукротимой власти.

Я не писал по молодости лет,
Знать своего ещё не встретил часа.
Я просто был влюблён, но не поэт,
Хоть зрел в душе грешок — поймать Пегаса.

Увы, я не писал в расцвете сил,
Когда любовь сжигает, бурно, страстно.
Пронёсся шторм, я время упустил,
Но ведь любовь и в тишине прекрасна.

Любовь со мной! И я бы мог вполне
Ещё воспеть, вознесть её стихами.
И всё же нынче неудобно мне
Размахивать, без драки, кулаками.

Возвращение

Божницы нет, лишь тихая икона
Вероточи́т из красного угла.
Глядит в глаза мне мягко, возлюблённо,
И жизнь от этого вокруг меня светла.

Хоть шар земной наш безупречно кругол,
И мягкость драм округлости сулят,
Я сам порою жизнью загнан в угол,
Но и в углу я грешен и не свят.

Сгорая ли в полёте вдохновенно
Или влачась под грузом бед и лет,
К иконе возвращаюсь неизменно,
В родную хату — здесь мой мир и свет.

Здесь даже молодеет моя внешность
И оживает внутреннее «я».
И верит сердце в святость и безгрешность,
И снова мне не в тягость жизнь моя.

Ручьи-притоки

О как ручью пробиться тяжко
К теченью вольному реки.
Он, то поранится, бедняжка,
О пасть камней, попав в тиски,

То, как бы не последнем вздохе,
Он продирается чуть-чуть,
Где нагло лопухи-пройдохи,
Сплетаясь, преграждают путь.

Но если б не ручьи-притоки
Вливались страстно в русла рек,
Навряд ли был их столь широкий
И столь величественный бег.

Вот так ручьи-стихотворенья,
Борясь, насколько им дано,
Стремятся в жизнь, в её теченье,
Чтоб вдруг не замерло оно.

Расцвёл – завял

Лишилось лето прежней красоты,
А мы не удостоились заметить,
Как умирали на лугах цветы,
Рождённые под тёплым небом в лете.

Мы видим только буйство лепестков
И торжество упругое бутонов,
А август пролетел — и был таков,
И лето, отзвенев, лишилось трона.

А о цветах мы вспомним через год,
Когда луга зашелковятся цветом.
В природе вот такой круговорот
И с нами, как ни жаль, не только с летом.

Цветения период сердцу мил.
Но коротко́ короткой жизни лето.
Расцвёл — завял, родился — и почил,
И хорошо, если заметят это.

Великий дар

Живя в деревне, но
В миру необозримом,
Свой видя уголок,
Но видя шар земной,
Всегда принадлежал
Душой я к пилигримам,
Был хаты потолок
Вселенной надо мной.

Фантазий не считал своих
Игрой невинной,
Я представлял себя
Романтиком всерьёз.
Я видел облака,
Как парус Бригантины,
Который уносил
В мир, мной рожденных грёз.

Взлетая на мечте
Восторженно и выше,
Я видел цель своих
Фантазий вдалеке.
В реальность уходя,
Из грёз своих не вышел —
Синицу отпустил,
Зачем она в руке?

Какой великий дар
Вселил в меня ты, Боже —
Жизнь воплотить в мечту
И не расстаться с ней.

Весь мир живёт во мне —
Что может быть дороже?
Я в мире растворён —
Что может быть ценней?

Я с этим жил всегда,
Не замечая фальши,
Творящейся вокруг,
Сметая с фальши грим.
Чем больше я живу,
Тем от восторга дальше,
И всё же по́ сей день
В душе я — пилигрим.

Доиграть достойно роль

Жизнь, говорят,— театр,
А с вами мы — актеры
И в жизни роль у каждого своя.
А если это так,
Знать неуместны споры,
С одним лишь только не согласен я.

Актёра тяжек труд,
Спасибо театралам —
Сердца сжигают, этот труд любя,
Играют ли в Большом театре
Или в Малом,
Спектаклям отдают всего себя.

На сцену выходить —
Почётно и престижно,
Кто б ни был — начинающий, звезда.
Своею жизнью жить
И жить чужие жизни
Надрывно, убедительно — всегда.

Остатки сил отдав,
Поток эмоций вылив,
Всем показав, что он не лыком шит.
Все акты отыграв,
Иссякнув, обессилев,
Он за кулисы отдохнуть спешит.

Жизнь, говорят,— театр,
Да, мы играем роли
Дельцов, интеллигентов, работяг.

Есть зритель или нет,
Вся наша жизнь — гастроли,
Хоть голоден, хоть сыт,
Хоть крут, хоть наг.

Хоть горы свороти,
Хоть рви аорту в клочья,
Ставь жизнь на кон —
Не вызовут на «бис».
А мы играем жизнь свою
И днём, и ночью
Жизнь наша — сцена,
Только нет кулис.

А коли нет кулис,
Куда нести усталость?
Горим на сцене, радость или боль.
Жизнь, говорят, театр,
Так что же нам осталось?
Одно лишь — доиграть достойно роль.

Я верю в вас

Я верю в вас, судьбы страницы,
Исписанные в час ночной,
В рассвет, летящие, как птицы,
В полёт отправленные мной.

Вы на своих крылах несёте
Рождённую в родном краю,
Звучащую на высшей ноте,
Святую исповедь мою.

О, будут на пути барьеры,
С опасностью столкнётесь вы,
Ведь в птиц летящих, браконьеры
Стреляют по сей день, увы.

Я верю в вас и вновь готов я
И впредь вас отправлять в полёт.
Вы из души, как из гнездовья,
Стремитесь ввысь, в рассвет, вперёд.

Хоть куда

Жизнь летит быстрее птицы —
Вот рассвет, а вот закат.
Вот и феи-вечерницы
Примеряют мне наряд.

Строг покрой, искусно сшитый,
Много вложено труда.
Он сидит на мне, как влитый,
В нём ещё я — хоть куда.

Но куда? Вопрос забавен,
А ответ прискорбно-тих.
Мой наряд похож на саван,
Феи — на могильщиц злых.

К чёрту это одеянье!
Я ещё живых живей,
Мне ещё весенней ранью
Кровь взволнует соловей.

Пока никого

С кем годы делил,
Сужается круг понемногу,
Всё толще и шире
Предзимья пришедшего лёд.
И хочется выйти,
Напрягши глаза, на дорогу,
Авось кто, на счастье,
Из давних знакомых пройдёт.

Ряды поредели — и очень,
Насколько известно,
Меж «были» и «есть» — дисбаланс,
Меньше нас на плаву.
Всё делится и вычитается
Несправедливо, нечестно —
Вас много не стало,
А я всё, простите, живу.

Всю пропасть меж «были» и «есть»
Даже взгляд не измерит,
«Закона природы» —
Принять невозможно его.
Прощанья, и снова прощанья,
Потери, потери…
Стою на дороге и жду,
Но пока никого.

Жизни нить

Мало ру́ки заломить
Выть во тьму бессонниц,
Надо прошлых жизней нить
Сберегать и помнить.

Русло памяти-реки
Если вдруг захламить,
Не помогут узелки,
Узелки на память.

Эта нить, увы, слабей
Леты, всем известной.
Мы подвешены на ней
Над Тарта́ра бездной.

Память прочная жива,
Коль душа живая.
Лишь не помнящий родства,
Нить ту разрывает.

В итоге...

Сдаюсь я, что таить греха —
Я суетился, делал что-то,
Не редко, до седьмого пота,
А жизнь — такая чепуха.

Какие-то дела, дороги,
Надежда в бесконечность лет.
И что? Бессмыслица, в итоге,
Угасший мимолётный свет.

15 ноября 2020 г.
день похорон
Казимира Завадского,
прожившего 95 лет.

Мираж

Лес расступился — и деревня
Предстала призрачностью хат.
Кой-где сутулятся деревья
Покрученные — это сад.

Далёкий гром, как тугоухий,
Гремит, гремит, презрев покой.
И богомольною старухой
Склонилась верба над рекой.

Как будто очутился снова
Я в детстве, выйдя из тени́.
Вон лошадёнка, вон корова,
Что, впрочем, редкость в наши дни.

Деревня — долголетья донор,
Душою уловил я в ней
И тихий смех, и тихий говор,
И торжество негромких дней.

Воистину, тут Божья милость
Спустилась на людей, дома —
Как будто здесь остановилось
И время, да и жизнь сама.

Перед деревнею убогой
Стою, вдыхая тишину.
Нет, я окольною дорогой
Обитель эту обогну.

Уж очень не хотел вторгаться
В сей мир почтенной старины.

И мне казалось святотатством
Вспугнуть далёких предков сны.

И видно — жизнь здесь не угасла,
Хоть признаки её скупы.
Но лет тугое перевясло
Всё ж судьбы единит в снопы.

Подобных деревень не много
И те вот-вот сойдут на нет.
Они, как призраки былого,
Как лет далёких чистый свет.

И я пошёл путём окольным —
Мир вам, живущим здесь в чести́!
Мне было радостно и больно
Увидеть это и уйти.

Я вдруг подумал деликатно,
Утяжелив души багаж —
Быть может грусть о безвозвратном
Мне подарила сей мираж.

Дорогу осилит идущий?

Дорога бывает крутою и пыльной,
Что скатертью ляжет дорога — враньё.
Дорогу осилит здоровый и сильный,
Не всякий идущий осилит её.

А плюс ко всему, если ветер не в спину,
А встреченный, несущий и дождь, и метель.
Дорогу избрав, надо всё же прикинуть
И силы, и дух, и конечную цель.

Крута и трудна нашей жизни дорога,
На ней только встречные дуют ветра,
На ней мы — идущие все, волей Бога,
Осилим дорогу — знать жили не зря.

Дорогу осиливший — он почитаем,
Дорогу другим проложивший — в чести.
Но как же обидно, когда вдруг сметают
Идущих трагедии на полпути.

Изобличает и разит

Материально не был я богатым,
Да и сегодня «пролетарий» я.
Это Кощей когда-то чах над златом,
Не ведая в чём сущность бытия.

Но я богат, в отличье от Кощея,
Не золотом, а тем, что дал мне Бог —
В душе огонь имея и лелея,
Я им зажечь слова в твореньях смог.

Руслан злодея одолел иглою,
А я иной имею меч и щит —
Сегодня слово бьётся с силой злою,
Теснит, изобличает и разит.

Душа

А душа — бездонная,
А душа — безбрежная,
То вдруг царство сонное,
То весна мятежная.

То тоска вселенская,
То разгульность пьяная,
То решимость дерзкая,
Тишь затем жеманная.

То блаженства полная,
То мученья адова,
То, как птица, вольная,
То полна преградами.

То, порой, печальная,
То вдруг феериичная,
Чаще — сострадальная,
Реже — безразличная.

Перед хамством — голая,
Очень беззащитная.
Вот она, неполная,
Карточка визитная.

___

Да, душа величина,
Необыкновенная.
Для людей земля тесна,
А душа — вселенная.

Мир реалий и мечты

Жив в веках пример печальный —
За собою жечь мосты.
Поменял я мир реальный
На воздушные мечты.

Сапоги сменив на крылья,
Я вполне уверен был
В том, что сказка станет былью
И, конечно, сказкой быль.

Но, увы, не тут-то было,
Потеряв опору, я
Ощутил себя бескрыло,
Стала прежней жизнь моя.

Я влачил её устало
День за днём, за годом год.
Быт мой требовал не мало
Нервов, денег, сил, забот.

А мечты — всё мимо, мимо,
Не согрела ни одна.
Ведь мечта тогда лишь зрима,
Если в жизнь воплощена.

Как устроено всё дивно,
В царстве ночи — ярче свет.
Жизнь с мечтою неразрывна,
А мечты вне жизни нет.

Жизнь насущная, мечта ли,
Манят призрачным огнём.
Я вернулся в мир реалий,
Все начала только в нём.

И подстраивал лета я
Под мечты, по мере сил.
Жил, без устали мечтая,
И, устав, мечтая жил.

Такими мы есть

Не греет рассвет,
Если воспоминаньем окрашен,
А призрак былого —
Он не украшенье очей.
И молньи вчерашней
Сегодня разряд не опасен,
И не напои́т никого
Пересохший ручей.

За жизнь мы цепляемся,
Как альпинист за страховку,
Которая вниз соскользнула
С отвесной скалы.
Пьём самообман и обман,
Как алкаш поллитровку,
Дрожащее достав для похмелия
Из-под полы.

А мы всё надеемся,
Верим в рассвет виртуальный
И молнию ждём, чтоб шарахнула,
Явь разбудив.
Нам нужен не призрак былого
А праздник реальный,
Но ищем волшебный ручей,
Чашу жизни испив.

Такими мы есть
И другими уже стать не сможем,
Нам нравится что-то не очень,
А что-то сильней.

И если мы жизнь —
На что было, что будет, итожим,
Мы знаем, как мало, увы,
Настоящего в ней.

Божья искра, истины зерно

Я забыл таблицу умножения,
Я теперь старательно делю
То, что вызывает уважение,
То, что я осознанно люблю.

Умножал я, множил в годы ранние
И позднее, в зрелые года,
И на взлёте творчьего дерзания,
И на пике творчьего труда.

Множил мысли и слова крылатые,
Множил чары звезд в ночной тиши,
Залежи волнений непочатые
И созвучья трепетной души.

Нет дороже ничего, чем творчество,
Быть к нему причастным очень рад.
И сегодня поделиться хочется,
Не ахти уж чем, но чем богат.

Я не знаю ваши тяготения,
Ваши вкусы не известны мне —
Есть поэмы, есть стихотворения,
Проза не осталась в стороне.

Я приду нежданно и негаданно,
В том, что мной написано, явлюсь.
Если это никому не надобно,
С болью в сердце, горько удивлюсь.

Значит, люди в душах серость множили,
Днём, не видя солнца, ночью зорь.
Значит, души стали толстокожими,
Значит, души разъедает хворь.

Ни при чём здесь жизненные сложности,
Вспомните после войны года —
Не было душевной толстокожести,
Как тянулись к книгам все тогда!

И живется нынче неуверенно,
Слишком чёрно-бело, не цветно.
Значит что-то главное утеряно —
Божья искра, истины зерно.

Распятья

Коль не бояться
Плыть против теченья
И жить открыто —
Не по ветру нос,
Уста должны
Озвучить откровенье:
Распят был
Не один Иисус Христос.

И сознавать
До боли невыносно,
А, осознав,
Тем болей не легко —
Число распятых
До Него и после,
И в мире,
И в отчизне, велико.

И знает, как никто,
Душа живая,
Что властьимущий
И в неправде прав,
Что крест
Необязательным бывает,
Распять чтоб ду́шу,
Истину поправ.

Да будет же возлюблен
Ближним ближний!
Как бы ни так!

Не тешься, ближний, зря,
Ведь кроме душ,
Не счесть распятых жизней,
В отличье от Христоса,
Втихаря.

И слышно эхо
Мчащихся проклятий
От жертв невинных
Прямо к палачу…
Я мысленно стою
У жертв распятых
И облегчить тем
Участь их хочу.

Всем назло

Поэт, — ты не понят людьми.
Андрей Белый

Когда поэт людьми не понят,
С трудом, но всё ж людей пойму —
Их, серой жизни проза гонит
От света рифм в безрифмья тьму.

Когда твой дом дыряв и шаток,
Не до духовной новизны.
В дому, где ложь и недостаток,
Стихотворенья не нужны.

Хотя… поют ведь в клетке птицы,
Не пряча сердце под крыло.
И за решёткою, в темнице,
Стихи рождались, всем назло.

Буду звать отчаянно

О как окликнуть хочется,
Что мне не отзовётся,
Что так же среагирует,
Как снег лишь прошлогодний,
И всё ж зову, но голос мой,
Словно со дна колодца,
Он глух и не читается,
Как мысль из преисподней.

Но я зову отчаянно,
Надрывно окликаю,
Я окликаю, зная, что
Напрасны все старанья.
И гулкое безмолвие
Мне душу сотрясает,
И я в ответ лишь слышу
Молчанье и молчанье.

И всё же отвергаю я
Судьбы проделки эти,
Не разуверит долгое
Меня безмолвье это.
И сколько мне отпущено
Прожить на этом свете,
Я буду звать без устали,
И буду ждать ответа.

Дорога в ад

Благими пожеланьями мостят дорогу в ад…
О, если б так! Но в жизни всё иначе.
Я, жизнь прожив, и посмотрев назад,
Увидел, что мой путь довольно мрачен.

Все дни, недели, годы, вёрсты помню я,
Среди людей в безжизненной пустыне —
Полжизни впроголодь, в обносках, без жилья,
В сопровожденьи лжи — от века и доныне.

Я, посмотрев назад, не впал в холодный пот,
Не испугался до гусиной кожи.
Понятно мне, куда мой путь ведёт,
Ведь в рай такой дороги быть не может.

Что на роду написано

Я верю сердцу моему
И повторяю мысленно:
Я всё пойму, я всё приму,
Что на роду написано.

Но что написано и кем?
Не щучье же веление,
Ведь, как всегда, у разных тем
Есть разное прочтение.

И мне прочтенья не претят,
Сулящие успехи мне.
Читают все ведь, как хотят,
И переврут, и извратят,
Прочтя Шекспира, Чехова.

На радость или на беду,
Судьбы предначертания,
Написанные на роду,
Мы не прочтём заранее.

Спасение

О, как же трудно дни влачить,
Блуждая неуверенно,
Как будто Ариадны нить
Из рук моих потеряна.

И пред очами мрак царит,
Предвестник неизвестного.
И новых «завтра» лабиринт
Запутан пуще прежнего.

Но свет, он завсегда в честú
И, проявив терпение,
Всё ж выход должен я найти
И в том моё спасение.

Прелюдия ночи

Мы были очевидцами не раз,
Как таяла голубизна дневная,
Как тихий вечер уходил от нас,
Как наступала ночь, его сминая.

И словно в рукопашную сошлись,
Ночь с вечером в соперничестве вечном.
И только звёзды устремлялись ввысь,
Чтобы затеять хоровод беспечный.

И, как по мановению руки,
Пришедшей ночи подчинясь в угоду,
В затоне, на излучине реки,
Короны лилий спрятались под воду.

Юности зов

Пусть порой я слёзы ли́л в сто карат,
В горле чувствуя отчаянья ком,
Я носил в себе рассвет, не закат,
Сказку жизни предвкушая тайком.

Каждый в юности был максималист,
В каждом скрыт был богатырь-удалец.
И являлся Сивка-Бурка на свист,
И разил преграды меч-кладенец.

Без фантазий этих — в жизнь ни ногой,
В них я верил, да и верю всерьёз.
И, наверное, мир был бы другой,
Если б мы в него входили без грёз.

Я и нынче слышу юности зов,
Не утих в душе со временем он.
Я вскочить на Сивку-Бурку готов,
И извлечь меч-кладенец из ножон.

Что́ есть сон?

Я бессонней бессонных ночей —
Что́ есть ночь? Кто в ней я? Что́ есть сон?
Кроме мыслей и строф, я ничей,
Я безропотно им подчинён.

Нету более трепетных уз,
Чем единство, горенье, семья.
Вот такой возродился союз —
Мысли, строфы, бессонница, я.

Я бессоннее полной луны,
Этим так и ценна жизнь моя.
Коль меня убаюкали б сны,
Как бы беден был творчески я.

С любовью...

Я с нежною тоской смотрю всегда вослед,
Пропитанным насквозь другого века духом,
Носителям своих, весьма преклонных лет —
Почтенным старикам, почтительным старухам.

Старик в толпе всегда увидит старика,
Пусть внешность нас разнит, но как же мы похожи.
Я замечаю их в толпе издалека,
Я выделяю их всегда среди прохожих.

Мы, встретясь, разошлись — какой-то в жизни миг,
Они погружены в свой мир пережитóго.
И знаю — никогда я не увижу их,
И мысленно прошу для них добра у Бога.

Их ждет последний путь, заслуженный покой,
И потому вослед я им гляжу с любовью.
Кто лучше их поймет, чем я — я сам такой,
И старость к моему присела изголовью.

Не мельчил

Боясь обжечься, как о плазму
О совесть — и,
Не смея в мелочах увязнуть,
Гнал дни свои.

Но жизнь-то в основном сотка́на
Из мелочей.
Всё ж встретит поздно или рано
Реку ручей.

Всех дней отметным не одатить,
Не хватит дат.
И дел больших на всех не хватит,
Бессилен фарт.

И, торопясь, и ширя поступь,
Сил не щадя,
Я в недоступном выгрыз доступ,
Свой путь найдя.

В реальности суровой небыль
Изобличил.
В великом пусть замечен не был,
Но не мельчил.

Средь океана

Настанет он, неотвратимый срок,
Для человека — поздно или рано,
Когда он, немощен и одинок,
Уйдёт ко дну, давно покинув док,
Став мачтой лишь средь жизни океана.

И, отплывут другие от земли,
Бесстрашно встретят шторм девятибальный,
И новых, чьих-то судеб корабли,
Увидя мачту, прогудят прощально.

И в вóлнах встретят мачту не одну,
И их, в свой срок, постигнет та же участь.
С годами корабли идут ко дну,
Отфлибустьерив, отштормив, отмучась.

Гримаса я́ви

Гримаса яви всё капризней,
Несбыточное кривит рот.
Я в зеркало прошедшей жизни
Гляжусь, вкушая горький плод.

Не потому ли натыкаюсь
На дни встречающие, лбом,
Что здравствует во мне святая
Печаль о сгинувшем былом?

О том, что призрачно сверкнуло,
Как мысли радужной полёт.
Былого зеркало уснуло,
Но для меня в нём всё живёт.

В поисках ответа

Мы все идем под купол Храма,
(Да будет он в веках храним!)
Вдохнуть святого фимиама,
Осмыслив поздно или рано,
Что все под Богом, все под ним.

Объединяя веру, знанья,
Все ищем здесь — и вы, и я
Ответ на тайны мирозданья,
И почему полно страданья
Несовершенство бытия.

И Матерь Божья, видя это,
Святой слезой мироточи́т.
Господь же, в поисках ответа,
Всем нужного, пока молчит.

Любви приливы – отливы

Луна такая безразличная,
Луна такая равнодушная,
А ей вверяют счастье личное
И чувства нежные, воздушные.

Луна такая блёкло-бледная,
Луна такая безучастная,
А с нею делят сокровенное
И таинство любви прекрасное.

Но ею слез не мало видано
И горечь разочарования,
Когда два сердца неожиданно
Расходятся, прервав свидание.

Неужто делает людей луна
Несчастными или счастливыми?
Так неужель руководит она
Любви приливами — отливами?

Распад

Распад — есть последняя стадия
В веках беспощадного времени.
Страшнее он ада исчадия,
Страшней людоедского племени.

Всё! Всё распадётся на атомы
До полного исчезновения.
Всем быть без вины виноватыми,
Реалиям и сновидениям.

И то лишь, что «было вначале»,
Прочнее распада любого —
Оно было, есть, будет далее,
Бессмертное, вечное Слово.

А мы на что?

Счастливый некто, мир страданий видя,
Вдвойне навряд ли будет счастлив он.
Хотя… не счесть счастливых на корриде,
Где пик страданий — бык ведь обречён.

Страдающий, чужое видя счастье,
Навряд ли станет он страдать вдвойне.
Хотя… кто знает, было б в его власти,
Возможно, с тем счастливым в одночасье
Местами поменялся бы вполне.

Страданья видя — в мире их не мало,
Да и вокруг от них в глазах темно,
Мы верим в счастье, дни влача устало,
Изрядно подзабыв — чтó есть оно?

Всё, что пред нами — нашей жизни вектор,
Он, вектор, не безлик — а мы на что!
Страдающие и счастливый некто,
В толпе перемешались — кто есть кто?

Подвиг

А жизнь — победы, неудачи ли,
Не останавливалась, шла.
Мы всё же что-то в жизни значили,
Идя вперёд, верша дела.

Но мы-то что, в войну рождённые,
Рождённые после войны?
Мы, выжившие и спасённые,
Не о себе писать должны.

Взрослели мы в пятидесятые,
В конце послевоенной мглы.
Коль в песне звали нас орлятами,
Так наши предки кто? Орлы!

Да, это так! Других не ведаю
Эпитетов, хоть есть они.
Они, придя домой с победою,
Не очерствев душою щедрою,
Не стали почивать в тени.

Отчизну, варварски сожжённую,
Изнеможенную от бед,
Отстроили, из пепла подняли
В течение коротких лет.

Жива, сердцами их согретая,
Преображённая земля.
Вот кто сегодня наше светлое
Когда-то начинал с ноля.

Стерпели — всё делили с Родиной,
Когда, казалось, невтерпёж.
И вся их жизнь сравнима с подвигом,
Иначе и не назовёшь.

Спасибо им и уважение
За тех великих лет задел.
А мы-то что? Мы — продолжение
И судеб их, и громких дел.

Под грудой слов

Себя я поместил в «ненужные» слова,
Ненужные толпе, словам моим ненужной,
Взаимоненужны мы — антипода два,
Взаимонеприятны сущностью наружной.

Безумие толпы, неистовства размах,
Средневековья дух который день в зените.
Но я ведь не наружен, я внутри, в словах,
Чтобы понять меня, страницы разверните.

Тогда, под грудой слов, найдёте плоть мою,
Спасительным стихам отдавшую все силы.
И для тебя, толпа, последний гимн пою,
Хотя твоей рукой и поднят я на вилы.

Соглашенье

Отчётливей луны округлость,
На тёмном небе всё сильней.
Но ночь на вечер натолкнулась,
Замешкавшийся перед ней.

Когда приходит время ночи,
Ей дорог каждый час и свят.
А вечер уступать не хочет,
Цепляющийся за закат.

И всё ж сменило соглашенье
Противоборство двух сторон.
И вечер, без сопротивленья,
Был тихо ночью поглощён.

Пустой орех

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Борис Пастернак

И, даже не судя их строго,
Вон сколько их — длиннющий ряд.
«Самоотдав» не очень много,
Анкета пухнет от наград.

Они писать не могут тихо —
Звучит сильней пустой орех.
Цель творчества для них — шумиха,
Да и невесть за что, успех.

Тщеславье ринутся готово,
Как в бой — то по дрова, то в лес.
В своём великом смысле Слово.
Для многих неподъёмный вес.

А осень нынче солнечно-светла

Не давеча, а в новое «теперь»,
Идем мы к урнам, в наше завтра веря,
Политика, она, как спящий зверь,
О, опасайтесь разбудить в ней зверя.

А если фальшь и ложь со всех сторон,
Да к драке подстрекает заграничье,
Любой народ отбрасывает сон,
Порою, извратясь до неприличья.

Явило время в профиль и анфас
Лик человечий и нечеловечий.
Политика взъерошила и нас,
По нам катясь клубком противоречий.

Колонны, флаги, давка, крики, свист,
Стремился каждый превзойти друг друга.
И каждый протестующий — софист[1] ,
А истина искала пятый угол.

Покой людей взбесился — ну дела!
Неудержных событий длятся роды.
А осень нынче солнечно-светла,
Хоть сотрясают Беларусь невзгоды.

Осень 2020 г.

---

[1] Софист — человек, отстаивающий в споре свое мнение, а не истину. (Прим. автора)

Лебединая песня

Мой взор устремлён в поднебесье,
Душа — в непростой белый свет.
Чтó есть лебединая песня?
И пел я её или нет?

Исполнил я песен немало,
Секрет не в количестве ведь.
Моя ни одна не звучала,
Как могут лишь лебеди петь.

Их голос и трубный, и дикий,
Тревожит, волнует, зовёт.
В наш мир, бесконечно великий,
Стремится и сердце в полёт.

За ними, за песней единой,
Что просится так из груди.
Похоже — мой крик лебединый
Не так уж далёк — впереди.

А если не вдруг?

Ничто не предвещало столь нежданный
Судьбы моей крестьянской поворот.
Период жизни юношеский, ранний,
Был полон прозаических забот.

Был го́лоден, болезнен, неухожен,
Как временный, заброшенный причал.
Я, как и все, колхозом был стреножен,
Но верил в Музу, я о ней мечтал.

Мечтал о многом, только не об этом —
И вдруг… и вдруг я обручился с ней.
А что, если не вдруг я стал поэтом?
Мы все под Богом до последних дней.

Что ж так душа трепещет вдохновенно!
Неужто средь Логойских родников,
Я пригубил источник Иппокрена[2]
И стал вдруг сочинителем стихов?

---

[2] По преданию Пегас ударил копытом и пробил Землю, откуда забил источник воды, и тот, кто попьет из него, станет поэтом.

Развязка

Утих я, как измотанная вьюга,
А ты греми, страстей моих вулкан,
Чтоб небо раскололось от испуга,
Чтоб бренной жизни покраснел обман.

Пожалуй, время чувствует всей шкурой
Всю напряжённость этой тишины.
Подобное затишье перед бурей
Все континенты ощущать должны.

А напряженье вкрадчиво и вязко
Заполнило всю души мне до дна.
Вот-вот — наружу вырвется развязка —
И ей, как ни прискорбно, жизнь цена.

Каждому своё

Ночь коротка, короткое свиданье,
В ночи не видно выраженья глаз.
Постель холодная, горячее дыханье,
Стыдливо темнота укрыла нас.

Чем темнота чернее, тем бесплодней
Играть в любовь, не обретя её.
И торжествует этой ночью-сводней
Зловредный тезис — каждому своё.

За окнами светло от звёздной пыли,
Дыханье ровное и сон не превозмочь.
Постель горячая, но мы с тобой остыли,
Всё прояснила между нами ночь.

Неисправимо

Мы жили, как в раю,
Сейчас же, как в аду,
Под страхом смерти все,
Без исключенья.
Неужто Бог наслал
На человечество беду,
Чтоб выбрало оно,
У пандемии на виду —
Сплочение или же разобщенье.

Конечно же, сплоченье —
И другого не дано,
Лишь сообща пройдём мы
Смерти мимо.
Бог был уверен в том,
Что мир в борьбе сплотится, но…
Но человечество неисправимо.

На гóре, на могилах,
На гробах и на смертях
Политика свой адский бал справляет.
А разобщённый мир, скорбя,
За шагом шаг
Себя в воспоминанья превращает.

Ноябрь 2020

Страдалица, держись!

А природа — вечна, сквозь века и годы,
Так ли неизменные милые черты?
Заглянул тревожно я в лицо природы —
Постарела, матушка, поплохела ты.

Да, твоя судьбина не бывала сладкой,
По тебе катился и катится Содом.
За одно мгновенье жизни моей краткой
Узнаю тебя, родимая, с трудом.

Подвиги, чем гнуться умирают стоя,
А мечты, чем ползать, улетают ввысь.
Время нынче злое, впереди — лихое,
Я молю тебя, страдалица, держись!

Картина с натуры

Мне невесело. День нынче хмурый,
Высь безсолнцая, словно слепа.
Сад безлистый — картина с натуры,
Серых красок палитра скупа.

Спит природа, и успокоенье
Ей к лицу и ко времени сон.
И душа с тихой далью осенней
Благодатно молчит в унисон.

Небо клиньями птиц отрыдалось
И спустилась с него тишина.
Есть в природе и в жизни усталость,
Что не меньше, чем праздник нужна.

Отраженье

Отраженье в воде, даже пусть вверх ногами,
Даже пусть преломлением искажено,
С интересом всегда принимается нами,
Что-то новое нам открывает оно.

Вон, и солнце решило в воде искупаться,
Перегрелось и студится в водной среде.
Рядом с ним облака, ниже нас громоздятся
И деревья верхушками шарят в воде.

Мы блюдём свой портрет, прилагая старанья,
Мы и в профиль другие порой, и в анфас.
Но ведь мы, отражаемся в наших деяньях
И сокрытое «я» открывается в нас.

Мы не солнце, не лес, а другой мы породы,
Нам бы с жизнью общаться на «вы», не на «ты»
Мы, в отличье от искренной, чистой природы,
Не всегда, отражаясь, бываем чисты.

Кому памятник

Глашатай личных драм
И радостей — язык.
«Язык — мой враг», о чём
Известно всем от века.
А сердце, личных драм
И радостей — тайник,
Бог наградил и тем,
И этим человека.

Но памятник кому?
Глашатаю ли слов?
И в бронзе будет он
Болтлив необычайно.
А сердцу памятник
Воздвигнуть я готов,
В нём вечно будут жить
Сердечные все тайны.

А вдруг победа?

Хоть я из стойкости был вылит,
Но оказался мягким сплав.
Твой взгляд пронзил меня навылет,
Мне вечным пораженьем став.

И вмиг моё исчезло кредо —
Вперёд! И ни на шаг назад!
А вдруг моя это победа
В том, что подставился под взгляд?

В том, что достойней нет награды —
Любви бессмертного огня,
И что теперь другие взгляды
Отскакивают от меня?

Без рог

О летний день, пронизанный бездельем,
Кому-то дарит праздное веселье,
А в центре дня,
Красавицы на пляже загорают
И солнце их бесстыжее ласкает,
В отличье от меня.

Завидую, держу по ветру ухо —
Кто на меня позарится? Старуха.
К чертям старух!
Эх, скинуть бы годков мне этак …адцать,
От всех красавиц голых или в платьях
Летел бы пух.

О тех годах моей безумной страсти,
Конечно же вы слышали отчасти —
О как я мог!
Теперь я прячу немощи стыдливо,
Остался я коровою бодливой,
Но нету рог.

Петля?

О как мечтал попасть в кольцо любимых рук
И нежно воспарить в объятьи над землёю.
Но рук кольцо, оно не лишено и мук,
А кое у кого сравнимое с петлёю.

Теперь же я в «кольце» — ответственность, семья,
И в тот свободный мир уже не возвратиться.
Петля хоть и сладка, но несвободен я,
Хоть небо надо мной, но я уже не птица.

Не так уж и трудны все трудности мои,
Я сыт, одет, обут, наперекор всем спорам.
Как бы сложилась жизнь, живи я без семьи?
Возможно, что сейчас лежал бы под забором.

Живи, любовь!

О как же тяжело с любовью жить —
Вон сколько страждущих, к ним сердце обращаю.
И эта, нас связующая нить,
Чернит мне сердце, сердце очищает.

Чернит — ведь я беспомощен помочь,
А очищает — я ведь сострадаю.
Смешались боль и вера, день и ночь,
Надежды святость и любовь святая.

Любовь ко ближним в каждом быть должна
Всегда — а разве можно по-другому?
И смысла жизнь великого полна,
Живя с любовью ко всему живому.

Живи, любовь! Собой всех обойми!
Пусть нелюбовь ко ближним в Лету канет.
Людей тогда назвать можно людьми,
Когда во всех сердцах любовь воспрянет.

Спорный тезис

Чей-то тезис спорный вклинен
В жизнь, живя из века в век:
«Ночь — грешна, а день — невинен» —
О, наивный человек!

В ступе воду бы толочь им,
Утверждающим со зла,
Что вершатся тёмной ночью
Только тёмные дела.

Между прочим, ночью тёмной
«Я люблю!» — сказал он ей,
Да влюблённым пел бессонный
До рассвета соловей.

Довод есть ещё серьёзный:
Сказочность ночной поры
Манит в небо ночью звёздной
Нас в далёкие миры.

Доводы бесспорны эти,
Только вот ещё вопрос:
А не при дневном ли свете
Был распят Иисус Христов?

А воздуху все меньше

Всё шире, всё сильней моей печали крылья,
Зато надежды взмах слабее с каждым днём.
И жизнь мои мечты отяжеляет былью,
В них прошлое живёт, и мысли все о нём.

В грозу я сам себе служу громоотводом,
Лишь молнии сверкнут, гроза с небесных круч.
И оперенье лет чернеет с каждым годом,
И на пути моём всё больше чёрных туч.

Теперь за взмахом взмах я делаю устало.
И трудно потому лететь на вираже,
Что воздуху всё меньше, что воздуху всё мало,
И крыльям опереться не́ на что уже.

Войдя в пике

Да разве птица может, не любя,
Взлететь, крылами чиркая о небо?
И я летел к мечте, себя губя,
Не ведая ещё, что счастье — небыль.

Что я всего лишь маленькая часть
Огромного и не простого света,
Что падаю, но мне не даст упасть
Не чья-то благодетельная власть,
Не случай, а окрыленность поэта.

Пусть говорят, что человек без крыл,
Летать не может, по большому счёту,
Но я, войдя в пике, в себе открыл
Врождённые способности к полёту.

Собеседники

Нет собеседника, приятного душе,
И не предвидится, хоть целый мир исследуй.
А ей на этом, на последнем рубеже,
Ой, как не лишне испове́даться беседой.

Ведь накопилось столько боли, столько тем,
Ведь так крутила жизнь безжалостно и лихо,
Что, кажется, открыл бы душу… но не всем,
И далеко не всем — поэтому я нем,
Хоть боль устала взаперти и ищет выход.

Вот почему я благодарен вам, стихи,
Вы принимаете безропотно и свято
Мои все жалобы, ошибки и грехи,
Скупые радости и горькие утраты.

Старался я вас оградить, насколько мог,
От всех трагедий — только смог ли я? Едва ли.
И если падала слеза на нервы строк,
Вы понимали боль мою и принимали.

Вот и сейчас со мною вы и эта ночь,
Я снова с вами собеседую бессменно.
Познать себя никто не может нам помочь,
Лишь только мы себе — взаимооткровенно.

Негласный спор

Я вырвался из плена
Назревших строф.

Гете

А я в плену, в плену, в плену
Строф спорных, не всегда покорных,
Порой глубоких, чаще вздорных —
Боготворю их и кляну.

Он сладок, только плен любви,
Взаимности сердец порука.
О Господи, благослови
И наш союз, рожденный в муках.

И я склоняюсь иногда
К тому, что строфы — плоть живая,
Рождаются не без труда,
Мой вкус критично принимая

И нет покоя до сих пор,
Успокоенья нет — что ценно,
Ведется наш негласный спор —
Чей верх? Кто прав? Мы — бессомненно.

Летят мгновениями дни,
Быстрей мгновений мчатся ночи.
А строфы — гибкие они,
Ведь даже капля камень точит.

И спору, истина взамен,
Является чиста, без пятен.
Да, я в плену — и этот плен
Мучителен, но и приятен.

Парад осенних дней

Как быстро перейдет сегодня во вчера,
Процесс такой быстреет с каждым годом.
Осенняя пора печальна, как вдова,
Задумчива, как жизнь перед уходом.

У золотой поры обидно малый срок,
Когда природы вспыхивает сердце.
Как путник в мрачный день спешит на огонек,
Спешит и осень в эти дни согреться.

Спешит согреть себя, но не одна она,
Мы осенью теплу не меньше рады.
Никто не может знать, придёт иль нет весна,
И всё ж мы знаем — не приходит дважды.

Парад осенних дней во всей своей красе
Сверкнёт непостижимо-дивным цветом.
И этот краткий срок, который любим все,
Зачем-то называют бабьим летом.

О времена и нравы!

У женщин я не находил успеха,
И хорошо, что понял — почему:
Мне вежливость моя была помехой,
Она мешала счастью моему.

Представьте, я сижу в кругу красоток,
Они болтливы, на язык остры,
А я же тих, стеснителен и кроток,
Краснею, выпадаю из игры.

Я сделался мишенью для насмешек,
Авторитет упал мой до ноля.
Я понял — женский пол не любит пешек,
Им подавай слона иль короля.

В своё я поведенье внёс поправки,
Отбросил унизительную роль.
Теперь я, словно слон в посудной лавке,
Как среди пешек истинный король.

Я поменял решительно и круто
Стратегию и тактику свою.
И вот настала истины минута,
Я даже сам себя не узнаю.

Я вновь в кругу красоток, весь на нервах,
Они — хи-хи, ха-ха,— через губу.
А я в ответ им режу: — Эх вы стервы!
Да я таких, как вы, видал в гробу!

Они опять берут меня за жабры:
— Ой, Вася, ты, как птенчик, желторот!
— Да у меня почище были лярвы! —
Я отвечаю,— Им утерян счёт!

Я врал напропалую, хорохорясь,
Я выставлялся тёртым калачом —
Смотрите — для таких мораль и совесть,
Культура, обхожденье — нипочём!

О, до чего ж мы женщин мало знаем,
Они теперь ко мне, такому, льнут.
Я стал им интересен и желаем,
Я современен в их глазах, и крут.

Смешалось всё — о времена и нравы!
Другие мы — о нравы, времена!
А может быть красотки те и правы?
Кому культура в наши дни нужна?

Обычный мечтатель

Будь я маг, чародей,
С удивительным даром,
Я делился бы этим
Со всеми, любя.
Я не тратил бы жизнь
Бесполезно и даром,
И не жил бы тогда,
Как живу — для себя.

Я возможность бы дал
Убиенным всем, павшим,
Выпить некий волшебный,
Живой эликсир,
Чтоб они пред всем миром
Из мёртвых восставши,
Удержали, катящийся
К пропасти мир.

Видно, это сегодня
Под силу лишь мёртвым,
Им, однажды попавшим
Под молох войны,
Но не нынешним «ястребам»,
С памятью стёртой,
И не им, «исключительным»,
«Высшего сорта» —
С ними дни человечества — обречены.

Чтоб я сделал ещё,
Будь в моей это власти,
Хоть по сути своей,
Не жесток и не зол?

Я б во лживые и
Ядовитые снасти,
Тех пожизненно впутал,
Кто зло это сплёл.

Я б ещё подарил
Людям судьбы такие,
Средь которых не стало б
Несчастных суде́б,
Чтоб сбывались простые
Желанья людские,
Чтобы радости были,
Здоровье и хлеб.

Но не Бог я, не маг,
Я — обычный мечтатель,
Лишь желаний несбыточность
Мне по плечу.
Из всего, что имел,
Я мечты не растратил,
Но от них отказаться
Ни за что не хочу.

Разбитая ваза

Я, как оско́лок отшумевшей жизни бурной,
Как вазы сброшенной, кусочек изувечен.
Все черепки смели и выбросили в урну,
Остался я один, случайно не замечен.

Уже отжившего, разбитого не склеить,
Другие мне осколки дороги и святы.
Мне остается в чудо сказочное верить,
Что мозаично возродимся мы когда-то.

Да, я осколок лишь, но длится жизнь земная,
Не отделял ее от прошлой я ни разу.
Я в них живу, родных и близких вспоминая,
Всё помня, мысленно я склеиваю вазу.

Одного колоса семя

Четыре сына одного отца
И матери одной четыре сына.
И наша бились в унисон сердца —
Единокровны мы — и в том причина.

В суждениях бесхитростно-прямы,
Ведь колоса единого мы семя.
И внутренне во многом схожи мы,
И всё-таки не схожи, в то же время.

Меняет время многие умы,
Ломает неустроенности взбучка.
Менялись под давленьем лет и мы,
Нас не щадила жизнь — её текучка.

Переженились все — и весь секрет,
У каждого свой колос, свое семя.
Мы внутренне не отдалились, нет,
На деле же уединились в семьях.

Вот так и доживали жизнь свою,
Ходили иногда друг к другу в гости.
Теперь один у трёх могил стою —
Прощайте, братья — Коля, Митя, Костя.

Хотим мы или нет...

Чтоб стройность жизни не давала сбой,
В застой не превратилась чтоб фиеста,
Нельзя себя переполнять собой,
И для других оставить надо место.

Живя, хотим того мы или нет,
Подпитывают нас другие души.
Вон радуга, в ней не один лишь цвет,
Будь он один — он радужность разрушит.

Коль на общенье создаем лимит,
В себе копим себя, себя секретим,
Когда в наш мир духовный вход закрыт,
В себе мы мир свой разрушаем этим.

Лишь двое знают

Я, жизнь прожив, достаточно большую,
Из пережи́того создать молитву смог.
Звучанье слов её в себе ношу я,
О ней лишь двое знают — я и Бог.

Молитва родилась вполне земною,
Без пафосных излишеств в ней слова.
Она всецело выстрадана мною,
И жить во мне имеет все права.

Я не слагал молитву протокольно —
Всё я да я, от первого лица.
В ней только то, что может быть достойно
Бесценного внимания Творца.

Я унесу с собой ларец секретный,
Ну, а молитву примут небеса.
Она, в отличье от меня, бессмертна,
Ведь я из тех, кто верит в чудеса.

Лунная баллада

Они вошли в ночную тишину,
Обнявшись горячо — он и она.
— Я, хочешь, подарю тебе луну?
Он предложил ей вдруг, как бы спьяна.

Но «как бы» почему? Любовь пьянит,
Ведь счастлива она и счастлив он.
Тем временем луна взошла в зенит
На свой ночной, в веках волшебный трон.

— Ты? Мне? Луну? — она взглянула ввысь,
Воскликнув недоверчиво: — Ого?!
Ты не дари, хотя бы прикоснись
И станешь принцем сердца моего.

Он сбросил одеяния с себя,
Решив, не медля, выиграть пари.
И, глянув на избранницу любя,
Восторженно провозгласил: — Смотри!

И сразу прыгнул в ре́ку с крутизны,
Борясь с теченьем, плыл к мечте своей.
Он плыл к отображению луны,
Уверенный, что завладеет ей.

Он неспроста пошел на этот риск,
От чувств светясь, как месяц, изнутри,
Ведь в речке отражался лунный диск,
Как на ладони — подплывай, бери.

А ночь была торжественно-светла,
Лишь кой-где тени, но они не в счёт.
Возлюбленная сразу поняла
Избранника оригинальный ход.

И он подплыл — и снова, как спьяна́,
Воскликнул: — Я поймал ночную дочь!
Но тотчас в небе и в воде луна
Исчезла вдруг — и почернела ночь.

Откуда ни возьмись, как тень теней,
Наплыли тучи, вязки и низки́.
И стала речка черноты черней,
И стало всё вокруг черней реки.

И зарыдал вдруг совий крик — Фу-гу!
А из реки, ни звука — тишина.
И только на пустынном берегу
В слезах металась девушка — одна.

Горжусь

Пишу я для людей, но люди — и толпа,
Порой жестокая и, в большинстве, глупа,
Но люди — добродетель и душа сама,
Они же — кладезь мудрости, ума.
Я сердцем для людей пишу, но для каких,
Кого найдет, с кем разминётся стих?
Дай Бог, чтоб он, войдя в толпу, не с нею был,
А осветил её добром и исцелил,
Открыв, что человек тогда лишь человек,
Когда в себе он индивидуума открыл,
И тем обогатил наш просвещенный век.
А в общем-то, пишу, конечно же, для всех,
Ведь, люди, ваш успех — всегда и мой успех,
А ваши неудачи — ранят, как свои,
Мы — матери одной, мы с вами — не ничьи.
Нам мать — земля родная, Беларусь,
Я жизнь ей посвятил — и ею я горжусь.

Кому – сказка, кому...

Ах, как пушистен и глубок
Снег, выпавший за краткий день —
Не вытащить деревьям ног,
Склонившим шапки набекрень.

Под снегом бархат мхов исчез,
Сверкают ветки белизной.
Чарует сказочностью лес,
Березой, елью ли, сосной.

Они — во власти февраля,
Во власти белой тишины.
И вся земля — луга, поля,
Спать до весны обречены.

Зима феерию свою
Вдохнула в мир скульптур и форм…
Но как же нелегко зверью
Отыскивать под снегом корм.

Просыпаясь, засыпая

О наша вера в лучшее слепая,
Себя возносим ею мы и мучим.
И с этим, просыпаясь, засыпая,
Всё думаем и думаем о лучшем.

Должно оно прийти, а как иначе?
А с чем же засыпать и просыпаться?
А с чем же ежедневно жить, тем паче?
Узнать бы это, ну, хотя бы вкратце.

Ничем наивность нашу не измерить,
Она необозрима, между прочим.
Когда возможность есть во что-то верить,
Мы в лучшее наивно верить хочем.

Жизнь сваливает дни и годы в кучу,
И к лучшему проход всё уже, уже.
И вдруг, проснувшись, ощущаем жгуче —
Не лучше будет с каждым днём, а хуже.

Предостережение

Поэты любят ложь,
Как сахар дети.
Байрон

Кто любит ложь, что к нам обращена
Красивою обёрточной пустышкой,
Кто лесть любую пить готов до дна,
Тот в жизни разбирается не слишком.

Не мало и в поэзии их есть,
В политике хватает «сладкоежек».
Их всюду хитрецов-льстецов не счесть,
Искусственно растущих без задержек.

Кто будущим своим не дорожит,
Пусть помнят предостереженье это:
Страшнее яда вредный сахар лжи,
Он сахарного хуже диабета.

Ах, водочка...

Ах, водочка, меня вводила в грех,
Реальность подменяла миражом,
Над разумом моим бралá ты верх,
Смысл здравый отрезая, как ножом.

Ах, водочка, вводила в транс меня,
Я куролесить мог всю ночь, без сна,
В мозг безрассудство твоего огня
Накатывалось за волной волна.

Ах, водочка, я ставил всё на кон —
Досуг, успех, талант — в хмельном дыму.
Теперь меня одолевает сон,
Лить только — смех сказать —
Сто грамм приму.

Твоя судьба – моя

Торжественно клянусь
Тебе быть верным я,
Родная Беларусь,
Твоя судьба — моя.

Сражалась ты во мгле
Лихих военных лет.
Жизнь на родной земле
Не прекращалась — нет.

В жизнь, с непростой судьбой,
Пришёл я в те года.
С тех пор делю с тобой —
Будь радость, будь беда.

Я подставлял плечо
Тебе, как только мог.
Я верю горячо,
Сегодня — не итог.

Меня не станет пусть,
Слаба судьбы канва.
Ты будешь, Беларусь,
Уверен я, жива.

И от своей мечты,
Не отвернёшь ты в ночь.
Уверен я, что ты
Всё сможешь превозмочь.

Емелей всех мастей,
Бунтующих народ,
И тёртый хрен властей,
И оппозиций мёд.

Но я, уйдя, вернусь,
Чтоб подтвердить слова:
Родная Беларусь —
Через века жива.

Катись к чертям!

Родившийся, умрёт — таков закон природы,
И отменить его, увы никто не в силах.
Пройдя свой путь земной сквозь «взгоды» и невзгоды,
Все те, кто был до нас, нашли приют в могилах.

Что ж, с нами ясно всё, куда ещё яснее,
А жизнь, что на земле когда-то зародилась —
Закон природы зол, что сделает он с нею?
Финал, как и у нас, у смертных — прах и гнилость?

О, этот нам закон, о, логика событий!
Так что, исчезнут все, и снова всё сначала?
Возникнет на земле бацилла — первый житель
Иль некий паразит, каких всегда не мало.

Закон и беззаконие — цепи единой звенья,
Как видим, эту цепь не разорвали годы.
Не все законы ведь достойны исполненья —
Катись-ка ты к чертям, такой закон природы!

Попробуй разбери

Я — временный, в рассрочку жизнью взят,
Цены мне нет — знать обесценен я.
Весь мир, он мой, но только напрокат —
Вот автобиография моя.

Жизнь после смерти не бывает без прикрас —
Он всё имел, он был богат и крут,
Был у него и собственный Пегас,
И целый мир — биографы соврут.

Таится правда во вранье, что не секрет,
Бывает правда лживая внутри.
Читая прессу, залезая в интернет,
Где ложь, где нет, попробуй разбери.

Сравнения

День каждый в жизни — это веха,
Творение ума и рук.
Жизнь, говорят,— событий эхо,
(Не точное сравненье это)
Ведь эхо — только мертвый звук.

Живя, я не знаком был с ленью,
Уж слишком краток жизни бал.
А жизнь прошла, как сновиденье,
(И это не люблю сравненье)
Так что же, я всю жизнь проспал?

Нас в жизни много, слишком разных,
Мы без сравнений — никуда.
Жизнь — суета, она же — праздник,
То, очень долгие года,
То, словно сквозь песок вода.

Любима жизнь иль нелюбима,
Безбрежна или клином свет,
Она одна! Неповторима!
Жизнь разве может быть сравнима
Хоть с чем-то в мире? Нет и нет!

Утешный билет

Творил, не бил баклуши,
Впопад жил, невпопад.
Услышать буду рад:
Кто сортирует души,
Куда их — в рай иль ад?

Такие есть неужто,
Кто страстно метит в рай?
Им — вынь его, подай.
Мне чувство это чуждо,
Мне рай — мой отчий край.

И если б в рай, утешный
Вручили мне билет,
Я возразил бы: — Нет!
Когда и где безгрешный
Был хоть один поэт?

У страстей в опале

Когда бы человеком правил разум,
Мы с детства бы познали час свой судный,
Мы с юности бы становились разом
Рабами рассудительности нудной.

Не знали б мы страстей неукротимых,
Грехов и чувств нас пламя не сжигало б.
Как мало стало б любящих, любимых,
А может вообще любви не стало.

Но в молодости разум отвергали,
Не сожалея глубоко об этом.
Он у страстей безумных был в опале,
Как правда у цензуры, под запретом.

На разум чувства часто — ноль вниманья,
Страстями верховенствуя своими.
Но наступает жизни увяданье —
И ум теперь главенствует над ними.

Изнемогает, гаснет дух и тело
Пред силой страшной и неумолимой,
Но ум не подчиняется всецело,
Противится владычице незримой.

Лишь разум нашу плоть и дух врачует
Единственным, что у него осталось:
Он мужество в душе мобилизует,
Чтобы не стала на колени старость.

Размышленья на досуге

Бог призывает каждого из нас —
Живи достойно и тебе зачтется.
Мы, слыша иль не слыша этот глас,
Живем и так, и этак — как придется.

Я жил, свое достоинство храня,
Нельзя же жить, коптя на этом свете.
Авось заценят как-нибудь меня
Или хотя бы как-нибудь заметят.

Да, мне зачлось не мало, господа,
Это — долги, ошибки, огорченья,
Грехи, стихи и все мои года —
Цепи́, всю жизнь мою сковавшей, звенья.

Теперь же, грустно подводя итог,
Рождаю размышленья на досуге:
Я жить ведь менее достойно мог —
И меньше бы зачлось мне — по заслугам.

Идиллия

Положив на сердце руку, как на Библию,
Засвидетельствую, не боясь вины:
Я одну лишь в жизни ведаю идиллию —
Единение души и тишины.

Эта дивная гармония — Божественна,
Над вселенской суетой вознесена.
Тишина в душе таинственно блаженствует,
И блаженства в тишине душа полна.

Счастья миг сверкнет в душе, порой, как молния,
Прогремит, как гром весенний, в вышине.
Да, душа бывает радостью заполнена,
Но стихи она рождает в тишине.

Мир слов

Чем глубже копаешь, тем больше
есть шансов найти то, что ищешь,
В земле, полной тайн,
иль в загадочных недрах души.
Но поиски нужного слова в словесности —
всяких раскопок почище,
Казалось бы, что тут искать,
все слова нам известны — любое пиши.

Ан нет! В каждом слове сокрыты
и смысл и глубинные тайны,
Не каждое слово соседствовать хочет
с другим представителем слов.
И слово, всего лишь одно, попадая
в гармонию текста случайно,
Разрушит гармонию эту — словесных
творений обитель и кров.

И мы, почитая мир слов, сочетание фраз,
предложений в их мудром значеньи,
Стремимся, используя их, доносить
до сердец и умов каждый слог.
И в нашем познании слов,
к совершенству стремленьи —
Залог совершенства словесности,
жизни духовной залог.

Глоток из родника

Пыль на книгах — их удушье,
Знать, не читаны они.
Утопает в равнодушье
Наше время, наши дни.

Без поэзии, без песен,
Мир давно б завял, поник.
Пусть рассвет сметает плесень,
Залежавшуюся с книг.

Пусть не все, пусть единицы,
Сбросив серой жизни срам,
Развернут томов страницы —
Там душа, спасенье, Храм.

Ничего, что дерзких мало,
Взявших в руки солнца нимб.
Для всего важнó начало,
Продолжение за ним.

Зачерпните чистой дланью
Хоть глоток из родника.
Повернется новой гранью
К вам судьба, наверняка.

Времена года

Весна

* * *

Пришла весна желанная… Хотя
Весна для марта — лишь одно названье.
Мороз за уши щиплет, не шутя,
А ночью — и метели завыванье.

Да, это было в прошлые года,
Теперь, как говорят, свежо преданье.
И нынче март со снегом — иногда,
Ну а морозы — лишь воспоминанья.

И всё ж весна — это полёт мечты,
Не только календарное явленье.
Мужчины дарят женщинам цветы —
Весна в душе! И чувства все весенние!

* * *

Какое это время года!
Всё просыпается в апреле
И бурно радует погода,
И птицы с юга прилетели.

И тает снег без проволочки,
Под солнцем землю обнажая,
И на деревьях бухнут почки,
Одна одну опережая.

Вся живность делится на пары,
Готовя жизни продолженье
Апрель — он пик весны не даром,
Апрель — восторг и восхищенье.

* * *

О как же нежно обнимают
Нас мая ласковые дни.
А зелень-то какая в мае!
А птицы — как поют они!

А ночи как благоухают,
Цветенье сада не тая!
А как влюблённые вздыхают,
Едва заслышав соловья!

О май! Он чист, лучист и дружен!
Ни с кем, ни с чем он не сравним
Он сказочен, желанен, нужен,
И мы всегда душою с ним.

Май — дивный, необыкновенный,
Не зря в него все влюблены.
Он — главный бриллиант, бесценный,
В короне царственной Весны.

Лето

* * *

Резвятся ласточки-вещуньи
И сердцу радостно в груди.
Как здорово мечтать в июне,
Ещё бы — лето впереди!

Встают рассветы — загляденье!
Неповторим закатов лик!
Шелка лугов, полей цветенье,
И бисер первых земляник.

В реальность превратилась сказка,
Восторженность — куда ни глянь.
И даже дождик летний ласков,
Тепла короткой ночи длань.

Как не любить июнь за это!
Его мы любим горячо.
И верится — не только лето,
Но впереди и жизнь ещё.

* * *

Мы счастливы небеспричинно,
Нам не попутчик грусть-тоска.
Июль ведь — лета середина —
Надежды, планы, отпуска.

Июль — фантазиям раздолье
Июль крепчает, зреет сплошь.
В июле зацветает в поле
Заколосившаяся рожь.

И нет, конечно же, секрета,
Что в нашей средней полосе,
Мы очень ждем тепла от лета,
И по теплу скучаем все.

И пусть прохладен он иль жарок,
Всегда мы рады встрече с ним.
Июль любой — для нас подарок,
Он ожидаем и любим.

* * *

Каждый скажет без запинки —
Август — дивная пора,
Август — лето, но… с грустинкой,
Откровенно говоря.

Август — для крестьян богатый,
В труд свой воплотив мечту,
Всякий в поле занят жатвой,
Каждый колос на счету.

Август щедрый на работу,
Не скупясь на чудеса,
Дарит «тихую охоту»,
Приглашая нас в леса.

Август — песенка не спета,
Он всегда частица нас.
Здравствуй — до свиданья, лето,
Ты приснишься нам не раз.

Осень

* * *

Из тьмы ночной проклюнулся рассвет,
Неспешно заполняя всё собой.
Ещё немного — и польётся свет
То розовой волной, то голубой.

Вздохнёт земля, умытая росой,
И небо звонко солнцу улыбнётся.
А лес осенний рыжею лисой,
Под первыми лучами встрепенётся.

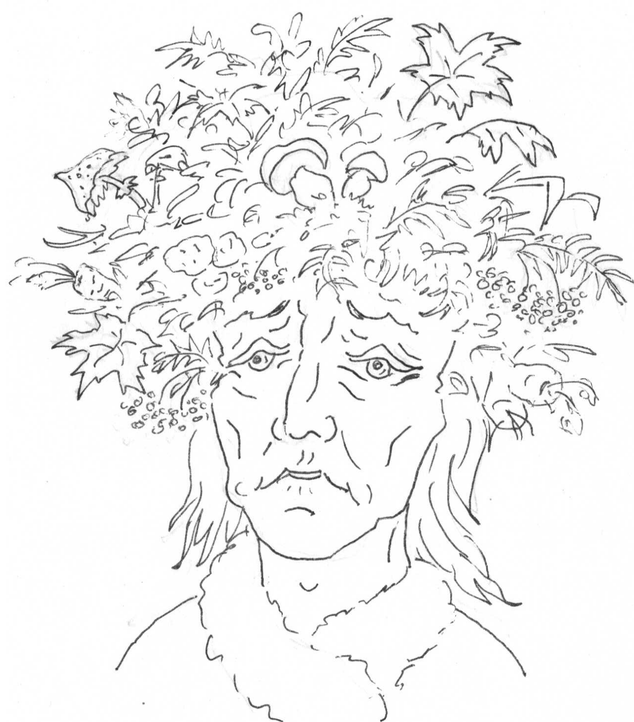
Прекрасна ранней осени пора!
Всех восхитит своим нарядом осень.
И лишь в конце пути она сера,
Как, кстати, мы, года, как листья, сбросив.

* * *

Какой октябрь в этом году!
Он солнечностью ближе к лету,
Он не менялся на ходу,
Был ровный, тихий, разогретый.

Какие дивные деньки
Октябрь открыли и венчали.
В лесу встречались грибники
И белые грибы встречались.

Октябрь примету опроверг,
Что кто-то в шутку сболоболил —
Он даже дождичку в четверг
Испортить имидж не позволил.

Таким бывает редкий год,
Такой октябрь для всех награда.
Он, как законодатель мод,
Не сбросил броского наряда.

Привет, октябрь тебе, привет!
Ты был приветливым, на диво.
Не «подмочив» авторитет,
Ты покидаешь нас красиво.

2020

* * *

Земля тиха и умиротворённа
После осенних напряжённых дней.
И солнца луч по ней скользит влюбленно,
И небо, как святой Покров, над ней.

Напоминает о себе предзимье,
Хотя покуда и прозрачна даль.
Плывут и тают птиц отлётных клинья,
Несут к чужим краям свою печаль.

Плач птиц, как пенье ангелов небесных,
Прощанье в нём и о весне мечта,
Грусть осени, средь грустей всех известных,
Особенна, торжественна, светла.

Зима

* * *

Ложимся спать — всё, как и было,
Темнеет даль, земля черна.
А утром! Всё преобразила
Торжественная белизна.

О снег! Восторженно он встречен
Детьми, как и во все века.
Но первый снег недолговечен
И снежных баб жизнь коротка.

Способна удивлять природа,
На то у ней душа своя.
Декабрь — венец любого года
Чем и гордится — вот он я!

Декабрь — любимец всенародный,
И я ему восторг пою.
Он праздничный, предновогодний,
Приходит в каждую семью.

* * *

Ведёт отсчёт от новогодней ёлки
Из года в год дотошный календарь.
Нас искренно, отбросив недомолвки,
В грядущий год напутствует январь:

Пусть будущее в разных проявленьях
И в замыслах приносит нам успех.
А новый год в событьях и свершеньях
Пусть будет чистым, как январский снег…

О зимний лес, словно дворец хрустальный!
Приятно быть в гостях у января,
Когда кружат снежинки в танце бальном,
Переливаясь, радужно горя.

А на пушистых, сказочный берёзах
Позируют красавцы черныши —
Тетерева, не прячась от мороза,
Серёжки уплетают от души.

Каких-то птичек озорная стайка
Проворно промелькнула меж ветвей.
А вот оставил след трусливый зайка,
Ему залечь бы, спрятаться скорей.

Каких только следов в лесу не встретишь,
Не просто разобраться в них пришлось —
Вон лисий след, а чуть поодаль, эти —
Лосиха шля, а рядом с нею лось.

Красив январь, богат, разнообразен,
Ему за это благодарны мы.
Январь и Рождеством Христовым важен
И тем, что этот месяц — пик зимы.

* * *

Февраль — драчун и забияка —
Сугробы, стынь, метель, мороз.
Из будки ни одна собака,
Когда он зол, не выткнет нос.

Февраль же куролесит шало,
Неся суровость на челе.

Но дней и солнечных не мало
Бывает в том же феврале.

Поскольку к марту он приближен,
(Что он считает, ни к чему)
Его и оттепели лижут,
Изрядно портят лоск ему.

Он оттепелью ошарашен,
За что, конечно ж, злюку жаль.
А в общем-то, не так и страшен,
Как говорят о нём, февраль.

Двоеженец

Сегодня это всё, как давний сон:
Я и Дитва — задумчивая речка,
С которой я печально обручён,
Отдав ей обручальное колечко.

Пятьдесят три житейские годка,
С тех пор умчались еле зримой вьюгой,
Когда ни в чём невинная река
Вдруг стала между мною и супругой.

Поволновались мы с женой слегка,
Но, все приметы горькие поправши,
Не стала ты разлучницей, река,
Течёшь ты вдаль свою издалека,
Не высохло и русло жизни нашей.

Себе кольцо, событьям вопреки,
Купил второе — прочь примет потуги.
А первое лежит на дне реки,
Что ж, у меня по жизни две супруги.

Сонное царство

Жестка в бессоннице кровать,
Как половица.
Вон солнышко скатилось спать,
А мне не спится.

Трава душисто-зелена,
Досенокосна.
Наверно сны глядит она
О лете росном.

И речка в дрёме вековой
Течёт лениво,
И месяц, словно неживой,
Грустит сонливо.

Снов и бессонниц глубину
Осмыслить мне бы.
Поскольку так и не усну,
Я в царство сонное нырну
Под звёздным небом.

Осмысленности стержень

Всяк подняться над толпою должен,
Кто имеет собственно «я».
А не то толпой будет помножен
На диктат чужого бытия.

На слепой разброд чужого мненья,
На неуправляемость толпы.
Те, кто правит балом, без сомненья,
И оплачены, и не глупы.

Если б каждый не был лжи подвержен
И своим умом бы жил всегда,
Ожил бы осмысленности стержень,
От толпы не стало б и следа.

Не во власти сна

Я перегружен до отказу
Всем тем, что жизнь дарила мне.
Зато душа моя ни разу
Не тяготела к тишине.

Не попросила сбавить ритмы
Неупорядоченных дней.
За это все мои молитвы
Благопризнательные ей.

И если я в летах преклонных
Не нахожусь во власти сна,
Я потому неугомонный,
Что не состарилась она.

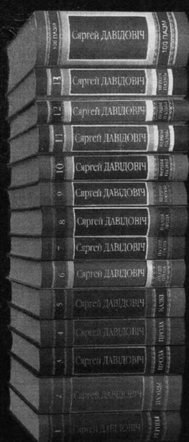
Мои года не отшумели,
Не вышел замыслов лимит.
А молодость живет не в теле,
Её душа моя хранит.

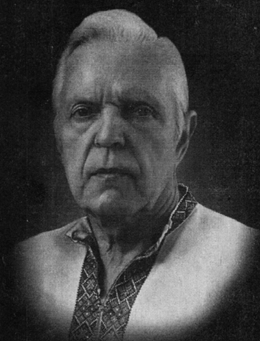
Сяргей
ДАВІДОВІЧ

1942-20

ПАЭТ, ПРАЗАІК,
МАСТАК

*Мне будзе сніцца
ў вечным сне
Жыццё, каханне,
дом мой мілы.
І хтосьці ўспомніць
пра мяне,
І мой прытулак
не міне,
І ціха стане
ля магілы.
Аджыў я, мусіў
рукі скласці,
Бывайце і жывіце
ў шчасці.*

Я памятник «воздвиг...»

Я памятник «воздвиг» себе, но рукотворный,
И бережно храню до срока в гараже.
Ведь не далек тот день, неотвратимо-черный,
Пусть я пока лечу, но вниз и вниз уже.

Не передать тех чувств, когда пред очи видишь
Надгробную плиту по здравому себе.
Как будто нет тебя, как будто вот он, финиш,
И всё же перед ней от ужаса не стынешь,
Ведь сам я так решил, сам в собственной судьбе.

Я не боюсь примет, не верю в забобоны,
Ещё я поживу, мгновения ценя.
Я верю подождет загробный мир хваленый
Сей памятник по мне, и самого меня.

6.X.2020

Судеб печаль

Чужих суде́б видна печать
На предначертанном пути —
Уж лучше с умным потерять,
Чем что-то с дураком найти.

И не краснею посему
От убежденья своего —
От Господа я всё приму,
От Люцифера — ничего.

Вдоль и вполперек

Я не хотел катиться, словно ноль,
По жизни шёл я бороздою строк.
Я шёл по жизни, а, точнее, вдоль,
А вот писал нередко — вполперёк.

И труд, свершённый мною, он не мал,
Упрямо за стихом рождался стих.
Кто их за покушенье принимал,
Кто ощущал необходимость их.

Я «поперчил» на пределе сил,
Из всех исканий истину извлёк —
Стезёю строк я жизнь «избороздил»,
Теперь иду за строчкой — вполперёк.

Как хлам ненужный

Как много стало вдруг бездомных,
То тут, то там, собак, котов.
Они досель имели кров
У дачников, душою сонных.

Дарили радость всем услужно,
И пожилым, и детворе.
Теперь вот осень на дворе,
Теперь их вон, как хлам ненужный.

И люди уезжают в город,
Посёлок дачный покидая.
А здесь животных бедных стая
Отвергнута — и с ними голод.

О осень, осень… Но бедняжки
Не из-за осени страдают,
Ведь их же люди покидают,
Хотя людьми назвать их тяжко.

Как последняя атака

памяти Казимира Завадского

Сухо сыпал крупкой манной
Снег, не к месту, неуёмный.
Хоронили ветерана
Всей деревней, тихо, скромно.

Вся деревня — «три калеки»,
Шли, соседа провожая.
Так назвал шутник их некий,
Тех, кто век свой доживает.

Есть ещё в деревне дачи,
В тех коттеджах «сыто-пьяно».
Только в них никто не плачет
За какого-то Демьяна,
За Ивана, за Степана.

Ни оркестра здесь не слышно,
Ни одной районной шишки.
Славят ветеранов пышно
Лишь по телеку и в книжках.

Здесь же местный, свой, обычный,
Жизни серостью затёртый.
В прошлом — яркий, героичный,
В настоящем — тусклый, мёртвый.

Сколько вас таких осталось
По глубинкам захудалым?
Единицы — эка жалость,
А сегодня — меньше стало.

Вид процессии убогий,
День застыл почтенно, свято.
А берёзы вдоль дороги,
Словно сёстры медсанбата.

Жизнь проходит понемногу —
Ветеран отпел, отплакал.
Всё! Последняя дорога,
Как последняя атака.

Воздушная ладья

Облако одно, а небо чистое —
И откуда взяться бы ему?
И плывёт, словно ладья небыстрая,
За мечтой, известной лишь ему.

Одиночка — редкое явление,
Сорванец, оставивший семью.
И несёт воздушное течение
Пó небу воздушную ладью.

Сколько же природой уготовано
Разных незатейливых чудес.
И глядят на небо зачарованно
Лента речки и земля, и лес.

Пророчества

Сгибнет четверть вас —
От мора, глада и меча.
Валерий Брюсов

На жизнь взирая нынче трезвым оком,
Сквозь розовость взиравшим до сих пор,
Я не хочу, чтоб был поэт пророком,
Пророчащим нам гибель, беды, мор.

Останови пророчества, о Боже,
Обороти к страдающим свой лик.
И всё ж они сбываются, похоже,
Пои́т нас всех отравленный родник.

А я же человечеству пророчу:
Мы всё преодолеем — мор пройдёт.
И даже после этой страшной ночи.
Здоровой, вечной жизни ждёт восход.

Охотничьи приметы

Я исходил на охоте не мало
Грустно-пустых и удачливых вёрст.
Многое видел, всяко бывало,
Била охота и в гриву, и в хвост.

Я с утвержденьем известным согласен,
Плюс, исходя из житья своего:
Раненый зверь вдвое опасен,
Остерегайтесь втрое его.

Опыту, практике, жизни внимая,
Увещевает охотник иной —
Очень опасна и утка хромая,
Лучше её обойти стороной.

Ему хвала

Бог создал разных нас, за что Ему хвала,
В нас, к счастью есть добро
и, к сожаленью, зло.
Но из любви растут все добрые дела
И от нее в душе у каждого светло.

А если свет в душе, там мраку места нет,
Душа, как Храм, который каждому святой.
О как же важно, чтобы этот дивный свет
Вдруг не погашен был по чьей-то воле злой.

От совершенства мы, увы, всё ж далеки,
Как должное приняв, добра и зла печать.
Но повстречав любовь, либо её ростки,
Их бы поступком злым иль словом не сломать.

Оценивание

Поэты не в цене у власти и закона.
Жоашен Дю Белле

Поэты не в цене
У власти и закона
И только потому,
Что власть или закон,
Читают не поэтов,
Восседая тронно,
Она — указы лишь,
Статьи и акты — он.

Поэзия для власти
И для закона — бремя,
Будь все они умны,
Будь трижды не плохи́.
Сей труд во все века
Оценивало время,
Всех авторов оценивая
Лишь через их стихи.

Ранняя весна

Какая ранняя весна
Сменила лютые морозы.
Она, волнения полна,
Не в силах скрыть капелей слёзы.

Неделя лишь тому назад —
Повсюду снега по колено.
Но март — из белого он плена,
Немедля, вырваться был рад.

И с мартом солнце заодно,
После зимы вдруг стало «зрячим».
Весну приветствуем мы, но
Одежду тёплую не прячем.

Начало марта 2021

КАЗИНО

Блуждаем

Ты — некто. Ты — неведомый, незримый,
Ты есть реальный или плод мечты?
Пути к разгадке неисповедимы,
Сомненья наши — неискоренимы,
Своим явленьем их рассеешь ты.

В твою мы силу верим и величье,
Но чем нам веру подкрепить — прости.
Явись! Прими реальное обличье,
Дай нам самих себя приобрести.

Дай силу духа нам — наш дух ветшает,
И в нашу веру дух святой всели.
И веру пусть надежды воскрешают
Даже у тех. чья вера на ноли.

А их сегодня на земле не мало,
И значит меньше к ближнему любви.
И чтобы больше их еще не стало,
Опасный сей процесс останови.

Да, есть ты, есть! — себя мы убеждаем,
А если нет? Мы будем или нет?
Мы в вере и в сомнениях блуждаем —
Явись — и этим дай на всё ответ.

Обвенчан с грустью

Садится солнце, преломляя тени,
Плеснув свой отсвет золотой на хаты.
Клён, будто бы склонился на колени,
Подставив спину звонкому закату.

Идет, не торопясь, навстречу вечер,
Задумчив и немножечко печален.
Он с тихой грустью издавна обвенчан,
К задумчивости издавна причален.

Высь неба, звезды в волосы вплетая,
Торжественна и непоколебима.
И к лесу потянулась птичья стая,
К ночлегу, красоты всей этой мимо.

Не праведник

Не ляжет мысль правдиво на бумагу,
Коль не свободно автора перо.
Чтобы писать свободно и остро,
К таланту надо приложить отвагу.

Сегодня безопасней льстить бесстыже,
Чтобы урвать от пирога кусок.
Коллеги прячут головы в песок,
Зато другое место к солнцу ближе.

Во все века, кто смело, кто не смело,
Жил человек, как «я» его велело —
Так и сегодня — Бог нам всем судья.

Случившемуся нынче грустно внемлю —
Увы, обетовал грех нашу землю,
Средь грешников не праведник и я.

Белое безмолвье

Снова после ночи, в молоке всё будто,
Не туман, а нечто — белая стена.
Он накрыл собой зевающее утро,
Не успевшее встряхнуться ото сна.

Предо мной дорога — ну а мне что делать?
Ведь и без того, туманна жизнь моя.
Белое безмолвье, этот саван белый,
На своем пути примерить должен я.

Поднималось солнце, а туман же тщетно
За рассвет цеплялся из последних сил.
Всё равно рассвет со мной — и я с рассветом
Встретились, ведь он всегда меня манил.

Я преодолел глухо-немые дали,
Но на мне туман оставил зримый след —
На душе налёт рыдающей печали,
Не узнать меня — я стал и стар, и сед.

Капля в океане

Я, в каплю дождевую превращен,
И был низринут с неба в океан.
И хоть он в капле весь был отражен,
Но каплю так и не заметил он.

Я Богом сотворен был как поэт,
Творил по мере сил —
И выше сил.
И хоть в стихах отображал весь свет,
Но в суете я незамечен был.

Был причастен

Сегодня я пою о том, что было,
А то, что есть — сегодня не в цене.
Жизнь грустно годы жизни уронила,
Единственное, что Господь дал мне.

Жизнь вообще и жизнь моя — не схожи,
У них одно названье, но не вес.
Жизнь вообще — конечно же, дороже,
Она через века свой путь продолжит,
Моя же жизнь — родился и исчез.

И всё-таки я к жизни был причастен,
И жизнь меня коснулась невзначай.
Но не понятно, кто над кем был властен,
Наверно тот, кто изречёт «прощай».

«Ясновидящие»

Прекрасно, что грядущее сокрыто
Таинственности пеленой от нас.
Знай будущее, как мы жили б?
Мы-то?..
Не думаю, чтобы пустились в пляс.

Крутил бы ясновиденья нас миксер,
От страха сердце превращая в лёд:
«Лежать тебе через полгода в гипсе…
Готовься, заболеешь через год…

А через пять пойдут
За датой дата,
Ты только успевай их замечать —
В году таком-то похоронишь брата,
А в следующем —
И отца, и мать…»

Вот перечень событий аномальных,
Предупрежденья,
Предсказанья сплошь.
И жить, по сути, некогда нормально —
Живешь на нервах, всё чего-то ждешь.

Удар судьбы внезапный в нашем быте,
Душа воспринимает, как аврал.
Внезапность травм сердечных и событий
Мобилизует наш потенциал.

Бросаемся мы, как на амбразуру,
На горе, на внезапную беду,
Чтоб сладить с этим…
Снова встретим бурю
Трагедий, в неком будущем году.

А как же «ясновидящая» братия?
Все шулера — не более того.
Доныне «ясновидят» от зачатья
Они, не дальше носа своего.

Назвать себя провидцем — эко диво,
Сегодня развелось их — пруд пруди.
Им очень «ясно» видится нажива,
Воистину — намного впереди.

Цензор строгий

Да, я пишу без напряженья,
Душа строчит, не голова.
В слова прессуются мгновенья,
Рождают буйство строф слова.

В стихотворения, в поэмы,
Стремятся строфы — мне верны.
Вот так, в теченье жизни все мы
Неистово вовлечены.

И каждый лучшим быть стремится,
Чем есть — и это не секрет.
Мы вкладываем дни-страницы
В тома своих прошедших лет.

Но жизнь, она и цензор строгий,
Её ничем не проведёшь,
Она и вычеркнет в итоге
Из нами созданного, ложь.

Мы варимся рудою в домне,
Но нам до стали далеко.
И если пишется легко мне,
Живется — ох как не легко!

Не бредни это

По звёздам Млечного Пути
И над, и под вселенской бездной,
О как мне хочется пройти
Своей стопою неизвестной.

Не бредни это и не вздор,
К сему моя душа готова —
Я бы расширил кругозор
Всепобеждающего слова.

Осуществи я этот взлёт,
Я произнёс бы громогласно
С межгалактических высот:
«О как же ты, Земля, прекрасна!»

Всё тлен и утиль

Я сын твой, земля! — восклицает иной,
Достоинство тем не роняя своё.
Но кем же он станет, став пылью земной?
Свой пол поменяет — с «него» на «неё».

Вот так всё меняет,
Стирает всё в пыль,
Жестокое время — всё обречено.
И всё перед временем — тлен и утиль —
Всегда!
Неизменно!
В веках — лишь оно!

О любви

Огонь любил всё пожирать, встречая,
Земля за ним — лишь в пепле и пыли.
И лес горел от края и до края,
Крича: — Сгораю от твоей любви!

А речка, берег ласково целуя,
Текла по глубине и по мели́.
И повторяла: — Как тебя люблю я!
И берег — таял, таял от любви.

И у людей всё обстоит не лучше,
Уносит бурно и сжигает страсть.
Любовь людей, как по веленью щучью,
Вдруг вознеся, заставит вниз упасть.

Иной, читая эти прибаутки,
Не хочет видеть между строк себя.
Но надо помнить, что любовь — не шутки,
Мы в ней горим и тонем… всё любя.

Недомолвки

Разлуки, встречи, радости, печали,
В них что-то есть от ночи и от дня.
Я по тому, как мы с тобой прощались,
Могу сказать, как встретишь ты меня.

Бывают встречи, с днем осенним схожи,
Во встречах часто буйствует весна.
Я по тому, как ты готовишь ложе,
Готов сказать, насколько ты верна.

Жить сложно, не отбросив недомолвки,
Когда горят доверия мосты…
Вот я вернулся из командировки,
Взглянув в мои глаза, что скажешь ты?

Мыльные пузыри

Для достойного нету достойных наград
Омар Хайам

Из поэтов-коллег не один удивлен,
Воздавая оценку труду моему:
«Ты один среди нас так и не награжден —
Ни вниманья, ни званий тебе. Почему?»

Не скажу, что об этом не думал и я,
Отвечал всем уверенно: — Время придет.
И работал, работал, обид не тая,
Ведь награды потом, а деянья — вперед.

Но недавно узнал я и этому рад,
Что награды все — мыльные лишь пузыри.
Для достойного нету достойных наград,
Я давно награжден тем, что я «вне игры».

До встречи!

Я слышу, муза говорит: — До встречи!
И я надеюсь — новый день придет.
Усилья приложу сверхчеловечьи,
Чтоб увеличить дней грядущих счет.

Хоть это мало от меня зависит,
А что зависит от меня — ценю.
Ночь, вопреки моим желаньям, виснет,
Я жду, когда она уступит дню.

Жизнь вся — в движеньи,
Не картина в раме,
Вперед она стегает и меня.
О как я много написал ночами,
Лишь потому, что ночь длиннее дня.

Перчинки

Давно сказал мудрец: — Познай себя!
Ну что ж, должны мы верить мудрецу.
А волк спросил, за ухом теребя:
— Не съев её, как мне познать овцу?

Алкаш услышал: — Истина в вине!
И стал искать её, и пил до дна.
Теперь он опустился, он — на дне
И стал осадком жизни, не вина.

Бытует же такое: «Любовь — зла».
У зла спросили: — Так это иль нет?
Был суд, любовь свидетелем была
И нашептала злу она ответ: — Всё это бред!..
Любовь и зло — известно наперёд:
Здесь ничего никто не разберёт.

Нет ничего ценнее жизни? Да!
Нет ничего дороже жизни? Нет!
Но ведь Христос наш в оные года
Всего за тридцать был распят монет.

Бесчестье дурно пахнет — хуже нет.
Хотел спросить, но ни к чему вопрос —
Так вот чем он пропах, весь этот свет,
Открой любую дверь — воротит нос.

День благодаренья

Тебя увидеть в зеркале воды
Внезапно мне помог счастливый случай.
Невестилась весна,
Цвели сады,
Тот день, среди всех дней, был самый лучший.

Ты уронила в воду свой платок
И силилась достать, согнувшись круто.
Я подбежал и не упасть помог
Тебе, на воду глядя почему-то.

Но это «почему-то» —
Был твой лик,
Он был настолько мил и так прекрасен,
Что я едва сдержал восторга крик,
Я над самим собой едва был властен.

Платок уплыл,
Как белых два крыла,
Весна кружилась солнечно в зените.
Но талия в моих руках была,
Ты выпрямилась, молвив: — Отпустите!

И ты ушла безмолвная, как тень,
А я окаменел —
Не сон ли это?
И превратился «самый лучший день»
В большой вопрос, но только без ответа.

*

Я бросился за ней —
Но никого.
Я долго простоял, и было поздно.
Я понял, что вопроса моего,
К несчастью, разгадать мне невозможно.

Не сдался я!
Искал я «между строк»
На свой большой вопрос ответ, пусть малый —
Я мчался вдоль реки искать платок,
А вдруг на нём — хотя б инициалы.

У всех погоней участь не легка,
И я, увы, метался зря, похоже.
Я не нашёл сегодня ни платка,
Я не догнал его хозяйку тоже.

И я ушел, не солоно хлебнув,
Врезался больно в сердце мыслей мелех.
Я ночь не спал,
Сидел, «повесив клюв»,
Я утро ждал, чтоб вновь прийти на берег.

Я знал, что мной проигран первый бой,
Но верил —
Не проиграно сраженье.
Пусть встречу там я образ неживой,
А вдруг вода хранит отображенье.

Не мог же он исчезнуть без следа,
Прекрасный образ и неповторимый.
А вот и берег,
Вот она, вода,
Течет, как и вчера, невозмутимо.

Но этот день смеялся надо мной —
Отображенья нет в воде — о ужас!
Внезапно слышу голос за спиной:
— О, здравствуйте! Простите — я ищу вас.

Пришла она!
И если б не она,
Я плюхнулся бы в воду, обсессилев.
Но девушка, участия полна,
Меня за лацкан вовремя схватила.

— Простите мне вчерашний мой уход,
Я смущена была, мне стыдно было.
Я виновата перед вами… Вот…
Я вас вчера не поблагодарила.

*

По жизни вместе мы,
У нас семья,
Одной цепи счастливых лет — мы звенья.
Из праздников, какие знаю я,
Любимый самый — день благодаренья.

Всех касается

Не требуй от себя того,
Что выше твоих сил.
А то, что есть, пусть меньшее,
Взрасти и вознеси.

Не возгордись достоинством,
Какого нет в тебе,
Иначе можешь потерять
Себя в своей судьбе.

Смотри, как много сделано!
Но твой ли это труд?
О, далеко не всем дано
Смирить тщеславья зуд.

Будь честен и отвертишься
От судного ты дня…
А в общем, всех касается
Всё это — и меня.

Бред!

Я не знаю школы,
Стилей, композиций,
Классицизм и символизм
Незнакомы мне.
То ли ямб, то ли хорей —
На одно все лица,
Я пишу себе, пишу,
Ночью в тишине.

Я — поэт от Бога,
Я живу без шума,
Для меня ничуть не важно,
В каком стиле стих.
Кто-то столько терминов
Всяких напридумал —
Ни на ум и ни на дух
Не приму я их.

Надо мной пусть виснут
Всех теорий тучи,
Я на них вниманья — ноль,
Не поверю — нет,
Будто бы слагать стихи
Институт научит
И поэтом может сделать
Не поэта. Бред!

И совсем не стыдно
В этом мне признаться,
Что ж, у каждого свои
За душой грехи.

Не писал я никогда
Умных диссертаций,
Ни критических трудов,
Только лишь стихи.

Я — совсем не профи,
Буду с вами честен,
Что имею, то имею —
Время мне судья.
И для критиков давно
Я не интересен —
Лишь бы был для остальных
Интересен я.

Я воспою

Воспеть тебя не смог, как не смогла меня
Ты примирить с непримиримым мною.
И я стремлюсь теперь, любой ценою,
Дожить до всепрощающего дня.

Воспеть тебя я, жизнь, пытался многократно,
Но то ли ты виновна, то ли я
В том, что порой звучала песнь моя,
Как-то неубедительно, невнятно.

Я воспою тебя, настанет срок,
В строках я плох, но лучше между строк,
Туда сместился эпицентр познанья.

Я воспою — песнь в сердце сберегу,
Но если это сделать не смогу,
Упреки все приму и нареканья.

Паэмы
2020–2021

Изгнание

Джорджу Гордону Байрону

Без малого прошло две сотни лет
С последнего трагичного момента[3].
Его автопортрет, его портрет,
Навряд ли я смогу дополнить чем-то.

Чтоб о великих петь, я слишком мал,
И голос мой едва ль услышан будет.
Таких он рифмачами называл —
Кто более его меня осудит?

Он был!
Он будет!
Он сегодня есть,
Как чудо-быль, как сказка-небылица.
Коль я его осмелился прочесть,
Так кто мне запретит им восхититься?

Да разве я не восхититься мог
Строф бриллиантом в миллион каратов!
Ведь магию его великих строк
Великий Пушкин ощутил когда-то.

А в общем-то, пишу я для себя,
Как мне велело сердце — не для прессы.
И потому, труд этот теребя,
Уймитесь, критики и критикессы.

---

[3] Байрон скончался в 1824 году в Греции.

*

От времени он не был в стороне,
Вместив в свою одну, другие жизни.
Он был воспет, но не в своей стране,
Он был забыт, но лишь в своей отчизне.

Служил он Музе чести и добра
И не хотел прислуживать кому-то.
И мыслей глас из-под его пера
Звучал для властьимущих слишком круто.

Но разве милость временных «господ»
Рожденье слов возвышенных питает?
Мысль, словно свет, летящая вперёд,
Она над мракобесием витает.

Ведь мысль, в своей исконной наготе,
Для мрака, словно солнца луч, опасна.
И это знают во всём мире те,
Кто деспот — тайно, «благодетель» — гласно,

Во власти кто, заношенной до дыр,
Кто сам собой среди других отмечен.
Иных не знает просвещённый мир,
За трон цепляющихся, хотя трон не вечен.

Но никогда б не наступил рассвет,
Когда б не луч, пронзающий затменье.
И не пришёл бы за рассветом вслед
Желанный день — от ночи исцеленье.

И мчался всадник над землёй в ночи,
Он знал, что своего дождётся часа.
И тьму пронзали слов его лучи,
И искры звёзд из-под копыт Пегаса.

*

Он мчался над Туманным Альбионом,
По всей земле отбрасывая свет,
Зажгя сердца сограждан миллионам,
Казалось, не на год, на сотни лет.

Но, к сожаленью, полон мир пороков,
Таких, как зависть, злоба, подлость, месть.
Из века в век твердят, что нет пророков
В отечестве своём… Они ведь есть!

Есть!
Есть они!
Заметить только надо
Ярчайший в небе свет — звезды полёт.
И не вкушать плоды чужого сада,
Когда в своём непревзойдённый плод.

И он замечен был — орукоплещен!
Возможно ль не заметить солнца свет?
Возможно ль не услышать голос вещий?
Он был услышан!
Вознесён!
Воспет!

Успех, о коем даже не мечталось,
Он мнился небожителем для всех.
Знакомство с ним — тогда за честь считалось,
А другом зваться — вожделенья верх.

И муза благость чувств к нему питала,
И в каждом доме он желанный гость.
Восторг, любовь к нему…
И вдруг — опала,
Властям, свобода мысли — в горле кость.

Уж слишком он, за тот период краткий,
Смог повлиять «тлетворно» на умы.
И вкруг него замкнулся мёртвой хваткой
Капкан враждебной, беспросветной тьмы.

Была властями сделана зачистка
Сознанья граждан, истине назло.
Он оклеве́тан бы жестоко, низко,
Он был унижен беспощадно, зло.

И тот народ, пел Байрон о котором,
Покорно превращается в толпу.
Так древо, под техническм напором,
Согнувшись, превращается в щепу.

Кто был в друзьях, не подают и руку,
Для ссоры с ним, не нужен и предлог.
К своим знакомым он теперь без стуку,
Да и со стуком к ним — ни на порог.

Ни встреч, ни почитания, ни друга,
Он в Англии, но к Англии — стена.
И даже друг единственный — супруга,
Как выяснил, совсем не друг она.

Не проживя и жизни половину,
Зато прожив здесь лучшие года,
Он показал своей отчизне спину,
Чтобы отплыть неведомо куда,
Чтоб больше не вернуться никогда.

Жгла сердце боль, больная лишь ему,
Но он отплыл, переборов страданья,
Сменив *«надменной Англии тюрьму»*
На неизвестность в длительном изгнаньи.

Вот так кометы и метеориты,
Оторванные от небесных тел,
Летят, своей не ведая орбиты —
И он, подобно им, летя, горел.

Безрадостно в ночи блуждать кометой,
Сжигая сердце на лету своё.
Да есть ли где-то боль, больнее этой,
Чем Родиною жить, но вне её?

*

Какие только есть, не хватит слов,
Чтоб описать души его терзанья.
«Куда угодно плыть отныне я готов» —
В сердцах воскликнул он, смирив рыданья.

Куда угодно…
Шар земной большой,
И стран не счесть суровых и радушных.
Но Родина одна, он в ней душой,
Хоть и отвергнут ею равнодушно.

Он с ней душой, но, в то же время он,
«Отечество своё возненавидел».
Но позже столько варварства увидел
Повсюду, и был очень поражён.

И примирил, опять-таки, в душе,
Себя с землёй, где все его начала,
Хотя и знал наверняка уже —
Он там чужой и нет ему причала.

Он плыл, он ехал, шёл, изгой судьбы,
Но не беспечной праздности в угоду.

Он страстно жаждал, он искал борьбы
За справедливость всюду, за свободу.

Всех стран не перечислить, в коих он
Вступал в борьбу за бедных, угнетённых.
Он не щадил жестокий Альбион,
«Презрением всех наций заклеймённый»[4].

Своей судьбы он крест достойно нёс,
Борясь, слагая оды и поэмы.
Но Греция — борьбы апофеоз.
Нет выше и трагичней этой темы.

Он, не колеблясь, жертвовал собой,
Свой идеал, свой путь борьбы не предал.
Здесь принял он судьбы последний бой,
Здесь и любовь последнюю изведал.

Он отдал всё, чтоб Греция была
Свободной от турецкой злой осады.
Он, ненавидя деспотов и зла,
Кончину встретил на земле Эллады.

Он был борец, боец — и этим жил,
Он был Поэт — певец добра и света.
Он отдал жизнь свою в расцвете сил,
Сверкнув, очаровав всех, как комета.

*

Увы, мы не раскроем тайну эту,
Пусть искренно изгнанника любя:
Возможно, что паломничал по свету
Не Чайльд-Гарольд, взирая на планету,
А Байрон, убегая от себя.

---

[4] В кавычках — все строки Байрона.

Не столь важна проблема эта ныне,
Важнее для поэзии всего:
Быть может многих не было б в помине
Поэтов, если б не было его.

И здесь различных мнений быть не может,
Ведь птицы все завидуют орлу.
А яркий свет, он свет повсюду множит,
И поросль жадно тянется к светлу.

Он этим, и своим наследьем ценен,
Он дорог всем и вся, кроме всего,
Так, как Толстой, Купала и Есенин,
Как Пушкин и наследие его.

Промчится вереница лет и дней,
Событий, дат, после него — не мало.
Он был воспет, но не в стране своей,
Да и в своей , когда его не стало.

Крылатый всадник над планетой мчится,
Он вечен, скачет он во весь опор.
Поэтом ныне Англия гордится,
Забыв свой несмываемый позор.

4.X.—8.X.2020.
Карпиловка.

Свобода

Мы в жизнь приходим, как один, свободны,
Произнося лишь слово «мама», но…
Но в жизни ежедневной, ежегодной,
Ограничений всяческих полно.

Ограниченья в гены человека
Давно и основательно вошли.
Сначала бдит родителей опека:
— Не упади!
Не бегай!
Не шали!

Затем и школа, с первых классов, жирно
Подчеркивает внутренний устав:
— К доске!
К столу!
Молчать!
Сидите смирно!
Не пререкаться!
Всё!
Учитель прав!

Потом работа до седьмого пота —
Не сунь начальству поперек язык.
И всё равно, за просто так, без счета,
Начальство дарит нам за втыком втык.

Ещё — нас держит в рамках государство,
Внимательно, покуда не умрём.
Нельзя сказать, что это от коварства —
Так принято у нас и «за бугром».

Свободу пьёт лишь ветер в чистом поле
И то, когда преград нет на пути.
А чья-то воля, для других неволя,
Конец свободе, как тут ни крути.

Вот так и приучают нас с рожденья —
Мы — часть толпы, извне — запретов круг.
И мы порой боимся свое мненье
Внутри этой толпы озвучить вслух.

Влачат так годы многие народы,
Виновные порою без вины.
Печально, если люди от свободы
По чьей-то воле злой отлучены.

*

Правитель некий, пред лицом народа,
Преступника судил, вещая так:
— Он воспевал свободу, а свобода,
Она канонов и запретов враг.

И если по душе сей враг кому-то,
Я несогласным разъяснить хочу —
Свобода — это бунт!
Свобода — смута!
Свобода — что хочу, то ворочу!

Указ, приказ, а не свобода правит,
Лишь только силу в этом мире чтут.
Так пусть палач смутьяна обезглавит —
И да свершится справедливый суд!

Правитель всех окинул грозным взглядом,
Скривив при этом в напряженьи рот,

Аплодисменты вызвав сплошь и рядом,
Обрушившиеся на эшафот.

Среди согласных всех (по принужденью),
И среди всей покорности слепой,
Один лишь не скрывал своего мненья
Тем, что не аплодировал с толпой.

Он не был легкомысленно-беспечен,
А верен убежденью своему.
И сразу был правителем замечен,
Был воздух гневным криком изувечен:
— А ты не рукоплещешь почему?

Вот здесь, на эшафоте, хватит места
Для всяческой упрямости тупой!
И злобный крик, в сопровожденьи жеста,
Как мрак, повис гнетуще над толпой.

Правитель, в смельчака зрачками целя,
Опять взревел, казалось, на весь свет:
— Иль ты зааплодируешь немедля,
Иль я тебя…
Но прозвучало: — Нет!

Нет! Я не аплодирую тирану!
Я верен правде — и на том стою.
Свободу мысли я менять не стану
На милость недостойную твою.

Правитель, от негодованья белый,
Смягчил свой голос ласковостью нот:
Ну что ж, упрямец,
Коль такой ты смелый,

С приговорённым рокировку сделай —
Взойти вместо него на эшафот.

В толпе ты корчишь из себя героя
Ещё не взвесив «против» все и «за».
Увидим, что слова пустые стоят,
Когда посмотрит смерть тебе в глаза.

Спасти приговорённого ты можешь,
Своим упрямством убедив всех нас —
Коль ты на плаху голову положишь,
Смутьяна я помилую тот ча́с.

Но и ещё есть шанс спастись, не скрою,
Поаплодируй трону моему
И мне прилюдно — я тогда обоим
Вам жизни сохраню — тебе, ему.

Смельчак взошел решительно и смело
На эшафот, достоинство храня.
Толпа же еще больше оробела,
Всё глубже погружаясь в драму дня.

Воскликнул незнакомец с эшафота:
— Свободы ради я на всё готов!
И если в этом сомневался кто-то —
Напрасно!
Не срубить вам всех голов!

Я головою жертвую без страху,
Слагаю жизнь, и только потому,
Чтобы тиран не положил на плаху
Свободу, ненавистную ему.

Пусть тирания временно в зените,
Но близок, близок твой, тиран, закат.
Вот я на плахе, а теперь — рубите!
Что ж ты, палач, попятился назад?

Как будто наступило очищенье
В сердцах людей, у каждого в душе.
И робость уступила восхищенью,
И страх не так уж страшен стал уже.

Палач, чья в этом практика большая,
По локоть руки чьи давно в крови,
Он на тирана глянул, вопрошая,
И тот рукой махнул ему —
Руби!

Топор, сверкнув дугой, привсвистнул сухо,
Рубя в мгновенье шею, позвонки.
И с плахи голова упала глухо,
Чертя горячей кровью ручейки.

Раздался страшный стон тысячегласый
И, погружаясь в ужас, то́тчас смолк.
Правитель всех окинул взглядом властным,
Оскалил зубы, как голодный волк.

Он наслаждался тишиной покорной
И упивался «праведным судом».
Он, только он, правитель — и бесспорный,
И каждый должен бить ему челом.

Уверен он, что, правя, не тиранит —
И произнес он с трона своего:
— Ну, кто ещё вместо смутьяна встанет
На эшафот, чтоб заменить его?

Суд правый в обезглавленное тело,
Не медля, превратит любую спесь…
Есть смельчаки?
И кто-то крикнул смело,
Рванувшись к эшафоту:
— Здесь я! Есть!

Чтоб жили все свободно и прекрасно,
Пусть ляжет на алтарь и жизнь моя!
И вдруг взметнулось к небу громогласно:
— И жизнь моя!
И я! И я! И я!

Толпа…
Нет, не толпа уже, а люди,
Хозяева своей родной земли,
Вперед рванулись и единства грудью
Правителя и эшафот смели.

И жертва не напрасной оказалась —
Воспрянул дух людей — могучий дар.
И искорка всего лишь — эка малость,
А грандиозный разожгла пожар.

Диктатора питал из каждой щели
Страх подданных, не знавших перемен.
Но подданные страх преодолели,
Вздохнули полной грудью, встав с колен.

Народ весь, процветая год от году,
На лаврах не дремал, свободным став —
Приумножал, ценил, берёг свободу —
Гарантию своих законных прав.

*

Есть у свободы сторона обратная,
Порой вскружает головы, как медь.
Свобода — часть сознанья деликатная,
И пользоваться ей — надо уметь.

Своя свобода — наше дело личное,
От нас она зависит целиком —
Жизнь может быть всецело гармоничною
Иль нас крутить, как хаотичный ком.

Мы со своей свободой полноценною
Не вправе лезть «в соседний огород» —
В свободу чью-то неприкосновенную,
В их жизнь вторгаться — и наоборот.

Вот так мы все взаимоограничены,
Свободны, лишь имея меч и щит.
Закон один для всех, он обезличенный:
Дом — наша крепость, не для вех открыт.

И в жизни государств, без исключения,
Свободы не бывают без препон —
Поступки наши, наше поведение,
Жизнь нашу регулирует закон.

Откуда начат путь, туда приехали,
Но без вопросов, будет ли ответ?
Закон для всех свобод —
Добро, помеха ли?
Но нет законов и свободы нет.

Законы в беззаконии немыслимы,
Но исключений впереди стена —
Законы, для преступников не писаны,
Диктаторам свобода не нужна.

А впрочем, далеко ходить не надобно,
Противоречий всех не сосчитать.
И Ливия была тирану рада бы,
Когда бы мог из мертвых он восстать.

Богатый край тот нынче опусто́шенный
«Свободой», что извне завезена.
Так может всё же прав правитель сброшенный —
Власть — лишь единоличная сильна.

И снова разных мыслей завихрение
Сегодня в них запутались века.
Чтобы не стать мне жертвой заблуждения,
Я ставлю многоточие… пока…

5.01—8.01.2021.
Минск

Паданне даўніны

На маляўнічым месцы, дзе
Дарогі дзве ляглі ў адну.
Хто тут не едзе, хто не йдзе,
Адчуе сэрцам даўніну.

Вось тут, на гэтай вось вярсце,
Ля аб’яднання дзвюх дарог,
Бярозка з даўніны расце,
А пад бярозкай камень лёг.

Хтось пасмяецца з гэтых слоў
І зморшчыць над ухмылкай нос —
Ці ж мала ў полі камянёў?
Ці ж мала каля іх бяроз?

Так, камні не вялікі цуд,
Бярозак шмат ля бальшака.
Але ж ляжачы камень тут,
Падобны ён — да юнака.

Нібыта раптам ён знямог
Альбо паранены ён быў,
І да бярозкі, як да ног
Каханай лёг — так і застыў.

Загадка ёсць яшчэ адна —
Бярозкі гэтай маладосць.
Ідуць стагоддзі, а яна,
Якой была, такой і ёсць.

Іх, быццам для нашчадкаў, час
Захоўвае — яго, яе.

І раскрывае зрэдзь для нас
Старонкі даўніх год свае.

Паданне даўніны дайшло
Праз тоўшчу год да нашых дзён,
Паданне, пра дабро і зло,
І пра каханне, што было
Ў той час, нібы дзівосны сон.

Ад дзеда бацька мой пачуў,
А я ад бацькі у свой час.
Цяпер пераказаць хачу
Паданне гэтае для вас.

*

У краскі-Алены, у сэрцы
Быў тайны каханы,
Алесь-прыгажун, сын адзіны
Вельможнага пана.

Багаты жаніх, той Антось,
Ды й тварам прыгожы.
І гэткую жонку шукаў яму
Пан той вельможны.

Здавалася б, дзве прыгажосці такія —
Аб чым лепшым марыць.
І ўсё ж, немагчыма пра гэта
І рана гутарыць.

Паны ёсць паны,
У людзей яны навідавоку,
Алена таму паніча
Бачыць бачыла, хоць і здалёку.

Бывала, праскочыць і блізка на брычцы
Па нейкай патрэбе.
І ў сэрцы дзявочым каханне заззяла,
Як сонейка ў небе.

Яе ж не заўважыў ён, хоць
Недзе бачыў, магчыма,
Ці ж панская ўвага магла апусціцца
Да простай дзяўчыны?

Але мы пад Богам усе,
За кожным ён сочыць,
Таму і цяпер ён заўважыў два лёсы —
Хлапечы й дзявочы.

Дзяўчына ж жыла у хаціне старой,
А паніч у палацы,
Прыйшла неяк краска-Алена да пана
На працу наймацца.

Стары пан, але і ў старых,
Не старэе іх вока,
Яны прыгажосць, як смятану каты,
Заўважаюць здалёку.

Ці ж мог не заўважыць ён цуд гэты
Ў зрэбнай сукенцы?
І ветліва згоду на працу даў ён
Нечаканай паненцы.

Яе не паслаў не ў хлявы, не на поле,
Ў стагі класці сена,
Павінна была прыбірацца
У панскіх пакоях Алена.

Стары пан, не вельмі стары быў
Душою і целам,
Таму пакідаў каля вока свайго
Пакаёўку з прыцэлам.

Ён ведаў, што дзеўку узяць на прыцэл —
Не якую там птушку,
Дзяўчына не вельмі захоча патрапіць
Да пана на мушку.

Тым больш, што штодзённа й штоночна
Ёсць жонка ля боку.
Але ж паляўнічы заўжды
Да дзічыны цікуе здалёку.

Сама і Алена на працу з прыцэлам
Прыйшла нанімацца —
Авось з панічом давядзецца
Праз дзень ці штодня сустракацца.

У першы ім дзень сутыкнуцца дало
Вочы ў вочы
Паніч паглядзеў на Алену…
Й захоплены быў прыгажосцю дзявочай.

Хацеў прывітацца і штосьці спытацца,
Ды сілы дзе ўзяці.
Ён кінуўся прэч ад дзяўчыны
Ў пакоі да маці.

— Хто гэта? Адкуль? Што ў нас робіць? —
Пытаннямі сыпаў.
І мацін адказ — і здзівіў, і спыніў
Роспыт сынаў.

— У бацькі спытайся свайго,—
Сын пачуў ад матулі.
На старасці год ладзіць ён
Небяспечныя гулі.

Была пакаёўка у нас,
Ды, відаць, для яго састарэла.
Эх, сынку… — і маці скрозь слёзы
Ўздыхнула нясмела.

У роспачы выйшаў ад маці Антось,
Думкі родзіць.
Што бацьку сказаць? Як пачуцці схаваць?
Як паводзіць?

Не! Рана дарогу даваць
Недаспеламу слову.
І з бацькам ён весці пакуль не гатовы
Такую размову.

Дзяўчына — яна незнаёмка, загадка,
Яна — як сляпому дарога.
Ён нават не ведае, як яе зваць —
Анічога.

Ні слова не чуў ад яе ён пакуль,
Ні паўслова.
І хлопец рашуча вярнуўся
Да той прыгажуні нанова.

Убачыў яе і былая фарсістасць
Імгненна растала.
Але і Алена, ў палоне кахання
Ледзь сэрца стрымала.

І ўсё ж яна першая мовіла:
— Слухаю, пане.
«Я слухаю, любы, цябе!» —
Аж крычала каханне.

— Ты хто? Ты адкуль? — запытаўся Антось,
Я раней вас не бачыў.
«Якая прыгожая ты!» —
Хтосьці ў сэрцы усё перайначыў.

Ён з ёй — то на «ты», то на «вы» —
Хваляваўся без меры.
То — ён чырванеў да вушэй,
То — бялей быў паперы.

— Алена я, з вёскі,
У вас прыбіраю ў пакоях.
— А я… тут жыву, я паніч, я Антось…—
І яны счырванелі абое.

Здавалася ім, што знаёмыя доўга яны,
Насамрэч — вельмі мала.
— Прыемна вас бачыць…— сказаў ён.
— І мне вас…— яна адказала.

Раптоўна ідылію гэту
Зусім нечакана,
Парушыў, як гром сярод яснага неба.
Голас злоснага пана.

Ён ціха стаяў за дзвярмі,
Слухаў кожнае слова.
— Хадзем-ка, сынок, да мяне ў пакой! —
Кінуў сыну сурова.

Пан доўга маўчаў,
Пазіраючы злосна на сына.
Затым — яго словы гучалі калюча,
Як здзек, быццам кпіны.

— Ты бельмы свае не выпяльвай
На дзеўчыну гэту.
Не тое яе… і не толькі яе,
Зжыць гатовы са свету.

Вунь, колькі дачок у суседніх паноў,
Там твая ўся забава.
А тое, што я пакаёўку змяніў,
Не твая гэта справа.

І маці сваёй,
Каб пра нашу размову — ні гуку.
Гуляй! Не губляй маладосць,
Буду рады унуку!

*

Вядома, што плод забаронены, людзям
Больш смачны й прыемны.
Таму і Антосю з Аленай кахацца
Даводзілася патаемна.

Сустрэчы іх тайныя цешылі і мілавалі,
Але й засмучалі,
Яны быццам светлае штосьці і грэшнае
Клалі на шалі.

— Я бацьку скажу! — гарачыўся Антось,
Дам пачуццям свабоду!
— Ты што! — ажно млела Алена,—
Ён сам не дае мне праходу.

Ён з першага дня дамагацца пачаў,
Не дае мне прадыху.
Лепш будзем з табой і далей.
Сустракацца паціху.

— Паціху! — Антось аж падскочыў,—
Не будзе такога!
Ці ж можна пачуццяў баяцца —
Каханне ад Бога!

Мы што, так і будзем туляцца
Век пазавуголлю?
Мы здолеем і без бацькоў
Стварыць сваю долю.

Я заўтра ўсё выкладу бацьку,
Усё, як на блюдзе.
І маці адкрыю душу,
Тады — будзь што будзе.

*

Вагаўся назаўтра Антось,
Ведаў бацькаву лютасць.
Падзеі ж хутчэй за яго
Набылі сваю хуткасць.

Пакуль так туляўся Антось
Між страхаў і мрояў,
Ушчэнт разадраў цішыню
Крык з панскіх пакояў.

Крычала Алена. На крык
Антось ірвануўся і маці —
На ложку Алену скруціў
Раз'юшаны пан у халаце.

З Алены спадніцу сцягнуў,
Хрыпеў, як ваўчына,
І білася з крыкам пад ім
На ложку дзяўчына.

Антось бацьку з ложку шпырнуў,
Дзе сілы ўзяліся.
Збялеў пан, шалёна зароў,
Аж пена на пысе.

— Дык ты супраць бацькі, смаркач,
Трымайся, паскуда!
Цябе, хоць маліся, хоць плач,
Я знішчу, Іуда!

Алену Антось падхапіў,
Хіне, сам хоць кляты.
— А ты! — і пан стрэльбу схапіў,—
Сваё аджыла ты!

Тут маці да мужа на шыю:
— Ці ж злыдзень ты гэткі!
Спыніся! — а дзецям гукнула:
— Ратуйцеся, дзеткі!

Бяжыце! А я прытрымаю
Шалёнага звера.
Алена з Антосем імгненна
Даліся за дзверы.

На двор, а там конь, на іх шчасце,
Запрэжаны ў брычку.
Ускочылі ў брычку яны — і на волю
Імчаліся знічкай.

— Мы вольныя!
— Любая! Любы! Мы разам! —
Ў паветры гучала.
Яны раптам вольныя крылы адчулі —
Зямлі стала мала.

Два сэрцы, два лёсы паспелі з’яднацца
Адзінаю мэтай.
І свет адкрываўся ружоваю казкай
Прад параю гэтай.

Няма для кахання бар’ераў, ні межаў,
Ніякіх умоваў.
Раптоўна Антось і Алена пачулі
Стук конскіх падковаў.

Бяда свайго чыншу не ўпусціць ніколі,
Не спіць гэта шэльма —
Ў сядле, на кані, за шчасліваю парай
Скакаў пан са стрэльбай.

Дагнаў і упоперак стаў на дарозе,
Як скула на целе.
— Ну што, ад мяне, ўсемагутнага пана,
Вы збегчы хацелі!

Ды я й пад зямлёй вас знайшоў бы, агідных,
Двух вырадкаў клятых.
Цяпер кайданы вы ў скляпе мураваным
Палічаце святам.

Вы будзеце на ланцугу ў адным месцы,
Вас не разлучу я.
Вось там маю літасць на хлебе з вадою
З вас кожны адчуе.

Пан здзекваўся з двух маладых ідавочна,
Ўпіваўся уладай.
— Вось так я магу, а магу й па-другому
Пакончыць са здрадай.

Антось жа з Аленаю вылезлі з брычкі
І слухалі моўчкі.
А пан маналог, альбо здзек непрыстойны
Працягваў свой воўчы.

— Дык вось, я, магчыма, табе і дарую,—
Звярнуўся да сына,—
Калі на каленях мяне перапросіш,
Слязліва, павінна.

Калі адрачэшся ад гэтай шарплюдкі,
Быдластай і чорнай,
А ты — на Алену ён стрэльбаю тыцнуў,—
Мне будзеш пакорнай.

Антось узарваўся: — Не будзе ўсё гэта,
Дарэмна нас судзіш!
Жыць ёй без мяне, як і мне без Алены,
Ты нас не прымусіш.

Ты хочаш, каб я ад кахання адрокся,
Адмоўлюся лепш я ад волі.
Ты хочаш, каб стаў прад табой на калені —
Ніколі! Ніколі! Ніколі!

Яе я абраў і табе не падсілу
Ў ланцуг закаваць нашы лёсы.
Чым быць тваім сынам, з Аленай лепш буду
Галодны і голы, і босы.

— Ах так, дык не быць табе з ёю ніколі!
Дарунак табе мой, Алена! —
І стрэліў раптоўна ў дзявочае сэрца,
Антось, без вагання, імгненна

Закрыў яе сэрца сабой, сваім сэрцам
І ўпаў каля ног сваёй любай.
Алена ж над ім засталася бярозкай,
З ім вечным звяза́ная шлюбам.

*

Такое паданне… Агучыць я рады
І выкласці ўсё на паперы.
Цяпер вырашайце ці ў чутым шмат праўды,
Ці варта піса́нае веры?

А ў нашыя дні, хіба ж ён не бывае
Трохкутнік так званы, любоўны?
Таксама ён сувязі ўсе разрывае
І родных, і адзінакроўных.

Мы любім усе даўніну без ваганняў,
Па-свойму ўспрымаем і цэнім.
Калісьці і мы з вамі станем паданнем
Для новых часоў, пакаленняў.

8.01.— 12.01.2021
Мінск

Калядны цуд

Абрыдлы пост прайшоў —
І сёння, на Каляды,
Хоць і раней Савось
Да гэтага быў ласы,
Сеў за святочны стол,
Кульнуць быў вельмі рады,
Пад бульбу, пад капусту,
Пад сала, пад каўбасы.

Змагаўся за сталом
Савось, ажно да поту,
Застольны ж пот — не дождж,
За карак не цячэ.
Пілося — упрыцмок,
І елася — ўахвоту,
І колькі ён не піў,
Хацелася яшчэ.

Адно не па нутры,
Што жонка каля боку,
Як зуб, які баліць,
Хоць рві яго, не рві.
Яна, як бервяно,
У нецвярозым воку,
Казала напрамкі Савосю,
Без намёку:
— Ты п’еш — не перапі,
Ясі — старанна жві.

Святочнае жыццё
Падобнае на казку —
Савось гэта адчуў,
Пагладзіўшы жывот.

Ад пуза закусіў,
Напіўся пад завязку —
І аблізнуўся ён,
Як, сала з’еўшы, кот.

Да ложку ледзь дайшоў
І — бух набакавую,
Адразу храпака задаў
На ўсе лады.
Ды раптам над сабой
Ён голас жонкі чуе:
— Ці ж можна легчы спаць
Пасля такой яды?

Ад лішняе вагі
Ці будзе шмат карысці,
Табе і так на нос
Узлез ужо жывот.
Устань, не лежабоч,
Ідзі і пратрасіся,
Працверазі мазгі
Марозам, абармот!

Савось на ложку сеў,
Хаця паспаць маніўся,
Пад лыжачкай пякло,
У галаве гуло.
Ціхутка уздыхнуў:
«Начорта я жаніўся?
І спаў бы я цяпер,
І звягі б не было».

Савось рашуча ўстаў:
— З Ражством, святы Ісусе!

Прабач за гэта мне,—
Зняў стрэльбу са сцяны.
Паколькі раяць мне,
Пайду і пратрасуся,
І несвяточны дзень
Зраблю для дзічыны́.

Адразу жонка ў крык:
— Ты што, здурнеў, Савоська!
Кінь стрэльбу! Ты ж п'яны́!
На ложка лезь, назад.
Савось зарагатаў:
— Выконваю я, Зоська,
Як і жадала ты,
Жаночы твой загад.

А Зося ў слёзы, ў плач:
— Савоська, ты ж пад мухай!
Савось ціхшком узяў
Бутэльку са стала.
— Ну, жонка, пажадай
Мне ні пяра, ні пуху
І — што ні куст, ні крок,
Дзічына каб была…

Што гэта будзе так,
Ён меў не надта веры
Ды адступаць назад
Савось ужо не мог.
Ён шумна расчыніў
Перад сабою дзверы
І хісткаю хадою
Крочыў за парог.

Спачатку ён ішоў
Праз лес даволі смела,
Штось спрабваў напяваць,
Бадзёрыўся, як мог.
І след яго віхляў
Між соснаў і між елак,
Вядома ж, выпіў ён
За дзвух, а мо й за трох.

Кусаў мароз за нос
І снегу па калена
І сп'яну у вачах
П'яны́ хістаўся лес.
Савось з дзіцячых год
Лясы ведаў нядрэнна,
Таму усё глыбей
У гушчарыны лез.

Ён шмат так папятляў
Без мэты і без толку.
Раптоўна цецярук
Ўзляцеў і сеў на сук.
Савось схапіў з пляча
Надзейную двухстволку —
Палохаў цішыню
Страшэнны сэрца стук.

Прыцэліўся Савось
І на курок націснуў…
Націснуў на другі,
Ды стрэлу не было.
А цецярук хвастом
На развітанне бліснуў,
Знікаючы між дрэў,
Узняўся на крыло.

Савось разявіў рот,
Не разумеў нічога,
Глытаў нешанцаванне
І крыўду — напалам.
Яшчэ раз памянуў,
Не вельмі добра Бога,
І «разламаў» ружжо,
Зірнуў туды, а там…

Патронаў не было —
О, п’янка, ледзь не кома,
Адпітыя мазгі
Былі ўсяму віной
Патронаў не было —
Ён іх забыўся дома,
Таму плаціў цяпер
Такою вось цаной.

Ды цецярук — луска,
Не дужа быў і трэба.
Ён раптам уявіў,
Як у жахлівым сне —
Цямнее пакрысе
І мурзаецца неба,
Глядзіш, і ноч усё
Наўколле паглыне.

У дадатак да ўсяго,
(Савось аж разгубіўся)
Дзе вёска? Хата дзе?
Дзе, у якім баку?
З дарогі збіўся ён,
У лесе заблудзіўся,
Ён першы раз адчуў
Такое на вяку.

Так, перад жонкамі,
Ўсе мужыкі героі —
Сюды ж Савося, ў лес,
Гарэлка прываяла.
І тут Савось адзін,
Адзін, лічы, без зброі,
Бо стрэльба без патрон,
Нібыта чапяла.

А ноч усё бліжэй,
А страх сціскае грудзі,
І цемрай пазіраў
У вочы кожны кут.
Ён кінуўся ў бакі,
Як зайчанятка, ў спудзе,
Ён нават закрычаў,
Ды хто пачуе тут?

Ён сеў на нейкі корч,
Спустэшана і цяжка
І нізка апусціў
На грудзі галаву.
І раптам — мац кішэню,
Дастаў з гарэлкай пляшку —
І запаліўся ўвесь Савось —
Цяпер жыву!

Цяпер не страшны чорт!
І выглыкаў бутэльку,
Да кропелькі, да дна,
Не дыхаў — глык ды глык.
За Ражджаство Хрыста!
За светлую нядзельку!
І ты бывай здароў,
На небе, маладзік!

Устаў Савось з карча
І азірнуўся смела,
І хоць кусаў мароз,
Яго лягчэй трываць.
Адтала ў галаве,
Ў душы заласкавела —
Эх, каб цяпер знайсці,
Дзе ночку пераспаць.

Дык вось жа пад карчом
Нара ці лаз, ледзь бачны.
Савось туды залез —
Мароз тут абміне.
Ён штосьці мармытаў у сне,
Заснуўшы смачна,
Ён жонку абдымаў
У тым салодкім сне.

І ноч гэта прайшла
Імгненна і нябачна,
Бо кожнаму для сну
Гарэлка, як наркоз.
Працверазей Савось
І пацягнуўся смачна,
І нейкі пах адчуў,
Ажно вярнула нос.

Нічога не відаць,
Не разабрацца воку —
Няўжо ў валёнках ён,
Не распрануў кажух,
І спіць на ложку так,
А жонка каля боку?
Ды не! Дае у нос
Зусім не жончын дух.

Каго ж я абдымаў?
З кім спаў я, ёлкі-палкі?
Няўжо з суседкай спаў я —
Божа барані.
З кішэні ён дастаў
І чыркануў запалку —
І што ж убачыў ён
У кволенькім агні?

Ён ледзь не закрычаў,
Рот сціснуў рукавіцай,
Баяўся удыхнуць
І варушыцца ён.
Такое не магло
І ў страшным сне прысніцца,
І гэта ўсё было
Страшней за страшны сон.

О, лепш бы замярзаў
Ён ноччу на марозе,
Чым выпіў і затым
Залез пад гэты дах.
З мядзведзіцай праспаў
Ён ночаньку ў бярозе,
Яе і абдымаў,
Як жонку — сорам, жах!

Савось спіхнуў з мазгоў
Падпітасці ашмёткі,
Паціху адпаўзаў
Ён, дыхаючы ледзь.
Мядзведзіцы, напэўна
Прысніўся сон салодкі,
Што абдымаў яе,
Не, не Савось — мядзведзь.

І вось ён, родны лес,
І новы дзень, і сонца,
Дахаты крочыць ён
Бадзёраю нагой.
А як цяпер глядзець
Яму у вочы жонцы,
Не можа ж ёй сказаць.
Што ноч праспаў з другой.

А праўду ёй сказаць
Пра гэту ноч ля звера,
Пра незвычайны сон
І пра калядны цуд,
Дык засмяе яна,
Дык жонка не паверыць —
Не, моўчкі лепш Савось
Рашыў прыняць прысуд.

20.01.—21.01.2021

Самародак

Капаючы бульбу,
Дзям'ян натыкнуўся на камень рыдлёўкай —
Падумаеш, камень,
Ці ж мала ў зямлі камянёў.
Ён камень шпурнуў на мяжу
Па-спартыўнаму, лоўка,
Ды бліснула штосьці на ім
І Дзям'ян да яго падыйшоў.

У рукі узяў
І разгледзеў уважліва камень,
Пацёр рукавом
Там, дзе быў ад рыдлёўкі надсек.
Наблізіў яго да вачэй
Асцярожна, дрыготка рукамі
І тое убачыў,
Ніколі чаго не трымаў у руках
За свой век.

І спёрла дыханне,
І сэрца у скокі далося,
Калені Дзям'янавы ў дрыжыкі
Раптам пайшлі.
Такога й прысніць ён не мог
У сваім горкім лёсе —
Каб тут, сярод бульбы,
Як кажуць, ля самага носу,
Хавалася золата
Столькі гадоў у зямлі.

Яшчэ раз пацёр самародак Дзям'ян,
Лямпу бы Аладзінаву тую —
«Ну, Божачка, дзякуй,

Нарэшце мы з жонкай
Больш вольна ўздыхнём,
Куплю сабе новыя боты з ватоўкай…»
Раптоўна ён з вуліцы чуе:
— Ты што там малітву чытаеш,
Дзям’яне, стаіш з камянём?

Стаяў з матацыклам на вуліцы
Сам участковы,
Дзям’ян, вазьмі й ляпні:
— Вось, золата я адкапаў…
І адразу ж панік —
Сябе за прызнанне такое
Забіць быў гатовы,
Хацелася вырваць зусім
Свой, такі непатрэбны, задоўгі язык.

Ды позна было ўжо…
— Што, золата, кажаш?! —
І пагоннік падскочыў.
— Ану пакажы! Не хавай ад уладаў
Свой клад.
Схапіў самародак і сквапнасцю
Бліснулі вочы,
Дзям’ян жа стаяў,
Быў чарней чорнай ночы,
Бо ведаў, што цэннай знаходкі
Не верне назад.

— Дык вось,— участковы сярдзіта сказаў,—
Самародак я енты
З сабой забяру, экспертызу утворым яму.
Калі ён сапраўдны —
Ты свае атрымаеш працэнты,
Вось іх спажывай —
Будзь удзячны старанню майму.

Ускочыў на свой матацыкл і папёр,
А за ім пыл кудлаты.
Нібыта надзеі Дзям’янавы,
Ён раставаў пакрысе.
Дзям’ян быў хвіліну ўсяго,
Як лічыў ён, багатым,
Цяпер багацее у думках,
Як мы, багацеем усе.

Ішлі дні за днямі,
Згасалі надзеі ў Дзям’яна,
І нават у думках бядак,
На багацце ўжо
Не разяўліваў рот.
Але участковы прыскочыў
На двор да яго нечакана
І дэманстратыўна шпурнуў
Нейкі камень пад плот.

— Ну ты выдумляльшчык, Дзям’ян,
І работу задаў мне,
Бо клопатаў большых
Не ведаў на службе я,
Колькі жыву.
На, свой самародак!
Ён золатам нават не пахне,
Дарэмна ты байкамі, браце,
Дурыў галаву.

Паколькі Дзям’ян хваляваўся
Ўсе дні,
Хваляваўся й начамі,
Бо сэрца сціскалі балюча
Падзей абцугі,
Ён зараз з надзеяй схапіўся за гэты,

Прывезены камень
І крыўда душу апаліла —
Не той гэта камень, не той,
А звычайны, другі.

Цяпер у душы не было
І маленькай надзеі,
Ніхто не паверыць яму,
Хоць крычы,
Хоць раві тут раўма,
Ён кінуў услед матацыклу балючае —
Ну й прахіндзеі,
Ніякай управы на вас не было
І няма.

*

Аднойчы прыехала ў вёску
З раёну вялікая шышка,
Падняць каб удоі альбо ураджаі —
Хаця б на паперы падняць.
Дзям'ян, дзеля смеласці,
Выпіў нямала кілішкаў,
І ўсё расказаў гэтай шышцы
Пра свой самародак,
Каб крыўду і боль хоць крыху́
Ў сваім сэрцы суняць.

Начальства — на тое й начальства,
Яно да людзей, па-бацькоўску, аддана,
Яно ўсёй душой да людзей,
Хоць прыкладвай да ран.
— Я твой самародак вярну! —
Супакоіла шышка Дзям'яна,
І зноў багацець стаў у думках
Шчаслівы Дзям'ян.

Вярнуўся ў раён
З гэтай вёскі начальнік — і сходу
У рог у баранні
Таго участковага гне.
— Дык ты, сукін сын, гэтак служыш
Дзяржаве й народу!
Каб той самародак,
Які ў чалавека забраў без ягонае згоды,
Каб ён, а не камень падманны,
Быў сёння ў мяне.

Я заўтра ж яго адвязу
Чалавеку таму, ў вёску тую,
Як і абяцаў я яму,
Маё слова — закон.
А ты — прыкусі свой язык
І, магчыма, табе я дарую,
А будзеш мянціць языком —
Прэч пагоны з плячэй і з міліцыі вон.

І слова стрымаў,
І вярнуў «самародак» назад абяцаны:
— Вось камень, які участковы аддаў мне,
Дык гэта ж не золата. Не!
Цяпер і начальнік, замест самародка,
Прывёз ашуканства Дзям’яну…
— Каб ты свайго ценю баяўся! —
Дзям’ян «дабрадзея» кляне.

Ужо праз гадзіну, прыпёрся сюды
участковы
І — ў хату без стуку:
— Ну, дзе самародак?
Хачу я пабачыць яго, пакажы!

— Які самародак? — скрывіўся Дзям'ян,—
Той начальнік прывёз камянюку,
Звычайны ён камень прыпёр,
Вунь, ляжыць на мяжы.

— Ну што ж,— мацюкнуўся ўчастковы,—
Грабеж пад сябе без разбору?
Турэмнай пахлёбаеш ты баланды
І на нарах паспіш…
І ён чыркануў ананімку — не абы каму,
А даслаў пракурору,
І тым на кар'еры начальніка
Ставіў ён крыж.

Дзям'ян і не сніў, і не думаў,
Што, бульбу капаючы зранку,
Ён нервы сабе сапсуе
(За якія такія грахі?),
Што цэлы раён заразіць самародкам сваім —
Залатой ліхаманкай,
Не цэлы раён, а, дакладней,
На золата клюнулі, нашы кармільцы — вярхі.

І вось пракурор,
Як належыць яму па статуту,
Начальніку тэлефануе
І з трубкі грыміць яго голас,
Як гром — ад яго хоць бяжы:
— Ты што, у турму захацеў?
Ты навошта людзей баламуціш?
Ты, кажуць, на золаце спіш,
Хапянуў самародак чужы.

Закон наш для усіх,
Для мяне, для цябе — ён адзіны,

Сурова карае!
Таму, каб турмы ты пазбавіцца мог,
Хапай самародак — і з ім да мяне,
Праз якіх паўгадзіны,
А я буду думаць, куды цябе дзець мне —
Імчы з усіх ног.

Вось так самародак Дзям'янаў,
Вядомы ўжо і знакаміты,
У сейф пракурора патрапіў,
Ды доўга ён не затрымаецца там
Таму, што начальнік,
Як кажуць, не лыкам быў шыты,
І ён напісаў ананімку
Ажно у партыйны райкам.

А партыя наша была, як вядома,
Вышэй нават Бога,
Сумленнем і розумам нашым,
І чэсцю была.
І голас у трубцы гучаў
Па-бацькоўску, нястрога:
— Як справы твае?
Хоць кажуць, што у пракурораў
Не справы — «дела».

Я ведаю, судзіш ты строга усіх,
«Не взирая на лица».
Што ж, правільна судзіш,
Я гэта вітаю — закон ёсць закон.
А чуў ты, што Ленін сказаў —
Трэба з бліжнім дзяліцца?
А Ленін дурнога не скажа,
Разумны быў ён.

Сціскаўся ў камяк пракурор,
Адчуваў цішыню перад бурай.
— А чым падзяліцца мне з вамі?
Усё я аддам.
Гатовы я з вамі дзяліцца
Апошняй кашуляй
І нават апошні кавалачак хлеба
Гатовы дзяліць напалам.

— Ха-ха! — загрымела з райкама,—
Кладзеш мне кавалачак хлеба на сподак!
Кашулю з штанамі ў дадатак —
Ты сам гэта еш!
Навошта ж ад партыі нашай
Схаваў залаты самародак?
Імчы да мяне яго хутка,
Інакш у турме ты згінеш.

Магчыма, й далей самародак
Працягваў гуляць бы па свеце —
Аматары лёгкай нажывы
Працягваюць дзейнасць і сёння сваю.
Але паявіўся раптоўна артыкул
Ў раённай газеце,
Якая калісьці ў Дзям'яна
Ўзяла інтэрв'ю.

Дзе ён распавёў
Пра шчаслівы той дзень і… няшчасны,
Як бульбу капаў
(Хаця бульба для справы не ў лік),
І як самародак знайшоў
На сядзібе уласнай,
Як той ад яго
Нечакана й загадкава знік.

А прэса — ого! —
Гэта пятая наша улада,
Яе нездарма паважае й баіцца
Заўсёды ўвесь свет.
Яна і тады, пры Саветах,
Пярчынцы любой была рада —
І хутка знайшла самародка
Заблытаны след.

*

Ішло пасяджэнне суда
Ў, да краёў, перапоўненай зале,
Героем, галоўнай асобай
Зрабіўся Дзям'ян неўспадзеў.
Даволі пікантную справу
Ў раённым судзе разглядалі
Судзілі усіх, хто прысвоіць сабе
Залаты самародак хацеў.

Суддзя зачытала судовую справу
І сутнасць яе, галасіста,
На сцэне сурова і моўчкі
Ўвесь склад быў суда.
І тут на стале, перад залай усёй
Самародак ляжаў урачыста —
Дзям'янава радасць,
А вось для падсудных — бяда.

Раптоўна на сцэну падняўся вайсковец,
Як водзіцца, «пры эпалетах»,
Звярнуўся да суддзяў усіх,
Ні з таго, ні з сяго:
— Прабачце вы мне
І дазвольце зірнуць на штуковіну гэту,—
І ў рукі узяў самародак,
І пільна агледзеў яго.

— Увага! — у залу гукнуў ён,—
Для страху вялікага
Я тут не бачу прычыны,
Падсудныя ўсе — вінаватыя ўсё ж
Без віны.
Не золата гэта, а корпус нямецкай
І неіржавеючай міны,
Якая ляжала ў зямлі
Аж ад першай сусветнай вайны.

Ад гэтых, даволі спакойных,
Вайскоўцам агучаных слоўцаў,
Даліся ўсе ў дзверы,
А суддзі — пад стол, на зямлю.
Застаўся у зале Дзям’ян
І, як цень, падыйшоў да вайскоўца:
— За што ж я цяпер
Сабе боты з ватоўкай куплю?

А я ж на працэнты разлічваў —
Во лёс-безгаловец!
Я зноў мушу жыць,
Як дагэтуль і жыў, без надзей.
Дзям’яна абняў з цеплынёй,
Супакоіў вайсковец:
— На дзесяць ватовак і ботаў
За гэту знаходку заплоціць музей.

Такі вось канец —
І сенсацыі маюць ліміты.
Ў сумленным раёне
Наверх несумленне ўсплыло.
Дзям’ян з сваёй жонкай абноўку купіў,
Стаў для усіх знакаміты —
І зноў. вунь, дае інтэрв’ю,
Што ўсё гэта напраўду было.

І я, калі хтось надрукуе
Мой гэты аповед, так званы,
Што будзе вяршыняй амбіцый,
Вяршыняй пісьменніцкіх мар,
У вёсачку тую,
Вядомаму ўсім нам Дзям'яну,
Увесь, да апошняй капейкі,
Пашлю ганарар.

Цяпер, праўда, аўтарам плоцяць —
Пішы геніяльна ці блага,
Такія капейкі — ватоўку не купіш,
Не цешся дарма.
Пашлю хоць капейкі Дзям'яну,
Не грошы галоўнае — ўвага…
Прабачце, калегі-паэты,
Для нас, ані ўвагі, ні грошай няма.

21.01.—22.01.2021

Праўдзівая мана

Калі нядзеля надыходзіла,
Мужчыны
Без запрашэнняў, без прынукі,
Кожны раз,
Збіраліся
Без аніякае прычыны,
Любілі бавіць табалой
Свой вольны час.

Хтось анекдот распавядзе,
Хтось зманіць штосьці,
Заўжды знаходзіўся язык,
Як памяло.
Добразычліва ўсё праходзіла,
Без злосці,
Ну, што яшчэ дадаць тут?
Весела было.

Вясковец кожны
Памяркоўны меў характар,
Таму ніхто не лез
Зласліва на ражон.
І вось Антось Шальмец,
Вясковы завадатар,
Усім прысутным
Прапануе хітрасць ён.

Яго задумка
Прагучала нечакана
І сёння несла
Для прысутных навіну́:

— Скажыце, галубцы,
Хто з вас чытаў пра пана,
Што ўзнагароджваў
За праўдзівую ману?

Калі, напрыклад,
Хтосьці так маніў прыгожа,
Так языком
Пра незвычайшчыну мянціў,
Калі пярэчыў пан:
— Такога быць не можа!
Манюку ён за гэта
Золатам плаціў.

Дык вось і сёння, галубцы,
Такая штука —
З вас выдумляльшчык кожны,
Кожны балабол.
Усё, што хочаце, маніце,
Я ж без гуку
Вас буду слухаць —
І калі згаджуся з чутым,
Тады няўдалы раскашэліцца манюка,—
Гарэлкі пляшку ставіць
На агульны стол.

— А калі не? —
Спытаўся хтосьці асцярожна,—
Дасказвай думку,
Галаву нам не дуры.
— А калі не,—
Шальмец зазначыў пераможна,—
Тады я стаўлю на агульны стол
Аж тры!

— Ого! — огокнулі
Аднавяскоўцы хорам,
І завагаліся, і шэпчуць —
Пык ды мык.
Хто ж будзе першы з іх,
Каб стаць для ўсіх узорам,
Хто з іх адкрые сёння
Пераможны лік?

Засумняваўся хтосьці:
— Ты такі дарадца,
Што скінеш грэх на плечы нам
З сваіх плячэй,
Дык ты ж хітрун, Антось,
З усім будзеш згаджацца,
Каб толькі з нас бутэлькі
Выцягнуць хутчэй.

І тут Шальмец
Пераканаўча запярэчыў:
— Маніце так, каб я сказаў:
Не можа быць!
Тады і грэх мой
Не адчуюць вашы плечы —
Няўжо так цяжка
Штосьці «гэткае» зманіць?

Ну, галубцы, чакаю я,
Кульнуць прыспела,
Хто з вас мяне сваёй маной
Прыцісне ў кут?
Наперад выйшаў
Асцярожна і нясмела,
Даволі здатны на язык,
Мікола Шут.

Шальмец жахнуўся жартам,
Быццам клоун нейкі:
— Цябе, Мікола, я й баяўся,
Бачыць Бог.
Давай выкладвай,
託ваёўвай тры бутэлькі,
Распавядальшчык ты у нас —
Адзін за трох.

Мікола сціпла перарваў
Антося спрэчку,
Бо добра ведаў,
Што Шальмец — з трапла трапло.
— Аднойчы летам я палез
Скупнуцца ў рэчку,
Бо ад спякоты й дрэвам
Спасу не было.

Плыву, плыву сабе,
Грабу уперад смела,
Вакол, з усіх бакоў,
Шырокай рэчкі гладзь.
І рэчкі нашай плынь
Бадзёрыла мне цела
І раптам з-пад вады
За ногі хтосьці — хваць!

І цягне, цягне ўніз,
На глыбіню, ў бяздонне,
Спрабую я ў вадзе,
Ў бяздонні крыкнуць SOS!
Хоць тое ўсё даўно было,
Здаецца — сёння
І чым глыбей, тым жах мой болей
Рос і рос.

Я — ўсё-такі рыбак,
А тут — антырыбалка
Я быў тут не рыбак,
Я быў ужо — улоў.
Злавіла за нагу
Мяне тады Русалка
І пацягнула ўніз
Паміж крутых віроў.

А вось і дно ужо,
Яна глядзіць мне ў вочы,
Прыгожая —
Такіх не знойдзеш баб.
Я ёй пачаў пратэставаць:
— Чаго ты хочаш?
Я ж без хваста, зірні —
Пусці мяне назад.

Гляджу, здзівілася
Мая Русалка дужа:
— Ты ж ацані,
Якая ёсць я прыгажосць
Застанься тут, са мной, Мікола,
Будзь мне мужам.
Тлумачу ёй:
— Ў мяне наверсе жонка ёсць.

І, да таго ж,
Душа мая пратэставала:
— Ты адпусці мяне, Русалка,
На зямлю.
Гарэлкі тут няма,
Не бачу я і сала,
Прабач ты мне —
Я рыбнай стравы не люблю.

Не трэба здзеквацца з мяне,
Пабойся Бога!
І тут яна з абдымкаў
Выпхнула мяне:
— Плыві сабе наверх
А я злаўлю другога,
Разумнага, які захоча
Жыць на дне.

Каб у «суддзі»
Не заставалася сумненняў,
Рашыў паставіць кропку
Ўсхваляваны Шут.
— Такое вось тады
Было са мной здарэнне,
А што я вынырнуў з вады —
Вялікі цуд.

Затым на Шальмяца
Зірнуў ён пераможна,
А той услых, спакойна
Думкі гнуў свае:
— Табе я веру, Шут,
Бо так бывае з кожным,
Хто, перад тым,
Як лезці ў рэчку, перап'е.

З табою, браце Шут,
Я пагаджуся цалкам,
Бо з тым, хто топіцца,
Ўсе глюкі заадно.
Ты, безумоўна, Коля,
Бачыць мог Русалку —
Быў ты ў агоніі,
Калі пайшоў на дно.

Так, ты ляжаў на дне,
Паклаў жыццё на шалі
І гэта ўжо — святая праўда,
Не мана.
Тады АСВОДаўцы цябе уратавалі
Яны да жонкі
Паднялі цябе са дна.

Так што з цябе, браток Мікола,
Зараз пляшка,
Што ж, ты стараўся шчыра
Для агульных спраў.
І Шут дастаў з кішэні,
Уздыхнуўшы цяжка,
І ён на стол паставіў тое,
Што прайграў.

— Ну, хто наступны? Га?
Бо час абеду блізка,
А ў нас на ўсіх
Адна бутэлька усяго.
Смялей! Смялей!
Ну, можа ты, сусед Барыска?
Шальмец суседа раптам
Запытаў свайго.

— Што ж, згодны, я дык я.
Вось што было са мною,—
Як мокрае гарыць,
Барыс распавядаў,—
Зіму, чамусьці пераблытаўшы
З вясною,
Схапіў рыдлёўку я
І грады ускапаў.

Зямлі тады перапапаціў —
Процьму, горы,
Усё пасеяў, пасадзіў,
Што толькі мог.
І ўжо у студзені
Паспелі памідоры,
А агуркі сабраць у лютым
Бог памог.

Дык гэта ж, пэўна,
Канец свету, не іначай,
Парадку нават
У прыродзе не чуваць.
Цяпер вось лета на дварэ,
А жонка плача —
А ураджай зімовы
Нам куды дзяваць?

Ну што цяпер, Антоська,
Скажаш ты на гэта? —
Барыс спытаўся хітра,—
Вось табе й зіма.
Шальмец сказаў: — З табой я згодны,
Канцом свету
Завуць прыроду ў свеце
Сёння нездарма.

Расповед твой, браток Барыс,
Як, кажуць, міма,
Твае ўсе словы, гэта —
Не казырны туз.
Якія з году ў год
Да нас прыходзяць зімы?
Ні маразоў табе, ні снегу —
Плюс ды плюс.

Прырода страціла,
Ствapaла што вякамі,
І мы не ведаем —
Што пекла, а што рай.
Ды дробязь сёння
Памідоры з агуркамі,
Цяпер зімой,
Хоць ты кладзіся й загарай.

Такая вось цяпер
Прыродная закваска
І невядома, што бярэцца
І адкуль.
Так што, з цябе, Барыс,
Хоць ты сусед мой, пляшка,
А вынік, на маю карысць, ужо —
Два — нуль.

Ну, што прыціхлі, галубцы,
Як з’елі мыла?
Дзе ваш агонь?
Пакуль я бачу толькі дым…
Тут усміхнуўся у адказ
Бяззуба й міла
І крок зрабіў да Шальмяца
Дзядок Максім.

А можна мне, Антоська,
Хаця я не маю
Бутэлькі спрэчкавай,
Ды чорт яе бяры.
Ты выйграў дзве пакуль,
Да іх я далучаю
Тваe, што ты прайграеш мне,
Бутэлькі тры.

Шальмец падумаў:
«Гэты дзед, хоць і бяззубы,
А пальца ў рот яму
Усё-ткі не кладзі».
А сам услых прамовіў:
— Час не любіць згубы,
Таму, Максіме, пачынай,
Хутчэй трындзі.

І дзед «трындзець» пачаў:
— Дзялюся я сакрэтам,
Які ў сабе насіў
Да гэтага аж дня.
А адбылося гэта ўсё
Мінулым летам —
Святая праўда,
Ні прыдумка, ні хлусня.

Было спякотна, нават там,
Дзе леглі цені,
У хаце спёрта,
Ды і жонка плодзіць храп,
Таму я вырашыў,
Што ноч пасплю на сене,
Каб трошкі сілы аднавіць,
Бо ўжо аслаб.

І я дзіцячым сном
Заснуў, амаль імгненна,
На сене ноч — хвілінка,
Ноч жа ў хаце — гмах.
А раніцой адчуў — о цуд! о водар сена! —
Як жвава кратаецца
Штосьці у штанах.

Чаму ж, дурны я пень,
Раней не спаў у пуні?
Я ж моц мужчынскую вярнуў,
Я быў бы — э-эх!
Раптоўна тое, што ў штанах
Рукой крануў я,
Пралезла пругка да паловы
Праз прарэх.

Я галаву прыўзняў
І скасавурыў вочы,
Зірнуў уніз цішком —
І што ж убачыў я?
Убачыў я і абамлеў,
Бо гэтай ноччу
Ў штаны мае аднекуль
Запаўзла змяя.

Вось там яна, ў маіх штанах
Ноч і праспала,
Цяпер вачамі ў вочы зазірала мне.
Я зразумеў, Антось,
Што будзе мне не мала,
Калі мяне за штось
Змяюка ўгрызне.

І ад таго, што ма́ю нервы,
Як з жалеза,
Я не крануўся
І амаль не дыхаў я.
Яна ж, праз нейкі час,
Ў штаны назад залезла
І паміж ног маіх заснула —
Во змяя!

А што ж рабіць?
Я ж без вады тут і без ежы
У пуні гэтай
Доўга так не працягну.
Я ж, да таго,
Свае ўсе костачкі адлежаў —
Як са штаноў маіх
Прагнаць мне звярыну́?

Пакольки быў на сене я,
Як на трыбуне,
І з вышыні таму
Праз шчыліну сачу —
А раптам ранкам
Пройдзе хтосьці каля пуні,
Хоць я стары, Антось,
А жыць яшчэ хачу.

Ляжу, на Бога спадзяюся
І на ўдачу.
І літасцівы Бог пачуў,
Паслаў яе —
І вось на шчасце на маё,
Марусю бачу,
Яна ідзе сабе ля пуні
І пяе.

— Што за Маруся? —
І Шальмец увесь напругся,
Дзед засмяяўся хітра:
— Растлумачу я:
У нашай вёсцы ёсць
Адна толькі Маруся
Тады ля пуні,
З песняй жонка йшла твая.

Свой гэты шанц
Я ацаніў тады імгненна —
Вось хто прагоніць
Са штаноў маіх бяду!
І я гукнуў яе:
— Маруська, лезь на сена,
Я тут адзін!
Я без цябе тут прападу!

Зяхну́лі дзверы,
Глуха рыпнула жалеззе
Ад двух старых завесаў —
Значыцца ідзе.
Зашабуршыла ўнізе сена —
Значыць лезе.
І вось яна!
Пытае шэптам: Хто тут? Дзе?

— Я! Я, Маруська! Я!
Я — дзед, мяне намацай!
Праблема ноччу мне
Патрапіла ў штаны.
— А жонка дзе твая, дзядок?
— Старая ў хаце.
Ды ты не бойся,
Мы з табой цяпер адны.

— Ну, а чаго дзед хоча?
— Тут такая справа…
Хачу, каб неяк ты
Ў штаны залезла мне.
Яна — у голас мне:
— О, як гэта цікава!
І рамантычна гэта ўсё,
Нібыта ў сне.

Тым больш, на сене ў пуні,
Быццам на пракосе —
І ручанькай сваёю —
Шусь мне у штаны.
— Ты ж толькі, дзед, маўчы,
Не дакладзі Антосю,
Бо ён па часці рэўнасці —
Як ёсць, зусім дурны.

Шальмец падскочыў аж:
— Старое ты паленне!
Не праўда гэта! Не!
Усё гэта — мана!
Не лазіла яна,
Бяззубы чорт, на сена!
І у штаны твае
Не лазіла яна!

— Не лазіла яна-а? —
І дзед зрабіў зацяжку.
Сцвярджаеш ты, што век
Такога не было?
Ну, калі так, Антось,
Гані свае тры пляшкі,
Бо кліча ўжо абед
Нас пад сваё крыло.

— Ды не шкада зусім
Мне гэтых пляшак клятых!
Паклёп на жонку, ён —
Мне горш любога зла.
Тут хтосьці запытаў,
Крыху падбэсціў свята:
— А што там, дзед, яна
Ў тваіх штанах знайшла?

Дзед нават не звярнуў
Увагі на пытанне,
Па-гаспадарску ён
Накрыў агульны стол…
Тут кожны здольны быў
На жарты, выдумлянні,
І быў тут кожны —
Гумарыст і балабол.

23.01—24.01.2021

Па законах ваеннага часу

Саракавыя гады… У вайну
Беларусь на калені не стала,
Калі маці-зямлю сінявокую
Дзёўбаў фашысцкі груган.
І старыя й малыя —
Уся Беларусь ваявала,
Хто у войска пайшоў,
Хто ў рады партызан.

Мінула вайна… Час уперад ляціць,
Як маланка,
А памяць захоўвае свята
Твой подзвіг, народ.
І сёння, праз столькі гадоў,
Кажам мы: «Беларусь-партызанка»,
І скажуць нашчадкі такое
Праз тысячу год.

Каб ушанаваць гэту памяць,
Не спяць рэжысёры ў падушку,
Здымалі і будуць здымаць
Патрыятычны ўслаўляючы дух.
І вось малады рэжысёр
Зняць рашыў кінастужку,
Галоўнаю тэмай якой
Партызанскі стаў рух.

Няпроста зрабіць гэта сёння,
Зямлю «падмялі́ мы й прыбралі»
І лес парадзеў,
Бо ад пілаў звініць у вушах.

Мы столькі праклалі дарог,
Столькі набудавалі —
Жыццё набірае разгон,
Набірае размах.

Прагрэс — ён карысны, але
Ён і шкодны,
Прагрэс — пад сабой сук сячэ,
Ён і ноч, ён і дзень.
А трэба ж знайсці рэжысёру
І лес першародны,
І вёску, хаця бы адну,
Каб вакол — глухамень.

Шукаў рэжысёр,
З ім шукаў сцэнарыст —
Не стаялі на месцы,
Аб'ехалі і абыйшлі,
Хто б сказаў — паўзямлі.
Стапталі не мала падэшваў,
Патрацілі час — і нарэшце
Знайшлі, нават больш, чым шукалі,
А лепшае значна знайшлі.

Ну што ж, не дарма
Рэжысёр з сцэнарыстам бадзяжыў,
Не вераць вачам, бо натура, што трэба
На ўсе тут бакі.
Такое ўражанне, быццам бы час
Гэты кут не заўважыў
Ці раптам, па нейчай камандзе,
Назад адступілі вякі.

Цяпер неабходна было
Праз лес гэты «немцаў» правесці
Да месца таго,
Дзе ў засадзе чакае атрад «партызан»
І толькі у тым,
Рэжысёрам прызначаным месцы,
Адбудзецца бой —
Вось такі папярэдні быў план.

Атрад партызан быць павінен быў
Мужны, наўздыме,
Каб пераканаўча на камеру
Дзейнічаў ён.
А немцы павінны былі
Ў партызан пастраляць халастымі
І, кінуўшы зброю,
З рукамі узнятымі, здацца ў палон.

Акцёры былі знакамітыя —
Зорка на зорцы,
Усё паступова да здымаў,
Да справы ішло.
Ўсё гладка было,
З рэжысёрам у творчай гаворцы,
Заўжды на паперы ўсё гладка,
Ніколі равоў не было.

Калі партызаны-акцёры,
Дзе трэба, сядзелі ў засадзе,
Чакаючы немцаў-акцёраў,
Калі ж тыя выткнуць свой нос,
Тады ужо немцаў-акцёраў,
У форме усіх, пры парадзе,

Сцяжынай нябачнаю вёў
Павадыр — дзед Фядос.

Фядос быў мясцовы жыхар,
З гэтай вёсачкі Гайны,
Стары быў дзядок,
Але ведаў лясы назубок.
Ён вёў да засады атрад,
На чале з генералам,
А ўжо перад «боем»,
Павінен сыйсці быў у бок.

Ішлі з перадыхам,
Бо дзед прыставаў, а прычынай
Быў дзедаў узрост —
Дзевяноста гадкоў адгуло.
І трэба ж супасці было,
Каб па гэтых мясцінах,
Вяртаўся дамоў з палявання
Ў суседнюю вёску Міхалка Шуло.

Суседняя вёска і вухам не чула
Пра здымкі карціны,
Жылі сабе ціха, спакойна,
Як продкі жылі іх спрадвек.
І раптам Міхалка пачуў
Недзе гоман мужчынскі,
І дужа здзівіўся —
Тут рэдкасць чужы чалавек.

Міхалка падкраўся туды,
Дзе гусценькі хмызняк стаў завесай,
Адкуль даляталі
Прыцішаныя галасы.

Зірнуў і стрымаў ледзьве крык —
Немцы крочылі лесам!
Зноў немцы! —
І ўздыбіліся валасы.

Шуло так папёр,
Ажно голле з-пад ног вылятала.
Артысты спалохана сталі: — Хто гэта?
Усіх супакоіў Фядос:
— Ды дробязь. Напэўна, мядзведзь,
Іх у нас тут нямала.
Артысты прыселі ажно,
Адчуўшы на сэрцы мароз.

Міхалка, збялелы ад жаху,
Прыпёрся у родную вёску,
Не можа аддыхацца,
Сэрца ірвецца з грудзей.
Імчаў паміж хат,
Нараджаючы лямант, галоскі:
— Ратуйцеся! Немцы!
Ўцякайце! Хапайце дзяцей!

Найперш павыскоквалі бабы
З надворкаў і хатаў —
І ў слёзы, і ў голас:
— Зноў немцы! Ратунку няма!
Міхалку спыніў —
У бялізне, як корч сухаваты,
Прайшоўшы ажно тры вайны,
Дзед Кузьма.

— Стаяць! Што за гвалт?
Што за вэрхал сабачы?
Людзей баламуціш,
Па вёсцы разнёс пустазвон.
— Там немцы! — бажыўся Шуло,—
З генералам ішлі, я іх бачыў,
І з Гайны Фядоса вялі,
Пэўна, ўзялі ў палон.

А раптам яго расстраляюць
Фашысты-бандыты.—
І хліпнуў,
І выцер ўзмакрэлыя вочы Шуло.
Кузьма зноў Міхалку спыніў
І спытаў дзелавіта:
— А тэхніка? Танкі?
А гітлерцаў шмат там было?

Усё дакладзі мне.
Магчыма былі самалёты?
І не скавычы тут, як баба,
Ядроная маць!
— Здаецца, былі там гарматы…
Ў асноўным жа — процьма пяхоты,
Вось гэта я бачыў —
Ой, трэба ж нам з вёскі цікáць!

Дзядок мацюгнуўся трохзначна:
— Адставіць бадзягу!
І лямант жаночы пачаў
Затухаць пакрысе.
Кузьма ўзняў руку,
Гучна крыкнуў: — Суседзі, увага!

Каб праз паўгадзіны
Былі тут са зброяй усе!

Хто — вілы бярыце, хто граблі,
Касу ці лапату,
Сустрэнем мы ворага,
Мы не здадзімся ў палон.
Мы ў саракавыя гады
Білі гітлерцаў клятых,
Паб'ём іх і сёння,
Каб кішкі з іх вон.

Кузьме хтосьці ціха сказаў:
«Выплюнь гітлерцаў з роту,
Бо Гітлеру, гэнаму зверу,
Даўно ўжо капут…»
Кузьма ж, быццам той камандзір,
Аглядаў сваю роту» —
Былі нават бабы «пры зброі»,
Усе былі тут.

*

«Нямецкі ж атрад» ціха крочыў
Да кропкі умоўнай
І ведалі ўсе —
Надыходзіць для бою пара.
І тут з двух бакоў,
На атрад, нечакана, раптоўна,
Наскочылі… хто яны? што яны? —
З крыкам «ура!»

Артысты падумалі:
«Вось яно, месца засады»,
Яны прытаміліся,

Лесам не мала прайшлі,
Таму і развязцы такой нечаканай
Былі вельмі рады
І, згодна сцэнарыя,
Дружна страляць пачалі.

Кузьма закрычаў:
Акружайце! Уперад! Паўзіце на пузе!
Фядос зразумеў,
Што суседняя вёска напала на іх.
Таму супыняў: — Тут свае! Не страляйце!
Тут нашы ўсе, Кузя!
Спыніцеся, добрыя людзі,
Не пазабівайце сваіх!

Тым часам гучала й была
Страляніна паўсюдна,
Старанна страляў халастымі
Нямецкі атрад.
Кузьма зычна крыкнуў Фядосу:
— Прадаўся, Іуда!
Табе ўжо гітлерцы сталі сваімі —
Во гад!

Артысты, як ім і прадпісваў
Кіношны сцэнарый,
Адкінулі зброю, здаліся ў палон,
Адным словам — кранты.
Кузьма і вяскоўцы
Не сталі чыніць тары-бары,
Скруцілі іх хутка
Й анучы запхнулі ў раты.

Кузьма трыумфаваў:
Я прайшоў тры вайны, ўсё бывала,
Бывала, ў палон заграбастваў
Фельдфебеля я.
Цяпер, на чацвёртай вайне,
Паланіў самаго генерала —
Ўсё гэта — мой вопыт
І воля, і мужнасць мая.

Дзед мужны меў выгляд,
Хоць быў у бялізне і босы
— Што, Гітлераў прыхвасцень,
Дранікаў хочаш? А во!
Дзед дулю скруціў
У артыста ля самага носу
Ён з віламі пільна стаяў
Каля генерала «свайго».

А той штосьці спробваў сказаць,
Але ў роцеануча,
Ён міміку, нейкія жэсты
Пускаў свае ў ход.
— Мычыш? Што ж, мычы! —
І Кузьма плюнуў гучна.
Мы вас, па законе ваеннага часу —
Да д’ябла, ў расход!

І дзеда Фядоса скруцілі,
Ён здраднік —такім няма спасу.
Яго асабіста Кузьма
Пасадзіў у свой склеп.
Цяпер кіравалі
Законы ваеннага часу.
І ўсіх у скляпы пад замок,
На ваду і на хлеб.

*

Усе — рэжысёр, сцэнарыст,
Сабе не знаходзілі месца,
Трывожных здагадак цяжар
На душы рос і рос.
Куды ў форме немцаў акцёры
Усе маглі дзецца?
І з імі, надзейны такі павадыр,
Дзед Фядос.

Няўжо заблудзіліся ў лесе
Пакутуюць недзе,
Не маюць з сабою нічога —
Ні есці, ні піць.
А можа патрапілі раптам
У лапы мядзведзя,
А можа… а можа…
А можа — усё можа быць.

Раптоўна ім хтосьці сказаў,
Што суседняя вёска,
Злавіла нямецкі атрад
На «сапраўднай вайне».
І з імі ў палоне знаходзіцца
Нейкі Фядоска,
Але невядома,
Жывыя яны ўжо ці не.

Таму, што ў былую вайну
Не было ад фашыстаў ніякага спасу,
Ото ж нацярпеўся тады
Беларускі народ.
Палонных маглі,
Па законе ваеннага часу,

Паставіць да нейкай сцяны
І пусціць у расход.

І вось рэжысёр адшукаў бедакоў,
Ледзь ад шчасця не плакаў,
Прыходзілі кожны ў сябе,
Хто як мог, пакрысе.
Падзяка вялікай удачы
І Богу падзяка —
Знайшліся акцёры і дзед, праваднік іх,
Жывыя усе.

Цяпер сцэнарыст з рэжысёрам
Збяруцца — напару,
Каб тое, што тут адбылося,
Ім асэнсаваць.
Само тут жыццё напісала
Цікавы сцэнарый,
Пра гэта, пра дух беларускі,
І будуць здымаць.

Фядос падыйшоў да Кузьмы:
— Падкузьміў ты сябе, даў ты маху.
Кузьма усміхнуўся на гэта:
— Які ты прасцяк!
Я дзейнічаў, братка Фядос,
Па законах ваеннага часу
І буду ў ліхую гадзіну
Рабіць толькі так.

25.01—27.01.2021

Гумар
2020–2021

Учитесь у меня

Казаться вежливым, воспитанным, не просто,
Когда не вежлив, не воспитан — чем тут крыть!
Гораздо проще и надёжнее раз вó сто
Не притворяться, не казаться им, а быть.

Когда к вам кто-то пристаёт, словно лунатик,
И достаёт вас, не теряйте головы.
Не надо грубо восклицать: — Пошёл ты нá фик!
А надо вежливо: — А не пошли бы вы…

Пусть кто-то даже затевает с вами свару,
Не стоит и́стошно кричать на целый свет:
— Да я, козёл, тебе сейчас расквашу харю!
А надо сдержанно, не выпуская пару,
Сказать: — Я в кровь сейчас раскрашу ваш портрет.

А уж когда на шею вам повиснет дама,
Пусть и страшна, как самый страшный человек,
— Уйди, уродина! — не отторгайте прямо,
А нежно молвите: — Не видеть бы вас век!

Интеллигентность и культура ныне в теме,
А невоспитанность и хамство — злоба дня.
Чтоб быть воспитанным и вежливым со всеми,
Пока я жив ещё — учитесь у меня.

Разное

Руки опускаются,
Коль нету ни гроша.

Нету вдохновенья —
Опускается душа.

Зубы мы на полку
Кладём, коль нет еды.

Хотя и от обжорства
Не избежать беды.

Хоть обкормите волка,
Его всё тянет в лес.

А у меня и натощак
К соседке интерес.

Деньги одолжаем
На время иногда,

Назад же возвращаем
Свои — и навсегда.

Писатель награждается
За сло́ва мастерство,

А тот, кто награждает,
Не читал его.

Он в своём глазу бревно
Не видит — ну никак,

Зато из этих брёвен
Построил особняк.

Да, молчанье — золото,
Источник многих тыщ.

Я — неразговорчивый,
Но почему-то нищ.

Правду не ищите,
Она сама придёт.

А мой сосед без правды
Лучше меня живёт.

Мне, после отсидки,
Знакомый — пык да мык.

Еле разобрал я:
Прикуси язык!

А дома лучше

Я не хочу в тропические страны
Или же в злые джунгли — нет и нет.
Я там боюсь попасть на зуб кайману
Или аборигенам на обед.

И северные не влекут широты,
Где ждёт опасность каждого своя.
Там белые медведи сводят счёты
С такими дилетантами, как я.

А мне деревню подарил Всевышний,
Опасности в ней есть, но не страшны —
Лишь муж соседки или шкалик лишний,
Да недовольства мелкие жены.

Мару не марыць

Марыў я набыць здароўе,
Бегаць у спартзал штодня.
Ды ад мары адыйшоў я,
Сеў на белага каня.

Я свабодным жыць маніўся,
Каб не гнуцца у дугу.
Але здуру ажаніўся,
Зараз — як на ланцугу.

Вельмі марыў стаць прыгожым,
Падцягнуў свой твар хутчэй.
У люстэрка зірк — о Божа!
Жах такі, не сплю начэй.

Марыў стаць крутым, багатым,
І украў, нажыў бяду,
Але хваць мяне й за краты —
З нараў злез, дамоў іду.

Ну аб чым цяпер гутарыць —
Час ідзе, жыццё бяжыць.
Мару я цяпер не марыць,
А ў рэальнасці пажыць.

У гісторыі след

У сячкарні часоў
Не спыняецца праца.
У жыццё я прыйшоў,
Каб не знікнуць — застацца.

Рассакрэчу сакрэт —
Каб бясследна не згінуць,
У Гісторыі след
Неабходна пакінуць.

Захавацца бы мне
У сваім хаця б часе.
Эх, вазьму й на сцяне
Напішу: «Тут быў Вася!»

Частушкі

Не копай другому яму,
А копаешь — помечай.
Сам в неё, хоть трезвый, пьяный,
Попадешься невзначай.

Млеешь ты сейчас с соседкой
И от этого хмельной.
А сосед, пройдоха редкий,
Тешится с твоей женой.

На заборе села галка —
Зрелище бесплатное.
Муж уехал на рыбалку —
Что здесь непонятное?

Не ходите, девки, замуж,
Выйдете — не сдобровать.
Муж небрежно вашу маму
Будет тёщей обзывать.

Тёща сразу — хвать за яйца,
Только зять через порог.
От глазуньи, так и знайте,
Отказаться он не мог.

От частушек сердцу слаще,
Чем от хрену тёртого.
Запевайте их почаще —
Эх, частушка чёртова!

Начная эпапея

Восень позняя. Першы снег
Дзе-нідзе прыбяліў далягляды.
Набірае зіма разбег,
Хаця ёй не зусім мы рады.

Я не здолеў заснуць ніяк,
Выйшаў з хаты дыхнуць на ганак,
Раптам відна зрабілася так,
Быццам гэта не ноч, а ранак.

Зірк у верх я — і ледзь не ў крык,
(Жах у сэрцы яшчэ й цяперка)
Добра, што прыкусіў язык,
Бачу, ўверсе вісіць талерка.

І ліхтарыць — вакол, як днём,
Асвятляе усё наваколле.
І зіхціць, і пячэ агнём
Так, што ў садзе аж дым ад голля.

Павісела — і, як не было,
Знікла, толькі дымок ад яблынь.
Апяклося і ночы крыло,
Ды і я, нібы спечаны яблык.

У мяне ледзь душа не вон,
Перажыў эпапею начную.
Я схапіўся за тэлефон,
І спецслужбам тэлефаную.

А яны мне ў адказ: «Ха-ха!»
Зубы скаляць замест сур’ёзу.
Кажуць, складна каб так брахаць,
Трэба конскую выпіць дозу.

Я па-польску крычу: «Пся крэў!»
Я па-руску: «У рот вам дышла!»
У мяне ўвесь вунь сад счарнеў,
Падзівіцеся, што тут вышла.

Панаехала ўсё-ткі іх —
Не ступіць, не прайсці, непрадых.

Акруціліся й хочаць назад,
Зноў хіхікаюць нада мною,
Бо, пакуль яны ехалі, сад
Закіпеў, заквітнеў, як вясною.

Яны ўзважваюць «супраць» і «за»,
Бо няма голля чорнага ў садзе.
А што сад заквітнеў — драбяза,
Перад самай зімой, ў лістападзе.

Тэма тэм

Аж ад першага дня, да апошняга дня,
Мітусня, мітусня, мітусня.

Кожны прагна імкнецца ў мякіне-жыцці
Хоць бы зернейка сэнсу знайсці.

А пакуль хтосьці знойдзе яго, або не,
І жыццё непрыкметна міне.

Не сціхае над тэмаю тэм балбатня —
Што́ жыццё? Сэнс усё-такі ці мітусня?

Не апошняя скрыпка у спрэчцы мы ўсе,
Сэнс жыцця для адных, як сляды на расе,

Сонца раніцай блісне — і знікнуць сляды
Значыць крочаць такія сляды ў нікуды.

Дык няўжо мітусня нашых дзён і гадоў?
Значна больш ад яе мы пакінем слядоў.

Сэнс жыцця, як заўсёды, у кожнага свой —
У мякіну за зернем і я з галавой.

Шах(мат)ная партия

— Послушай, милая подруга,
Поскольку ты не молода,
Ты всюду страстно ищешь друга —
Так вот тебе моя услуга:
Нашла его, не без труда.

Ему всего шестой десяток,
Он, правда, трижды был женат.
Но есть один в нём недостаток —
Он в жизни очень любит мат.

Он не богат, не Монте-Кристо…
Подруга взвизгнула: — Плевать!
Он любит мат! Я шахматиста
Давно хочу захомутать!

Ведь шахматисты — вундеркинды,
Смысловы, Фишеры, мозги!
Да будь он не красивый трижды —
Согласна я! Беги! Зови!

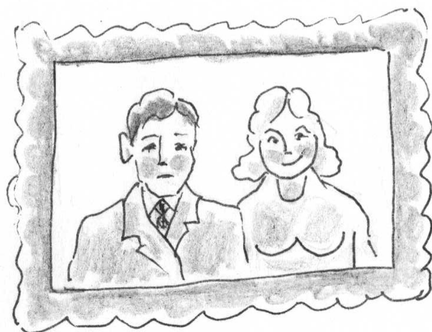
И брак свершился, как бывает,
Но, жаль, не у небесных врат.
Она в азы игры вникает,
Супруг ей шах не объявляет,
Но через слово гнёт ей мат.

Цалуйцеся!

Я выпіў келіх — і ні ў водным воку,
Я выпіў два — і зноў каля нуля.
Я выпіў нават пяць — і ўсё без толку,
Я ўсё цвярозы, быццам немаўля.

І колькі я не піў — было ўсё мала,
Ў мазгах ні хмаркі, у вачах — святло.
І раптам ты мяне пацалавала
І ўсё перад вачамі паплыло.

Вось так і ап’янеў я неўспадзеўкі,
І кожны дзень «п’яне́нькі» я такі.
Не пераводзьце грошы на гарэлку,
Цалуйцеся з каханай, мужыкі!

Творчы дыялог

— Ты памятаеш, пры бальшавіках,—
Паэт гаворку распачаў панура,—
Які для літаратараў быў жах,
Як лютавала жудасна цэнзура?

А сёння вольна думцы і душы,
Што стрэльнула ў мазгі, тое й пішы.

Другі паэт зарагатаў у адказ:
— Ды ты, я бачу прастата святая!
Занятыя кіраўнікі ў наш час,
Ніхто з іх сёння кніжкі не чытае.

Ці проза ім, ці вершы — хоць бы хны,
Такіх «звяроў» не ведаюць яны.

Сезонный спор

Вздумал подчинённый на́ глаз с глазу
Припереть начальника к стене:
— Сколько я работаю, ни разу
Вы не дали отпуск летом мне.

А у вас любимчики в фаворе —
Лето им и бархатный сезон.
Я ж лечу на юг, когда там в море
Попа мёрзнет у меня — пардон.

Но начальник для того и главный,
Мыслит широко и далеко.
Спор сезонный с подчинённым давний,
Разрешил изящно и легко.

Он в своём решеньи — неизменчив,
За́дал подчинённому вопрос:
— Ты признайся, любишь потных женщин,
Ну а водку тёплую ты пьёшь?

— Тёплую? — воскликнул подчинённый,—
Потных баб? Да Боже упаси!
Выдохнул начальник умилённо:
— Летом отпуск больше не проси.

Вегетарианец

О стол! От яств ломи́тся!
Пестрит в глазах от блюд.
Здесь рыба, мясо, птица,
Чему Бог дал родиться,
Конец нашло свой тут.

Гостеприимен, ласков
Хозяин — даже мил.
— Вот сочная колбаска,
Кабанчик жирный был.

Такой был непоседа —
То двор, то хлев, то луг.
Хозяевам был предан,
Как настоящий друг.

А вот на блюде чинно
Ждёт часа своего
Телячья буженина
И хрен — как без него?

Телёнок был, как сказка —
Сроднишься с ней, прочтя.
Привязан был и ласков,
Как малое дитя.

А вот на этом блюде,
Румянится слегка —
Берите, рад он будет,
Цыплёнка-табака.

Был петушок весёлый,
Пока был жив и цел.
Он, громче радиолы,
Рассвет встречая, пел.

А здесь на блюде рыба,
Поймал её в реке.
Эх, посмотрели вы бы
Рыбёшек на крючке.

Не видели вы сроду
Предсмертный танец их.
Как им хотелось в воду,
Назад, хотя б на миг…

Сидел я, как в тумане,
Был мыслей полный рот.
А что, если б над нами
Был неких монстров род.

Явились ниоткуда,
Чтоб править на земле.
Из нас стояли б блюда
У монстров на столе.

Хозяин взял бы слово
И предложил гостям:
— Вот плов из Иванова,
Его я делал сам.

Он, правда, был балбесом,
Но славный вышел плов.
А здесь, под майонезом,
Зажаренный Петров.

И хрен здесь из-под тёрки,
Для блюд пикантный смак.
А под хрустящей коркой
Здесь Сидоров-табак…

Представив небылицу,
Я есть уже не мог —
От рыбы, мяса, птицы
Я дался за порог.

Нет, я не самозванец,
Не шлю другим укор,
Я — вегетарианец
С тех незабвенных пор.

Дон-Жуан

Мы встретились, свои глаза скрестив,
Как шпаги, взгляда два судьба скрестила.
Поскольку я чертовски был красив,
Она, борясь не долго, отступила.

Её пленил я красотой своей,
Очаровал — какие тут сомненья!
Я голову настолько ей вскружил,
Лишь бегство стало для нее спасеньем.

Я юных дев смущал, и в том секрет.
Что я неотразим, к чему кокетство.
Да, Дон-Жуан и в восемьдесят лет,
Пленит любую, обращая в бегство.

Споров кутерьма

Толпа около дерева
Взмутила кутерьму:
— Кто скажет приблизительно,
А сколько лет ему?
Я подскочил к собравшимся,
Всем тактам вопреки,
И сразу показал свой ум:
— Ну вы и дураки!
Спилите это дерево —
И спорам всем конец,
На срезе вы увидите
Количество колец.
Когда же посчитаете
Вы каждое кольцо,
Тогда и возраст дерева
Предстанет налицо.

Но люди были вовсе не глупы́:
— Ах умный ты! —
Сказали из толпы.
Но чтоб узнать, умен ты или нет,
На это только мозг твой даст ответ.
— А он на это дал ответ давно,
Вон сколько книг я написал. Полно!
На мозг мой мне намек понятен ваш,
Но без ума такого не создашь.
— Э нет!
Мы видим, этот труд не мал,
А вдруг чужие мысли ты списал.

Теорию мы отодвинем вбок,
Для точности — твой вскроем черепок,
Как ты спилить советовал сей дуб,
На мозг твой взглянем, умный лесоруб,
И, сосчитав извилины, тогда
И вынесем вердикт — умён ты, да!
Я понял: вскрытье — это смерть и мрак
И потому вскричал: — Да будет так:
Не отрекаюсь от своей вины,
Уж лучше, я — дурак, а вы — умны.

Порою, в споре том или ином,
Встревать не надо со своим умом,
Она опасна, споров кутерьма —
Как бы не вскрылась дурь поверх ума.

Вартаўнік

Бязгрэшным быць зусім няпроста,
Спакусы ліпнуць, як кароста,
Яны ля кожнага, як цень.
І мы, што маем тое й маем,
Напой спакуслівы прымаем,
Як лекі, ледзь не кожны дзень.

А рай, каб менш было бяды,
Закрыць, няхай не назаўжды,
На нейкі час для пераўліку.
Бо ў рай цішком пралезла шмат —
Хто д’яблу брат, хто чорту сват,
Хтось меў ва ўладзе чын вялікі.

А я не жыў на іх манер,
Паколькі я пенсіянер,
Усё зраблю, каб зменшыць шкоду.
Адкрыта я, а не цішком
Ўладкуюся вартаўніком,
Няхай не ў рай, а ля ўваходу.

О, не пералічыць дзялкоў,
У рай яны палезуць зноў,
Як пры пасадзе, да карыта.
Дзялкі знаёмыя ўсе мне,
Ніводзін з іх не прашмыгне
Па блату ці з анкетай-«ліпай».

Ответит некролог

Живая есть, есть мертвая вода,
Но только в сказках этот водоем.
А мы при жизни, все свои года,
Какую воду ежедневно пьем?

Из крана, безо всяких оговорок,
Мы воду пьем.
Так это ж ерунда!
А из бутылки, градусов на сорок —
Лизнешь, глотнешь, кульнешь —
Вот это да!

До этого, весь день сидел, зевая,
А выпив стакане́ц — ты царь, ты Бог!
Где мертвая вода, а где живая?
Ответ в себе содержит некролог.

З м е с т

Вершы 2020–2021

Стихотворения 2020–2021

Паэмы 2020–2021

Гумар 2020–2021

Літаратурна-мастацкае выданне

ДАВІДОВІЧ Сяргей Фёдаравіч

ЗБОР ТВОРАЎ

Том 14

Вершы
Паэмы

Адказны за выпуск *Зміцер Колас*

Малюнкі *С. Ф. Давідовіча*
Фота *Л. С. Тайноўскага*

Мастацкае афармленне серыі *С. Ф. Давідовіча*
Тэхнічны рэдактар *Л.А. Талстухіна*

Падпісана да друку 23.02.2021. Фармат 84×108$^{1}/_{32}$. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 19,74.
Ул.-выд. арк. 11,75. Наклад 45 экз. Заказ 7.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: індывідуальны прадпрымальнік
Зміцер Колас. Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца,
вытворцы, распаўсюдніка друкаваных выданняў.
№ 1/291 ад 17.04.2014.
Пр. Незалежнасці, 105-14, 220114, Мінск.